

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2024 Том 16 № 1

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-1

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Воронин С.А., д-р ист. наук,
профессор кафедры всеобщей
истории факультета гуманитарных
и социальных наук, Российский
университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

**Заместитель главного
редактора**

Куделин А.А., кандидат историче-
ских наук, заведующий кафедрой
всеобщей истории, Российский
университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация
E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

Ответственный секретарь

Попова Е.А., кандидат истори-
ческих наук, доцент кафедры
всеобщей истории, Российский
университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Бакри Абу аль-Хассан Мусса, кандидат исторических наук, профессор, Каирский университет, Гиза, Египет

Варику Кулбхушан, профессор Университета имени Джавахарлала Неру, Дели, Индия

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Губайдуллина М.Ш., доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления, Университет Карлтона, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, Оттава, Канада

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, специалист Центра просветительской деятельности «Разговоры о важном», Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

Стефанидис И.Д., профессор, Университет имени Аристотеля, Салоники, Греция

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки elibrary.ru, DOAJ, Cyberleninka, индексируются Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история» – периодическое рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов научных исследований ученых из России и различных регионов мира в виде оригинальных научных сообщений, библиографических обзоров.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: 5.6.2 Всеобщая история, 5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Основные рубрики журнала: история исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, история ислама, история Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, к сотрудничеству по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>

Электронный адрес: histj@rudn.ru

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Редакторы англоязычных текстов *С.А. Михайлов, Ю.С. Медведев*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 15.01.2024. Выход в свет 25.01.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 10,33. Тираж 500 экз. Заказ № 19. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2024 VOLUME 16 NUMBER 1

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-1

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
named after PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey A. Voronin

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: voronin-sa@rudn.ru

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Andrey A. Kudelin

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Elena A. Popova

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: popova-ea@rudn.ru

Members of Editorial Board

Aboualhassan Bakry, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Inna A. Gvozdeva, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Mara Gubaidullina, Doctor of Science (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Piotr Dutkiewicz, Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Li, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Lyudmila V. Ponomarenko, Doctor of Science (History), Professor of the Theory and History of International Relations Chair, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Warikoo, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Nikolay I. Smolenskiy, Doctor of Science (History), Professor, specialist of the Center for Educational Activities «Conversations about important things», State University of Education, Moscow, Russian Federation

Ioannis Stefanidis, Aristotle University of Thessaloniki, Thessaloniki, Greece

Anatoliy M. Khazanov, Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), DOAJ, Electronic Library Cyberleninka, Indexing by Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Dimensions.

Aim and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles and review, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>

E-mail: histj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*

Translation Editor *S.A. Mikhailov, Yu.S. Medvedev*

Layout Designer *I.A. Chernova*

Address of the editorial office:

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЙ МИР

- Орлов В.В.** Традиции магрибо-сахельской государственности и исламский радикализм в начале XXI в. 7
- Наумов А.О.** Деятельность молодежных движений на Украине на рубеже XX–XXI веков 18
- Бребдани А.М., Нахро М.И.** Китай на Ближнем Востоке: стратегические приоритеты и особенности 28

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

- Ким Н. Н.** Консервативный поворот в исторической политике в Республике Корея..... 41
- Ардашникова А.Н., Коняшкина Т.А.** Гендерный аспект идеологии и практики иранского национализма в первой трети XX в. 64
- Смирнов В.Е.** Преступление и наказание в османском Египте в последней четверти XVIII в.: дело об убийстве Йусуф-бея 80
- Жидкова О.В., Попова Е.А.** Дипломатия европейских государств и революция 1830 г. в Бельгии..... 94

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Тимохин Д. М., Тишин В. В.** Описание кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака в мусульманских сочинениях первой половины XIII в.: к проблеме историографической преемственности..... 105

CONTENTS

WORLD TODAY

- Orlov V.V.** Traditions of Maghrebi-Saheli Statehood and Islamic Radicalism in Early XXI Century..... 7
- Naumov A.O.** Activity of youth movements in Ukraine at the turn of the XX–XXI centuries 18
- Brebdane A.M., Nahro M.I.** China in the Middle East: strategic priorities and features 28

IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

- Kim N.N.** The Conservative Turn in Memory Policies in the Republic of Korea 41
- Ardashnikova N.A, Konyashkina T. A.** Gender aspect in the ideology and practice of Iranian nationalism in the early 20th c..... 64
- Smirnov V.E.** Crime and Punishment in Ottoman Egypt in the Last Quarter of the 18th Century: the Yusuf Bey Murder Case 80
- Zhidkova O.V., Popova E.A.** Diplomacy of European States and the Revolution of 1830 in Belgium..... 94

HISTORIOGRAPHICAL STUDY

- Timokhin D.M., Tishin V.V.** Description of nomadic turkic tribes of eastern Desht-i Kipchak in Muslim Writings of the First Half of the XIII century: on the Problem of Historiographical Continuity 105

СОВРЕМЕННЫЙ МИР WORLD TODAY

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-1-7-17

EDN: DWXOLC

Научная статья / Research article

Традиции магрибо-сахельской государственности и исламский радикализм в начале XXI в.

В.В. Орлов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
125009, Российская Федерация, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1

✉ alsavlor@yandex.ru

Аннотация. Значимость данной темы обусловлена актуальностью проблем построения современного государства в общественной и политической жизни Северной и Западной Африки. Целью исследовательского проекта является анализ причин и последствий возникновения радикальных движений политического ислама в Магрибе и Сахеле на стыке XX и XXI вв. и их сопряжения с недостатками национальной государственности, присущими обоим африканским регионам. При этом автор фокусирует внимание на незавершенности процесса государственностроительства, слабости институтов и низком уровне обоснованности проведения государственных границ как на конкретных примерах таких недостатков, повлиявших на общественно-политический климат в исламизированных районах, прилегающих к Сахаре. Опираясь на материалы источников и теоретическую модель комплексов региональной безопасности (КРБ), автор выявил противоречия и разнообразие в идейных и ценностных воззрениях североафриканских правящих кругов, проанализировал методологические и духовно-политические основы глубинной взаимосвязи между криминальными и исламистскими группировками на примере деятельности «Аль-Ка‘иды в странах исламского Магриба» (АКИМ) (признана террористической организацией и запрещена в РФ) и ее лидеров — Абд аль-Малика Друкделя, Мухтара Бельмухтара и др. Доказано, что «исламистский интернационализм» в Магрибе и Сахеле 2000-х гг. начал обретать этнокультурно обусловленные формы, что было обусловлено сетевым и зонтичным характером структуры АКИМ (признана террористической организацией и запрещена в РФ), в которой не сложилось централизованной административно-территориальной схемы управления. Кроме того, показаны отличительные черты политики безопасности современного Алжира и выявлена важность изучения межрегиональных противоречий для характеристики геополитических и экономических причин усиления исламского радикализма в Африке.

© Орлов В.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: региональное сотрудничество, государственность, Северная Африка, Сахель

История статьи: Поступила в редакцию: 31.07.2023. Принята к публикации: 10.10.2023.

Для цитирования: Орлов В.В. Традиции магрибо-сахельской государственности и исламский радикализм в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 1. С. 7–17. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-7-17>

Traditions of maghrebi-saheli statehood and islamic radicalism in Early XXI Century

V.V. Orlov

Lomonosov Moscow State University,
11/1 Mokhovaya St, Moscow, 125009, Russian Federation

✉ alsavlor@yandex.ru

Abstract. The significance of this research topic is due to the relevance of the problems of modern state-building in the public and political life of North and West Africa. The purpose of the research project is to analyze the causes and consequences of the emergence of radical movements of political Islam in the Maghreb and Sahel at the junction of the XX and XXI centuries and their connection with the shortcomings of national statehood inherent in both African regions. At the same time, the author focuses on the incompleteness of the state-building process, the weakness of institutions and the low level of justification for drawing state borders as concrete examples of such shortcomings that affected the socio-political climate in the Islamized areas adjacent to the Sahara. Based on the materials of sources and the theoretical model of regional security complexes (RSC), the author identified contradictions and diversity in the ideological and value views of the North African ruling circles, analyzed the methodological and spiritual and political foundations of the deeply rooted relationship between criminal and Islamist groups on the example of the activities of Al-Qaeda in the Islamic Maghreb (AQIM) (an organization included in the list of terrorist organizations in the Russian Federation is mentioned) and its leaders — Abd al-Malik Drukdel, Mukhtar Belmukhtar, etc. It is proved that “Islamist internationalism” in the Maghreb and Sahel of the 2000s began to take ethnocultural forms, which was caused by the ‘network’ and ‘umbrella’ nature of the AQIM (an organization included in the list of terrorist organizations in the Russian Federation is mentioned) structure, in which there was no centralized administrative-territorial management scheme. In addition, the distinctive features of the security policy of modern Algeria are shown and the importance of studying interregional contradictions for characterizing the geopolitical and economic reasons for the strengthening of Islamic radicalism in Africa is revealed.

Keywords: regional cooperation, statehood, North Africa, Sahel

Article history: Received: 31.07.2023. Accepted: 10.10.2023.

For citation: Orlov V.V. Traditions of Maghrebi-Saheli Statehood and Islamic Radicalism in Early XXI Century. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(1):7–17. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-7-17>

Введение

На протяжении первых десятилетий XXI в. регионы Магриба и Сахеля — огромные и крайне неравномерно заселенные территории, простирающиеся от средиземноморского побережья Африки до южных границ Сахары — неоднократно выступили в качестве театра военных действий и вооруженных конфликтов между местными государствами и исламистскими группами, а также транснациональными криминальными структурами. Научное сообщество историков, политологов, исламоведов сформировало устойчивое мнение о том, что магрибо-сахельский регион в начале XXI в. стал важным центром глобальной террористической деятельности, а примыкающие к Сахаре районы постоянно используются для вербовки, финансирования и тренировок профессиональных боевиков, действующих как в самих Магрибе и Сахеле, так и за пределами Африканского континента [1. С. 39–45; 2. С. 164–165]. В распространенной теоретической модели комплексов региональной безопасности (КРБ)¹ страны сахельского пояса (Мавритания, Мали, Сенегал, Буркина-Фасо, Нигерия, Нигер, Чад, Центральноафриканская Республика, Судан, Южный Судан, Эритрея) принято рассматривать как граничные изолирующие зоны. Государства в подобных зонах (инсуляторах) не только не входят в исторически сложившиеся межстрановые комплексы, но и не способны, как правило, самостоятельно преодолеть внутрирегиональные противоречия [3. С. 224–229]. В то же время любые негативные общественно-политические тенденции, бурно развивающиеся в Сахеле XXI в. (сепаратизм, вспышки вооруженного насилия, этнические, религиозные или гражданские конфликты), как правило, быстро и легко перебрасываются на соседние территории.

Магрибинская и сахельская государственность в контексте проблем национального строительства

Этим положением дел региональное сообщество во многом обязано специфическим чертам, присущим государственному строительству на Северо-Западе Африканского континента. Современное состояние государственного устройства стран Сахеля и Магриба является результатом навязывания и усвоения колониальных порядков. Тем не менее, привычная для Европы модель государства-нации лишь в малой степени может быть соотнесена с длительным историко-культурным контекстом присахарских

¹ Основой геополитической теории КРБ, предложенной в 90-х гг. XX в. Б. Бьюзенем и О. Вэйвером, является утверждение о построении схемы безопасности в общемировом масштабе из своего рода блоков — комплексов региональной безопасности, предопределяющих ее динамику в отдельных, наиболее чувствительных регионах. Влияние, оказываемое отдельными КРБ на системный (глобальный) уровень безопасности, обусловлено тем, что миграция лиц и факторов, угрожающих безопасности, чаще всего происходит в пределах одного региона или группы граничащих между собой регионов.

территорий [4. С. 25–27]. В Алжире, Марокко или Тунисе национальные концепции и идеи зародились на местной почве в середине XIX в. и были сравнительно развиты уже в межвоенный период. Их носители имели широкий круг возможностей для их выражения перед населением и партийно-политического представительства перед колониальными властями [5; 6]. В странах же сахельского пояса и в постколониальную эпоху так и не сложились более или менее полноценные варианты национальных общностей, члены которых повсеместно разделяли бы сходные нравственные и социальные ценности (то есть ощущали бы национальную идентичность) и одновременно обладали формой политической организации — национальным государством.

Осмысление государственности как маркера национальной идентичности в современном афро-азиатском мире уже давно служит фундаментом для многопрофильной научной, идеологической и политической дискуссии. Мы разделяем скептический подход, высказанный Д.М. Бондаренко в отношении суверенитета и уровня модернизации государства как маркеров складывания под его эгидой национальной общности. В подобной схеме рассуждений форме государства осознанно или неосознанно приписываются фантастические способности демиурга, единолично определяющего содержание общественной жизни. Нация же как особый тип общественной организации предстает здесь не более, чем в виде производного от формы государства — к тому же только в правовом, но не в содержательном аспекте [7. С. 14–15]. В то же время национальное государство реально. Оно принадлежит к сфере политической и правовой действительности, тогда как любой вид коллективной (в том числе и национальной) идентичности может существовать только в массовом или даже в элитарном сознании. В силу этих обстоятельств идентичность неизбежно становится не более чем аренной идеологического конструирования, как показал в своей известной работе Б. Андерсон [8].

Диалектическая связь государственности и национального строительства проявила себя в магрибо-сахельском регионе и с другой стороны. Феномен принадлежности к нации неизбежно заставляет индивидуума или группу определить для себя возможные пределы своей специфичности, будь то ментальные, международно-правовые, структурно-общественные, культурно-ценностные, или собственно географические [9. С. 393–394]. Однако в большинстве случаев государственное строительство в Северо-Западной и Западной Африке не сопровождалось проведением отчетливо мотивированных, исторически обоснованных и утвержденных в массовом сознании границ. Традиции клановой и племенной лояльности; формальное и инструменталистское заимствование европейских государственных институтов и административных порядков [10. С. 9]; непрерывная внутриэлитарная борьба за финансовые, природные ресурсы — все эти обстоятельства сочетались с отсутствием в регионе Сахеля примеров успешного построения национальной государственности до начала процессов деколонизации в середине

XX в. [11. С. 9–10]². В результате на северных окраинах Сахары вплоть до настоящего времени политические границы проводились волевым порядком и далеко не всегда совпадали с реальными зонами расселения этнических, религиозных или племенных коллективов. Это не позволяет считать пограничные столкновения регулярных войск в Сахеле международными конфликтами (в общепринятом понимании термина) или ясно разграничивать международные и гражданские вооруженные столкновения [4. С. 30–31].

Искусственный характер государственных границ, турбулентность развития стран Сахеля и легкость интернационализации их внутренних раздоров дополнялись у магрибинских и сахельских лидеров особой субкультурой политического поведения. В их картине мира были вполне нормативны и ожидаемы высокий уровень конфликтности в отношениях с соседними странами, необходимость быть начеку и подспудное ощущение военной угрозы. Такая фронтальная психология порождала в правящих кругах Магриба и Сахеля тенденцию к авантюрным военно-политическим кампаниям. К тому же среди лидеров Сахеля и ряда стран Магриба в начале XXI в. был широко распространен личный военный опыт и профессиональное военное образование [12. С. 42]. Их боевое прошлое воспитало в них привычку к быстрой мобилизации, а также тягу к силовым методам в противостоянии оппонентам.

До и после «Арабской весны»: гибридные вызовы региональной стабильности

Специфические качества сахельских лидеров немедленно востребовались в атмосфере «Арабской весны», когда неконтролируемый статус Присахарья и усиление нестабильности стран Магриба взаимно и перекрестно спроецировали угрозу устойчивому развитию обоих регионов. Неудивительно, что на протяжении 2010-х гг. общая обстановка в сахаро-сахельской зоне вызывала намного бóльшую озабоченность в ЕС и США, нежели развитие политической ситуации в отдельных ее странах [13. С. 102, 117].

На магрибинском и сахельском материале начала XXI в. отчетливо заметен гибридный характер угроз миру и стабильности, происходящих из этого макрорегиона. Вызовы местной государственности бросали, как правило, вооруженные группировки, сформированные в ходе сближения или слияния экстремистских религиозно-политических структур и преступных сообществ, имеющих сетевую организацию. Джихадисты Магриба и Сахеля умело использовали гражданскую войну и экономический кризис 90-х гг. XX в.

² Ситуация с ранним этапом нацистроительства в Магрибе сложилась не столь однозначно, как в странах Сахеля — в особенности это предположение можно отнести к Марокко и Тунису. Но и в этих странах политические и идеологические задачи по формированию полноценной структуры нации также входили в повестку дня первых правительств (60–70-е гг. XX в.) после их освобождения от колониального контроля Франции.

в Алжире, введение санкций ООН против Ливии, дезорганизацию пограничного и таможенного контроля в странах Западной Африки, а также высокую сложность рельефа и пестроту климатических условий Присахарья. В результате труднодоступные и слабо контролируемые правительствами пограничные провинции дали религиозным радикалам удобную арену для участия в местном нелегальном бизнесе. В наибольшей степени этот феномен относится к контрабандной торговле растительными наркотиками (гашиш, кокаин), но также к перепродаже сигарет и других разрешенных товаров.

Мы можем отметить расцвет нелегальной перевозки и перепродажи похищенного вооружения и боеприпасов на старинных трассах транссахарской торговли после обострения конфликта Фронта национального освобождения (ФНО) с исламистами и начала боевых действий в Алжире (1992 г.). Впоследствии из среды пустынных контрабандистов выдвинулось немало полевых командиров магрибо-сахельского джихада. Убедительным примером «карьеры» магрибинцев в Сахеле служит личная история Мухтара Бельмухтара (1972–2016?) — одного из основателей и планировщиков террористических акций «Аль-Ка‘иды в странах исламского Магриба»^{*3} (АКИМ*).

Это военизированное исламистское сообщество заявило о себе в Алжире незадолго до окончания гражданской войны 1992–1999 гг. Оно было сформировано в основном из алжирских ветеранов Вооруженной исламской группы (ВИГ), обладавших солидным опытом войны в Афганистане. На излете трагических событий войны часть полевых командиров ВИГ во главе с Хасаном аль-Хаттабом основала «Салафитскую группу проповеди и борьбы»* (СГПБ*). Алжирской армии и спецслужбам удалось вытеснить ее отряды из густонаселенных приморских районов страны в 2002–2003 гг., вследствие чего боевики СГПБ* укрылись в полупустынных провинциях на юге Алжира, востоке Мавритании, севере Нигера и Малию. В 2006 г. алжирский «национальный эмир» СГПБ* Абд аль-Малик Друкдель (1970–2020) вступил в контакт с центральным руководством «Аль-Ка‘иды»* во главе с Айманом аз-Завахири (1951–2022) и заявил о коллективной присяге СГПБ* этой террористической организации. В январе 2007 г. структура взяла название АКИМ* [14. С. 150–151]. Эта смена названия обозначила и перемены в стратегии магрибинских радикалов, включивших свои сахельские «предприятия» в межрегиональную схему криминальных действий «Аль-Ка‘иды»* как ведущей на тот момент организующей силы международного терроризма [15. С. 8; 16].

М. Бельмухтар начинал свою деятельность как оптовый торговец-контрабандист провинциального масштаба. Еще до того, как он вступил в ряды местных джихадистов, он успел наладить сравнительно широкую сеть контактов в сахельских бизнес-кругах и силовых структурах.

³ Знаком * обозначены организации, признанные террористическими и запрещенные на территории РФ.

В начале 2000-х гг. ему удалось составить немалое состояние на торговле сигаретами. На этом подпольном транссахарском рынке с оборотом в сотни миллионов долларов он получил заслуженное прозвище «Мистер Мальборо» [17]. Однако в 2004–2006 гг. его бизнес переориентировался на вербовку и переправку магрибинских боевиков в Ирак, Палестину и Афганистан. Затем он содействовал А. Друкделю в идейно-политическом объединении исламистских группировок Северной и Западной Африки. Под его руководством АКИМ*⁴ нашла новые и сравнительно надежные убежища в полупустынях Сахеля и начала обучать военному делу джихадистов из соседних стран и Европы.

Усилиями М. Бельмухтара и его окружения ответвления АКИМ* в 2006–2010 гг. переплелись с криминальными сетями на окраинах Сахары. Боевики АКИМ* выстроили сети незаконного оборота огнестрельного оружия и наркотиков, организовали подделку денежных знаков и неоднократно были замечены в похищениях с целью получения выкупа [18. С. 2; 19. С. 18]. Параллельно масштабировалась внешнеэкономическая деятельность исламистского подполья: в конце 2000-х гг. латиноамериканские наркокартели освоили магрибо-сахельский регион в качестве площадки для переброски кокаина в Европу и Юго-Западную Азию. По многочисленным сведениям арабских и западных спецслужб, в 2012–2013 гг. АКИМ* вышла на новый уровень «международного сотрудничества» и заключила соглашение с латиноамериканскими преступными структурами по известной с середины XX в. схеме — бартер наркотиков на оружие [20. С. 5]. Это обстоятельство полностью подтвердило прогнозы российских экспертов о неминуемом сдвиге финансирования магрибо-сахельских радикальных исламистов в сторону дальнейшей их кооперации с международным криминалитетом [21. С. 373].

Во второй половине 2010-х и начале 2020-х гг. Западная Африка столкнулась с фактическим разрушением и без того неравномерного и ограниченного государственного контроля над пространствами Сахары. Крах режима М. Каддафи в Ливии, развертывание гражданской войны в этой стране и вспышка внутренних конфликтов в Мали превратили Сахель в зону повсеместного господства организованной преступности [22. С. 645]. В этих обстоятельствах лидеры АКИМ*, не отказываясь от своей первоначальной алжирской идентичности, освоили логистику и организацию террора уже в супрарегиональном масштабе [23. С. 3]. Агентура Друкделя и Бельмухтара занялась вербовкой в Нигере, Мали и Западной Сахаре добровольцев для участия в джихаде в Ираке (а впоследствии также в Ливане и Сирии) и наладила широкомасштабное присутствие АКИМ* в киберпространстве.

⁴ Знаком * обозначены организации, признанные террористическими и запрещенные на территории РФ.

Кроме того, создание магрибинского филиала «Аль-Ка‘иды»⁵ облегчило для исламистов Машрика доступ на территорию Европейского союза и проведение терактов в водах Гибралтарского пролива или на его берегах. Современные исламо-экстремистские группы Африки склонны воспринимать местные правящие элиты в качестве второстепенных и непринципиальных «ближних неприятелей», используя термин, изобретенный в 50-х гг. XX в. теоретиком египетских «Братьев-мусульман»* Сайидом Кутбом (1906–1966) [24. С. 121–122]⁶. С учетом того, что лидер глобальной «Аль-Ка‘иды»* А. аз-Завахири был учеником и последователем С. Кутба [25. С. 138], сахельские и магрибинские джихадисты проецировали эту идеологическую категорию на свой регион. Они рассматривали территории своих стран как своего рода трамплин для повторения средневекового опыта арабских завоеваний или тыловую базу для своего будущего насильственного «успеха» в «христианских» (или, в их терминологии, «безбожных») обществах Западной Европы.

«Сахельский бумеранг» в Магрибе

Как видно из изложенного, присахарские провинции сахельских государств в 2010-х гг. выступили «двигателем» общей радикализации среди мусульманских структур региона. Однако те же тенденции развития присахарской зоны, вызванные к жизни деятельностью алжирских радикалов, вскоре спроецировались на Магриб. В первые годы после «Арабской весны» даже самые устойчивые в военном и финансовом плане государства Северной Африки подвергались натиску джихадистов. Это видно из динамики террористической деятельности в Алжире. 16 января 2013 г. небольшая (не более 30–35 боевиков) исламистская группа «Аль-мувакки‘ун би-д-дамм» (Подписавшиеся кровью) под руководством Мухтара Бельмухтара⁷ разгромила центральное производство газодобывающего комплекса Тигантурин около города Ин Аменас, расположенного на юго-востоке Алжира близ границы с Ливией. Тактический прорыв террористов, как можно предположить, был обусловлен их высокой ситуационной осведомленностью за счет альянса с сахельскими «коллегами» — главным образом, группировками «Ансар ад-дин» и «Харакат ат-таухид ва-ль-джихад фи-ль-ифрикийя аль-гарбийя» (Движение за единобожие и джихад в Западной Африке, ДЕДЗА).

⁵ Знаком * обозначены организации, признанные террористическими и запрещенные на территории РФ.

⁶ С. Кутб риторически называл так Израиль, подчеркивая то, что сила «врагов веры» состояла не столько в существовании еврейского государства, сколько в «дальнем неприятеле», то есть в слабости веры и греховности, присущим самим мусульманам.

⁷ Эта структура, иногда также называемая «Аль-мулассимун» (Сокрывшие лица), возникла в декабре 2012 г. в результате конфликта между Мухтаром Бельмухтаром и лидером центрального аппарата АКИМ* Абд аль-Маликом Друкделем.

Поскольку месторождение Ин Аменас совместно эксплуатировалось алжирской компанией СОНАТРАК, британской «Бритиш Петролеум» и норвежской «Статойл», боевикам Бельмухтара удалось взять в заложники 700 алжирцев и 134 иностранца. Ключевым требованием экстремистов был вывод французских войск, введенных за несколько дней до этого в Мали, и освобождение исламистских боевиков, находившихся в заключении в Алжире, Мали и других странах региона. В итоге контртеррористической операции 17–19 января 2013 г. было освобождено 685 алжирцев и 101 иностранец. Остальные заложники погибли в ходе массированного штурма комплекса армейским спецназом АНДР при поддержке штурмовой авиации [26. С. 9].

Буквально через десять дней после нападения на Ин Аменас новой мишенью вооруженных исламистских группировок стал крупный магистральный газопровод «Буира», соединенный с главным месторождением природного газа АНДР Хасси-Рмель и подающий газ к ключевым газопроводам Магриб–Европа и терминалам сжижения газа на средиземноморском побережье. Систематические нападки магрибо-сахельских экстремистов на крупнейшие месторождения и распределительные центры алжирской газовой промышленности выявили серьезные сбои в обеспечении безопасности на территории страны — в частности в центральных и южных регионах Присахарья, которые являются стеновым хребтом алжирской экономики [26. С. 6].

Эскалация, предпринятая исламскими радикалами Африки в 2010-х гг., заставила правящие круги стран Магриба обратиться к политике ограниченного контроля над северными окраинами Сахары. Они даже периодически проводили вмешательство во внутрисахельские конфликты, стремясь, таким образом, упредить новые джихадистские вызовы. Подобная тактика не нова. Она лежала в основе активного участия ливийских вооруженных сил в гражданской войне в Чаде в 80-х гг. XX в. [27. С. 151]. Но на фоне непрерывных террористических вылазок и восстаний туарегов в Мали (2012–2013 гг.) проактивный подход к Сахелю получил в Магрибе второе рождение. Им воспользовались правящие элиты Мавритании и Марокко, а особенно Алжира, который после смены власти и начала президентства Абд аль-Маджида Теббуна (2019 г.) активно пытается восстановить свое положение ключевого государства в Магрибе и одного из африканских лидеров [28. С. 80].

Заключение

События начала XXI в. и особенно бурные перипетии «Арабской весны» продемонстрировали отрицательную динамику военной и политической состоятельности сахельских правящих элит при сохранении административного и силового потенциала правящих кругов Магриба (за исключением Ливии). Разрозненность и незавершенность процессов национального строительства в Сахеле, расово-этническое разнообразие, преобладание племенной

ментальности и слабость государственных институтов предоставили криминально-исламистским структурам этого региона широкое поле для их деятельности и втянули страны Магриба в пучину сахельского кризиса.

Вместе с тем подрывные способности главного оппонента магрибинских властей в сахаро-сахельском поясе — «Аль-Ка‘иды исламского Магриба»^{*8} — не стоит преувеличивать. Этот криминально-экстремистский альянс, сложившийся незадолго до «Арабской весны», носил и продолжает носить характер сетевой франшизы, вручая свое имя для использования мелким и средним «вассальным» группировкам. В своей сущности АКИМ* остается вполне фантомной структурой, поскольку в ней за эти годы не сложилось авторитетного руководящего центра. Это обстоятельство постоянно приводит ко внутренним напряжениям и конфликтам между составляющими ее исламистскими отрядами. Проведенное исследование убеждает в том, что главенство «Аль-Ка‘иды»* в исламо-экстремистской среде Магриба и Сахеля столь же хрупко и нестабильно, как и возникающие в 2010-х гг. антитеррористические союзы между государствами этих регионов.

Библиографический список

1. *Guidère M.* Al-Qaïda* à la conquête du Maghreb. Le terrorisme aux portes de l'Europe. Monaco: Éditions du Rocher, 2007. 279 p.
2. *Малышева Д.Б.* Радикальный исламизм в Африке // Ученые записки Центра арабских и исламских исследований / отв. ред. А.И. Яковлев. М.: ИВ РАН, 2015. С. 160–167.
3. *Buzan B., Waever O.* Regions and Powers: the Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
4. *Herbst J.* States and Power in Africa: Comparative Lessons in Authority and Control. Princeton: Princeton University Press, 2014. 312 p.
5. *Аль-Фаси Аллаль.* Аль-Харакат аль-истиклялийа фи-ль-Магриб аль-араби (Движения за независимость в арабском Магрибе). Танжер: Абд ас-Салам Гессус, 1956. 475 с.
6. *Ardıç N.* Islam and the Politics of Secularism. The Caliphate and Middle Eastern Modernization in the Early 20th Century. L. — N.Y.: Routledge, 2012. 390 p.
7. *Бондаренко Д.М.* Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. 400 с.
8. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2001. 286 с.
9. *Alonso A.M.* The Politics of Space, Time and Substance: State Formation, Nationalism and Ethnicity // *Annual Review of Anthropology*. 1994. Vol. 23. P. 379–405.
10. *Ayubi N.* Over-Stating the Arab State: Politics and Society in the Middle East. L.: I.B. Tauris, 1996. 514 p.
11. *Young C.* The African Colonial State in Comparative Perspective. New Haven: Yale University Press, 1997. 368 p.
12. *Никитин М.Э.* Военный опыт государственных лидеров и конфликтный потенциал авторитарных режимов (на примере Африки) // *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*. 2023. № 2 (109). С. 37–54. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-109-2-37-54>

⁸ Знаком * обозначены организации, признанные террористическими и запрещенные на территории РФ.

13. Кузнецов В.А. Безопасность государств Северной Африки в условиях политической трансформации // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / отв. ред. В.В. Наумкин, Д.Б. Малышева. М.: ИВ РАН, 2015. С. 102–129.
14. Долгов Б.В. Феномен «Арабской весны» 2011–2016 гг.: Причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир / отв. ред. И.Д. Звягельская. М.: ЛЕНАНД, 2017. 200 с.
15. Reeve R., Pelter Z. From New Frontier to New Normal: Counter-Terrorism Operations in the Sahel-Sahara. London: Oxford Research Group, 2014. 29 p.
16. Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Эволюция Аль-Каиды*⁹: между региональными конфликтами и глобалистской перспективой // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2022. № 1. С. 141–151. <https://doi.org/10.31857/S086919080015708-5>
17. Laub Z., Masters J. Al-Qaeda* in the Islamic Maghreb. 27 March 2015 // Council of Foreign Relations (CFR). Analytical Portal. Режим доступа: <https://www.cfr.org/backgrounder/al-qaeda-islamic-maghreb> Дата обращения: 24.08.2023.
18. Mohamedou M.-M.O. The Many Faces of Al Qaeda* in the Islamic Maghreb. GCSP Policy Paper № 15. Geneva: Geneva Centre for Security Policy, 2011. 6 p.
19. Sour L. Analyzing the Algerian Approach in the Sahelian Crisis from the Point of View of the Copenhagen School // Political Science & International Relations. București, 2016. Vol. XIII. № 1 P. 11–27.
20. Alexander Y. Terrorism in North Africa and the Sahel in 2012: Global Reach and Implication. N.Y.: Inter-University Centre for Terrorism Studies, 2013. 31 p.
21. Наумкин В.В. Алжирский транзит в зоне Магриба–Сахеля: взгляд через призму теорий символической политики и социального движения // Ближний Восток в мировой политике и культуре: избранные статьи, лекции и доклады 2009–2011 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. С. 352–375.
22. Кузнецов В.А., Василенко А.И. Магриб — 2021: тупики внутривосточного развития и угрозы региональной подсистеме отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 642–654. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-642-654>
23. Attour L.A. Regional Security Cooperation in the Maghreb and Sahel: Algeria's Pivotal Ambivalence // Africa Security Brief: A Publication of the Africa Center for Strategic Studies. 2012. № 18. 8 p.
24. Трофимов Д.А. Исламский фундаментализм в арабских странах: истоки и реалии // Восток (Oriens). 1992. № 1. С. 112–126.
25. Хайруллин Т.Р. Современный исламизм в арабском мире / отв. ред. А.М. Васильев. М.: ЛЕНАНД, 2022. 224 с.
26. Attour L.A. Algeria's Role in the Sahelian Security Crisis // Stability: International Journal of Security & Development. 2013. Vol. 2. № 2. Art. 28. P. 1–11.
27. Azevedo M.J. The Roots of Violence: A History of War in Chad. L. — N.Y.: Routledge, 2005. 202 p.
28. Кузнецов В.А., Наумкин В.В. Глобальные и региональные тренды «Столетия+» на Ближнем Востоке: новое прочтение // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. № 1. С. 70–92. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-1-70-92>

Информация об авторе:

Орлов Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, e-mail: alsavlor@yandex.ru ORCID: 0000-0002-2649-5422 ELibrary SPIN-код: 6318–4102

⁹ Знаком * обозначены организации, признанные террористическими и запрещенные на территории РФ.

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-1-18-27

EDN: GKOYDB

Научная статья / Research article

Деятельность молодежных движений на Украине на рубеже XX–XXI веков

А.О. Наумов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27/4

✉ naumovao@my.msu.ru

Аннотация. Цель исследования — анализ эволюции молодежного протестного движения на Украине в конце 1990-х — начале 2000-х гг. Применены сравнительно-исторический метод и междисциплинарный подход. Научный вклад автора состоит в том, что впервые в отечественной историографии серьезному изучению подвергаются такие проблемы, как роль украинской молодежи и студенчества в «революции на граните» и кампании «Украина без Кучмы», а также история создания молодежной организации «Пора», которой было суждено сыграть одну из ключевых ролей в «оранжевой революции» на Украине в конце 2004 г. Автор приходит к выводу, что генезис украинского молодежного протестного движения на рубеже XX–XXI вв. отличается значительным своеобразием, а его итогом стало появление уникального для общественно-политического пространства Незалежной феномена — организации «Пора». Подчеркнуто, что данная структура была создана на теоретическом и практическом базисе предыдущих антиправительственных кампаний, в которых самое непосредственное участие принимала украинская молодежь. При этом она ориентировалась и на опыт аналогичных зарубежных движений, ранее успешно применивших разработанную на Западе методику ненасильственной борьбы с правящими режимами. Как и ее европейские единомышленники, «Пора» внесла значительный вклад в победу «цветной революции» в собственном государстве.

Ключевые слова: революция на граните, Украина без Кучмы, цветные революции, оранжевая революция

История статьи: Поступила в редакцию: 26.07.2023. Принята к публикации: 30.10.2023.

Для цитирования: Наумов А.О. Деятельность молодежных движений на Украине на рубеже XX–XXI веков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 1. С. 18–27. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-18-27>

© Наумов А.О., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Activity of youth movements in Ukraine at the turn of the XX–XXI centuries

A.O. Naumov

Lomonosov Moscow State University,
27/4 Lomonosov Avenue, Moscow, 119991, Russian Federation

✉ naumovao@my.msu.ru

Abstract. The purpose of the study is to analyze the evolution of the youth protest movement in Ukraine in the late 1990s — early 2000s. A comparative historical method and an interdisciplinary approach are applied. The author’s scientific contribution consists in the fact that for the first time in Russian historiography, such problems as the role of Ukrainian youth and students in the Revolution on granite and the “Ukraine without Kuchma” campaign are seriously studied, as well as the history of the creation of the youth organization “Pora”, which was destined to play one of the key roles in the Orange revolution in Ukraine at the end of 2004. The author comes to the conclusion that the genesis of the Ukrainian youth protest movement at the turn of the XX–XXI centuries is distinguished by a significant originality, and its result was the emergence of a phenomenon unique for the Ukrainian socio-political space — the organization “Pora”. It is emphasized that this structure was created on the theoretical and practical basis of previous anti-government campaigns, in which Ukrainian youth took a direct part. At the same time, it was guided by the experience of similar foreign movements that had previously successfully applied the methodology of nonviolent struggle against the ruling regimes developed in the West. Like its European associates, “Pora” has made a significant contribution to the victory of the Color revolution in its own state.

Keywords: Revolution on granite, Ukraine without Kuchma campaign, Color revolutions, Orange revolution

Article history: Received: 26.07.2023. Accepted: 30.10.2023.

For citation: Naumov AO. Activity of youth movements in Ukraine at the turn of the XX–XXI centuries. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(1):18–27. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-18-27>

Acknowledgements: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage».

Введение

В конце 2004 г. на Украине произошла «оранжевая революция». Это была уже третья подряд успешная операция по смене политического режима на евразийском пространстве с начала XXI в. после «бульдозерной революции» в Сербии и «революции роз» в Грузии. Проведенные по идентичному сценарию с помощью импортированных из-за рубежа технологий «мягкой

силы», они представляли собой уникальный феномен всеобщей истории новейшего времени, получивший название «цветные революции». Огромную роль в победе антиправительственных сил во всех трех случаях сыграли молодежные организации, придерживавшиеся принципов ненасильственной борьбы с властями.

В ходе «оранжевой революции» использование «цветных» технологий достигло своего пика, поэтому украинский кейс по праву считается «образцово-показательным» при изучении феномена «цветных революций». Не является исключением в настоящем контексте и фактор участия молодежи и студенчества в событиях 2004 г. Более того, в отличие от Сербии и Грузии, на Украине к моменту начала острейшего общественно-политического кризиса уже имелась уникальная и весьма насыщенная история деятельности подобных структур, что обусловило значительное своеобразие молодежного протестного движения накануне и в ходе «оранжевой революции» и во многом предопределило итоговый успех оппозиции. Отметим, что как сама «оранжевая революция», так и участие молодежных движений в «цветных революциях», состоявшихся в Сербии и Грузии в 2000–2003 г., уже оказывались в поле зрения исследователей [1–6]. Однако непосредственно анализ деятельности молодежных движений на Украине в конце XX — начале XXI вв. в отечественной историографии до сих пор не осуществлялся. Представляется необходимым ликвидировать данный пробел.

«Революция на граните»

Первые молодежные оппозиционные группы на Украине возникли еще в конце 1980-х гг. Во Львове, например, возобновили деятельность две молодежные организации, образованные еще эпоху нахождения города в составе Австро-Венгерской империи, — «Просвита» (год создания — 1868) и «Пласт» (1911 г.). В мае 1989 г. во Львове же было создано «Студенческое братство», а в декабре того же года в Киеве выходцами из центральных и восточных областей республики был основан «Украинский студенческий союз». В марте 1991 г. они объединились в «Союз украинских студентов». Среди требований данных неформальных студенческих организаций (единственной полностью легальной молодежной общереспубликанской структурой почти до самого распада СССР оставался комсомол) были введение религиозных праздников, повышение национального самосознания среди украинских студентов и молодежи, закрытие атомных электростанций на территории Украины и наказание виновных в аварии на Чернобыльской АЭС [7. Р. 145–146]. На рубеже 80–90-х гг. XX в. они активно включились в насыщенную общественно-политическую жизнь Украинской Советской Социалистической Республики, внося немаловажную лепту в обретение Украиной независимости в 1991 г.

Самой яркой антиправительственной акцией того времени стала студенческая голодовка, вошедшая в историю как «революция на граните». Она была организована в Киеве в октябре 1990 г. через несколько недель после принятия Декларации о государственном суверенитете Украины. Протест был направлен против председателя Совета министров УССР В. Масола, назначение которого было воспринято как уступка коммунистическому режиму. Студенты выдвинули пять требований к властям: проведение многопартийных парламентских выборов не позднее весны 1991 г.; отказ от подписания Союзного договора; национализация собственности Коммунистической партии; возвращение украинских призывников на территорию Украины и отставка Масола. Бастующие студенты заявили: «Пришло время выбирать: либо мы добьемся того, что Украина станет независимой и демократической, либо мы останемся колонией империи, духовно бедной денационализированной нацией» [8. Р. 173–174]. Отметим, что для достижения этих целей тогда использовались исключительно ненасильственные методы.

В масштабной акции протеста приняли участие порядка ста тысяч учащих украинские техникумов, ПТУ и университетов, в основном из Киева, Днепропетровска и Львова, что составило пятую часть студенческого общества республики. 2 октября 1990 г. около сотни активистов установили палатки на покрытой гранитом (отсюда и название этой «революции») Октябрьской площади, позже переименованной в Площадь Независимости (Майдан Незалежності) и объявили голодовку. Еще полторы сотни студентов, не принимавших непосредственного участия в голодовке, поддерживали общественный порядок, оказывали первую медицинскую помощь и коммуницировали со средствами массовой информации. В ряде крупных городов, в том числе в Донецке и Луганске, тысячи студентов выступили в поддержку голодающих в центре Киева. В самой столице «революционерам» удалось частично парализовать движение транспорта, взять в кольцо Верховный Совет и занять ряд корпусов Университета имени Тараса Шевченко. Более того, они получили возможность выступить в прямом эфире одного из телеканалов и предъявить свои претензии властям. Ядро протестующих составляли члены указанных выше «Студенческого братства» и «Украинского студенческого союза» [8. С. 174].

17 октября Верховный Совет УССР принял постановление «О рассмотрении требований студентов, которые проводят голодовку в г. Киеве с 2 октября 1990 года» [9], которая удовлетворяла политические требования бастующих студентов. В. Масол был вынужден покинуть свой пост, тем не менее новые парламентские выборы были отложены до 1994 г., что препятствовало полной перестройке политической системы Украины, как того желали молодые радикалы. «Революция на граните» не достигла всех своих целей, однако ее участники получили бесценный опыт ненасильственной борьбы с режимом, который был им использован уже в постсоветский период. Многие

активисты студенческой забастовки 1990 г. в дальнейшем приняли самое непосредственное участие в крупных протестах против действующей власти, особенно в ходе кампании «Украина без Кучмы» и непосредственно во время «оранжевой революции», а также внесли важный вклад в появление новых антиправительственных движений в Незалежной.

Кампания «Украина без Кучмы»

В начале 1990-х гг. молодежная и студенческая политическая активность на Украине на какое-то время сошла почти на нет. Высокая безработица, неработающие социальные лифты, в целом общее разочарование социально-экономическим и общественно-политическим курсом руководства нового независимого государства привели к уходу молодежи из большой политики на целое десятилетие. Все изменилось в начале XXI в. Возникновение новой протестной волны среди украинской молодежи было связано с кампанией «Украина без Кучмы».

Непосредственным поводом для ее начала стали исчезновение и гибель осенью 2000 г. популярного журналиста, главного редактора интернет-сайта «Украинская правда» Г. Гонгадзе, известного своими антикоррупционными расследованиями. Вскоре после обнаружения обезглавленного тела журналиста были обнародованы некие аудиозаписи, на которых человек с голосом, очень похожим на президента Украины Л. Кучму, отдавал приказы главе МВД «радикально решить вопрос с Гонгадзе» [10. С. 20]. Данный «кассетный скандал» стал триггером для начала масштабного антипрезидентского движения под лозунгом «Украина без Кучмы», костяк которого составил ряд оппозиционных партий и общественных движений, включая молодежные и студенческие организации.

Кампания «Украина без Кучмы» проходила с декабря 2000 г. по март 2001 г., и уже в самом ее начале во Львове студентами местных высших учебных заведений был создан Всеукраинский общественный комитет сопротивления «За правду!». Это было абсолютно новое явление в общественно-политической жизни Незалежной. В его работе участвовали и деятели «революции на граните», что позволило осуществить своеобразную «передачу эстафеты» от старшего поколения молодежных «революционеров» новому. Так, одну из ключевых ролей в работе Комитета «За правду!» и кампании «Украина без Кучмы» в целом сыграл М. Свистович — активный участник октябрьских событий 1990 г. Спустя десять лет он инициировал уличный протест, к которому позже присоединились тысячи человек. Совместно с коллегами Свистович создал специальный веб-сайт «Майдан», где все желающие могли публиковать новости, мнения, слухи, прорывая тем самым информационную блокаду со стороны властей. Как отмечает западный исследователь М. Коллин, через него даже удавалось получать

сообщения от государственных служащих, милиции и Службы безопасности Украины [11. Р. 102–103]. Сайт стал весьма популярным (насколько это было возможно на первоначальном этапе распространения Интернета в стране) и сыграл важную роль в планировании и координировании протестных выступлений.

В середине декабря по инициативе нескольких бывших активистов «революции на граните» на Майдане независимости был разбит небольшой палаточный городок, участники которого требовали отставки высшего руководства страны и проведения беспристрастного расследования обстоятельств гибели Гонгадзе. 7 марта 2001 г. лагерь противников режима был демонтирован, а еще спустя два дня в центре Киева произошли жесткие столкновения между оппозиционерами и правоохранительными органами, в ходе которых милиция задержала несколько сотен человек. По словам члена Комитета «За правду!» А. Гусака, обычные граждане, поддерживавшие протест, просто оказались не готовы к реальному противостоянию с властями: «Мы были готовы, но люди не были, и мы не смогли их мобилизовать... Мы не смогли найти ключ к их сердцам» [11. С. 104]. После этого властям удалось взять ситуацию под контроль.

Несмотря на поражение, кампания «Украина без Кучмы» имела серьезные последствия для развития оппозиционного молодежного движения на Украине. По мнению американского исследователя Т. Кузио, этот общественно-политический кризис серьезно подорвал легитимность правящих элит, дискредитировал действующего президента и создал группу сторонников радикальных перемен, готовых принять самое активное участие в ходе парламентских выборов 2002 г. и президентской гонки 2004 г. «Самое главное, — пишет Кузио, — они пробудили традиционно апатичную молодежь от их политической летаргии» [12. С. 373]. Стоит отметить, что, как и в случае с «революцией на граните», большое значение имел фактор опыта, который получили молодые протестующие. Более того, именно тогда они стали осваивать разработанные на Западе навыки ненасильственного сопротивления и использовать некоторые из печально знаменитых 198 методов ненасильственной борьбы с политическими режимами американского политтехнолога Дж. Шарпа [13. С. 101–110]. Многие активисты кампании «Украины без Кучмы» и Комитета «За правду!» затем с успехом смогли применить их в ходе «оранжевой революции».

Не случайно, что протестующими из числа украинской молодежи и студенчества, недовольных правлением Л. Кучмы, именно в это время были установлены контакты с представителями аналогичных молодежных движений в других странах. Так, представителями словацкой организации «ОК'98», участвовавшие в конце 1990-х гг. в смещении премьер-министра Словакии В. Мечьяра, после совместных семинаров в Братиславе помогли

украинским единомышленникам создать «Коалицию за свободу выбора», объединившую множество небольших неправительственных организаций. Ее главной задачей стала дискредитация властей во время парламентских выборов 2002 г.; позже на ее основе была запущена кампания «Волна свободы» для выполнения тех же задач уже в ходе выборов президента Украины в 2004 г. [14. С. 186]. Большое значение имело и налаживание связей с членами сербской молодежной организации «Отпор», внесшей огромный вклад в свержение С. Милошевича в ходе «бульдозерной революции» в Югославии осенью 2000 г. Уже весной 2001 г. на Украине были проведены первые украино-сербские семинары, на которых обсуждались специфика сбора средств, особенности работы в области связей с общественностью, вопросы безопасности и в целом технологии ненасильственной борьбы с правящими режимами. После победы «революции роз» в Грузии в 2003 г. к этой команде присоединились представители грузинского молодежного движения «Кмара». С антиправительственной белорусской организацией «Зубр» студенческие активисты из Львова и вовсе подписали декларацию о партнерстве [15. С. 14].

Стоит отметить, что в этом процессе обмена опытом свержения законных правительств немаловажную роль играли западные неправительственные организации. В каждом областном центре Украины при финансовой, организационной и методической поддержке различных американских и европейских фондов, таких как Фонд Джорджа Маршалла (США), Вестминстерский фонд (Великобритания), Фонд Альфреда Мозера (Нидерланды), Европейский фонд образования (Польша) и других, в начале 2000-х гг. состоялось несколько десятков обучающих семинаров, на которых молодые люди могли постигнуть азы тактики и стратегии ненасильственного сопротивления властям [14. С. 187].

Один из лидеров созданной весной 2004 г. молодежной организации «Пора», которой было суждено сыграть одну из ключевых ролей в победе «оранжевой революции», В. Боровик отмечал, что разработка методологии деятельности движения базировалась на аутентичном украинском опыте ненасильственной борьбы за независимость конца 1980-х гг., гражданских выступлений в рамках кампании «Украина без Кучмы» и Комитета «За правду», а также успешном международном опыте, особенно польской кампании «Солидарность», словацкой кампании «ОК'98», сербского движения «Отпор», грузинского движения «Кмара». «Это был уникальный для Украины опыт, — пишет Боровик, — поскольку учитывал особенности социально-политической ситуации и актуальности проблем, масштабы и количество населения Украины, ее административные, культурные и географические особенности, внешнеполитические и региональные факторы, возможности ресурсного обеспечения и партнерского сотрудничества» [15. С. 6].

Рождение «Поры»

Само движение «Пора» появилось весной 2004 г. и изначально состояло из двух фракций — «Черной Поры» и «Желтой Поры». Первая ориентировалась на опыт сербского «Отпора» и грузинской «Кмары», копировала их децентрализованную структуру и стратегию ненасильственной борьбы с правящим режимом, в целом была более радикальной и работала на «низовом» уровне. «Желтая Пора» вышла из «Коалиции за свободу выбора», была более иерархичной, обладала значительно более солидным финансированием и имела тесные связи с политической оппозицией, возглавляемой В. Ющенко и блоком «Наша Украина». При этом она также контактировала с европейскими молодежными движениями, участвовавшими в произошедших ранее «цветных революциях», и придерживалась их методов противостояния с властями. Лидером «Черной Поры» был М. Свистович, а «Желтой Поры» — В. Каськив; оба они являлись активистами «революции на граните» и кампании «Украина без Кучмы».

Интересно, что основатели двух течений в новом молодежном движении буквально одновременно пришли к одному и тому же названию для организации. Из нескольких десятков вариантов наименования выбор пал именно на название «Пора», так как это подразумевало необходимость скорейшего демонтажа режима Л. Кучмы (заметим, что названия сербского «Отпора» и грузинской «Кмары» буквально означают близкий по смысловому значению лозунг «Хватит»). Впрочем, существовали и другие аргументы: «„Пора“ означает одно и то же на украинском и русском языках, что очень важно в двуязычной стране, — отмечали позднее в своей работе непосредственные члены организации. — Кроме того, слово „пора“ может употребляться как существительное (время пришло), так и как повелительное наклонение с призывом к действию (время подумать, время выбирать и т.д.)» [16. С. 135]. Как отмечает западный исследователь украинского происхождения О. Николаенко, дополнительной причиной выбора названия движения стало то, что оно обеспечило символическую связь между современным этапом и исторической борьбой за национальную независимость. В своем известном стихотворении «Не пора» («Сейчас не время»), написанном в 1880 г., как отмечает автор, украинский поэт И. Франко провозглашал, что «Сейчас не время служить москалям и полякам... Пришло время жить для Украины» [8. С. 186].

Обе фракции «Поры» функционировали согласовано и почти синхронно, но в первую очередь следует говорить все же о «Желтой Поре» как о действительно мощном и организованном акторе «оранжевой революции». Именно по инициативе «Желтой Поры» 14–18 апреля 2004 г. в Ужгороде прошло собрание 70 ее региональных лидеров; тогда же были созданы руководящие органы движения — Рада и Координационный центр, который возглавил В. Каськив. В него вошли как молодежные активисты, так и представители украинской политической и финансовой элиты [15. С. 6–7]. В качестве основного цвета

кампании был выбран желтый, с дополнительным использованием черного и красного цветов. Логотипом же стало изображение тикающих часов и восходящего солнца в треугольнике, что символизировало отсчет времени до прихода новой власти на смену прогнившей, по мнению членов «Поры», системы, которая была ими наречена термином «кучмизм» [14. Р. 188–189]. Организационная структура «Поры» в значительной мере строилась на квалифицированных кадрах сети НПО, к которым, в первую очередь, принадлежали участники «Коалиции за свободу выбора». В конечном счете под эгидой «Поры» объединились более 150 различных национальных и региональных неправительственных структур. 95 % членов «Поры» составляла молодежь, в основном студенты, причем самых разных политических взглядов, от либералов до националистов. Организация имела отделения в 20 университетах по всей Украине [17. С. 88; 12. Р. 367].

Заключение

Исследование непосредственной деятельности «Поры» накануне и в ходе «оранжевой революции» лежит вне рамок данной статьи, однако нельзя не отметить, что данное движение стало одним из ключевых участников операции по демонтажу режима Л. Кучмы. Согласно заявлениям лидеров «Поры» ее официальной целью было «обеспечить демократические выборы президента в 2004 г.» [16. С. 127], для чего молодые активисты приложили максимум усилий. Именно они первыми разбили палатки в центре Киева, положив начало пресловутому «Майдану» (палаточные городки были созданы еще в дюжине городов Украины), а затем начали пикетировать и блокировать административные здания в украинской столице. Именно они сумели организовать всеукраинскую студенческую забастовку. Наконец, в условиях слабости оппозиционных СМИ именно молодые радикалы из «Поры» сумели прорвать информационную блокаду, запустив ставший чрезвычайно популярным собственный веб-сайт, а также распространив 40 миллионов экземпляров печатных материалов, проведя более 750 региональных пикетов и публичных акций и организовав 17 массовых митингов [16. С. 127].

В заключение следует сказать, что эволюция молодежного протестного движения на Украине в конце XX — начале XXI вв. прошла весьма своеобразный путь. Ключевыми моментами в его генезисе стали две крупные кампании 1990 г. и 2000–2001 гг. — «революция на граните» и «Украина без Кучмы» соответственно. Кульминацией этого процесса стало появление совершенно нового для политической жизни страны явления — молодежной организации «Пора», которая ориентировалась на опыт аналогичных движений, в первую очередь в Сербии и Грузии, и имела прочные связи как с политической оппозицией, так и с зарубежными спонсорами. При этом, несмотря на огромную роль, которую сыграла «Пора» в победе «оранжевой революции», она

не смогла развить успех и достаточно быстро сошла с политической сцены Незалежной, внеся, тем не менее, значительный вклад в запуск процесса саморазрушения Украины как суверенного государства.

Библиографический список

1. Revolution in Orange: The Origins of Ukraine's Democratic Breakthrough / ed. by A. Åslund, M. McFaul. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2006.
2. Wilson A. Ukraine's Orange Revolution. New Haven: Yale University Press, 2005.
3. «Оранжевая революция». Украинская версия: Сборник / Сост. М.Б. Погребинский. Москва: Европа, 2005.
4. Наумова А.Ю. «Оранжевая революция» в Украине. Москва: МАКС Пресс, 2011.
5. Наумов А.О., Демин Д.В. Роль молодежной организации «Отпор» в «цветной революции» в Сербии // Вопросы истории. 2022. №1 (2). С. 4–18. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202201Statyi74>
6. Наумов А.О., Дубинкина К.А. Роль молодежной организации «Кмара» в подготовке и осуществлении «революции роз» в Грузии // Дискурс-Пи. 2023. № 1. С. 107–123.
7. Kuzio T. Ukraine: Perestroika to Independence. London: Macmillan Press LTD, 2000.
8. Nikolayenko O. Youth Movements and Elections in Eastern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
9. Постанова верховної ради української РСР про розгляд вимог студентів, які проводять голодування м. Києві з 2 жовтня 1990 року 17 жовтня 1990 рік // LIGA360. URL: <https://ips.ligazakon.net/document/T040200> (дата обращения: 24.08.2023).
10. Украина без Кучмы. Год оранжевой власти. Январь 2005 — март 2006 года / сост. М. Погребинский, А. Толпыго. Киев: Optima, 2007.
11. Colin M. The Time of the Rebels. Youth Resistance Movements and 21st Century Revolutions. London: Serpent's Tail, 2007.
12. Kuzio T. Civil Society, Youth and Societal Mobilization in Democratic Revolutions // Communist and Post-Communist Studies. 2006. No 39 (3). P. 365–386.
13. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005.
14. Duda A. «WHEN «IT'S TIME» TO SAY «ENOUGH!»». Youth Activism before and during the Rose and Orange Revolutions in Georgia and Ukraine: a thesis submitted to the University of Birmingham for the degree of doctor of philosophy // Centre for Russian and East European Studies the University of Birmingham. March 2010.
15. Боровик В.А. Пора перемагати. Харків: Фоліо, 2006.
16. Kaskiv V., Chupryna I., Zolotariov Y. It's Time! Pora and the Orange Revolution in Ukraine // Reclaiming Democracy. Civil Society and Electoral Change in Central and Eastern Europe / Ed. by J. Forbrig, and P. Demes. Washington: The German Marshall Fund of the United States, 2007. P. 127–151.
17. Demes P., Forbrig J. Pora — “It's Time” For Democracy In Ukraine // Revolution in Orange: the Origins of Ukraine's Democratic Breakthrough / Ed. by A. Åslund and M. McFaul. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2006. P. 85–101.

Информация об авторе:

Наумов Александр Олегович — доктор исторических наук, доцент кафедры международных организаций и проблем глобального управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, e-mail: naumovao@my.msu.ru ORCID: 0000-0002-8366-5934 Elibrary SPIN-код: 2905-0930

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-1-28-40
EDN: GHYUJA

Научная статья / Research article

Китай на Ближнем Востоке: стратегические приоритеты и особенности

А.М. Бребдани , М.И. Нахро

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
 ammarbre1@gmail.com

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена ростом значения региона Ближнего Востока в экономическом развитии Китая в XXI в., а следовательно, и распространением экономических и политических интересов последнего. Цель исследования — определить стратегические приоритеты Китая и основные направления его политического присутствия, нацеленные на балансировку угроз и возможностей в столь турбулентном регионе, каким является Ближний Восток. Учитывая нестабильность данного региона, интерес представляет специфика китайской политики на Ближнем Востоке и в Северной Африке, так как именно интересы Китая ставятся под угрозу. Авторы выявили факторы, влияющие на ближневосточную политику КНР, которая, безусловно, способствует трансформации регионального порядка. В исследовании делается вывод о том, что будущее китайского присутствия на Ближнем Востоке детерминировано глобальной стратегией Китая, а также его видением своей роли и будущем мироустройстве в целом.

Ключевые слова: политический прагматизм, китайская стратегия, соперничество, мягкая сила, сотрудничество, китайская дипломатия, ближневосточный вектор, внешняя политика

История статьи: Поступила в редакцию: 12.02.2023. Принята к публикации: 18.10.2023.

Для цитирования: Бребдани А.М., Нахро М.И. Китай на Ближнем Востоке: стратегические приоритеты и особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 1. С. 28–40. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-28-40>

© Бребдани А.М., Нахро М.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

China in the Middle East: strategic priorities and features

А.М. Brebdane , М.И. Nahro

RUDN University,
6 Miklukho-Maklay St, Moscow, 117198, Russian Federation

 ammarbre1@gmail.com

Abstract. The relevance of the research is due to the growing importance of the Middle East region in the economic development of China in the XXI century, and consequently, the spread of economic and political interests of the latter. The purpose of the study is to determine China's strategic priorities and the main directions of its political presence aimed at balancing threats and opportunities in such a turbulent region as the Middle East. Given the instability of this region caused by the global anti-terrorist struggle of the United States, the specifics of Chinese policy in the Middle East and North Africa are of interest, since it is China's interests that are being threatened. With the help of the analytical method, the factors influencing the Middle East policy of the PRC have been identified, which, of course, contributes to the transformation of the regional order. The study concludes that the future of the Chinese presence in the Middle East is determined by China's global strategy, as well as its vision of its role and the future world order as a whole.

Keywords: political pragmatism, Chinese strategy, rivalry, «soft power», cooperation, Chinese diplomacy, Middle East vector, foreign policy

Article history: Received: 12.02.2023. Accepted: 18.10.2023.

For citation: Brebdane AM., Nahro MI., China in the Middle East: strategic priorities and features. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(1):28–40. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-28-40>

Введение

Китай является своего рода «новичком» в регионе Ближнего Востока. Ввиду географического фактора его значение для Пекина долгое время было невысоким, однако ситуация стала меняться в начале 2000-х гг. Благодаря бурному экономическому развитию, отмеченному вступлением во Всемирную торговую организацию в 2001 г., темпы роста потребления энергии в Китае резко возросли, выросла и значимость данного региона для энергетической безопасности Китая. Дестабилизация стран Ближнего Востока и Северной Африки, вызванная такими событиями, как глобальная война против терроризма, объявленная США в результате теракта 11 сентября, американское вторжение в Ирак и Афганистан, а также события «арабской весны», — поставили интересы Китая под угрозу.

В стратегическом отношении Ближневосточный регион очень важен для Пекина; именно здесь Китай может сотрудничать и/или конкурировать

с другими великими державами, здесь же обозначены стратегические приоритеты и возможности Пекина. Китайские эксперты считают Ближний Восток сложной политической реальностью, где на протяжении истории рухнули многие великие империи и где при определенных условиях политика и стратегия Китая могут потерпеть провал [1]. Соответственно, вызов, который стоит перед Китаем сегодня, заключается в той роли, которую он может сыграть в столь нестабильном регионе.

Стратегические приоритеты Китая на Ближнем Востоке

Многие китайские эксперты настаивают, что у Китая нет стратегии на Ближнем Востоке, поскольку Пекин публично о ней не заявлял, что связано со стремлением избежать споров и противостояний в регионе [2]. Анализ основополагающего документа, на котором базируется политика Китая в отношении арабских стран, изданного в 2016 г., свидетельствует об отсутствии конкретной и комплексной стратегии.

В большей степени он отражает ключевые принципы политики Китая и указывает на важность экономического сотрудничества с арабскими странами¹. Вместе с тем в нем присутствует новый акцент — на политику и сферу безопасности в той мере, в какой они связаны с целями экономики и развития². То есть Ближний Восток следует рассматривать в контексте глобальной стратегии Китая. В реализации своих национальных интересов Китай исходит из основ, заложенных в документе «Национальная оборона Китая в новую эпоху» (ранее — Национальная оборона Китая), обнародованном в июле 2019 г.³

Тим Ниблок, известный британский эксперт, считает этот документ исключительно важным для понимания китайской глобальной стратегии. Он выделяет шесть пунктов этой стратегии: защита суверенитета, безопасности и интересов Китая; отказ от политики, основанной на «доминировании, расширении или сферах влияния»; активный вклад в построение «человеческого сообщества единой судьбы» посредством поддержки ООН — основного института современного мирового порядка; развитие региональных и международных форматов и сетей, ориентированных на конкретные интересы, цели и ценности Китая; создание и совершенствование

¹ *China's Policy toward the Arab states 2016* // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 13.01.2016. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/201601/t20160114_679437.html (дата обращения: 24.06.2022).

² Almeida M. *China's 'Marshall Plan' for the Arab world* // Arab News. 14.07.2018. URL: <https://www.arabnews.com/node/1338856> (дата обращения: 15.07.2022).

³ *China's National Defense, 2019. Full text* // State Council Information Office of the PRC. 2019.07.2019. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html (дата обращения: 21.06.2022).

национальной обороны и сильной армии, соответствующих международному положению страны, ее интересам в области безопасности и развития; продвижение экономических интересов Китая на мировой арене. Ниблок заключает, что отношения со странами Ближнего Востока действительно важны для Китая, но, тем не менее, второстепенны по сравнению с более важными интересами китайского государства. Стратегический фокус останется на Восточной Азии, Центральной Азии и западной части Тихого океана [3].

До сих пор Китай сосредотачивался на продолжении экономического роста, обеспечении стабильных цен на энергоносители и поставок в Китай; поддержании глобального стратегического энергетического баланса и достижении своей энергетической безопасности; поддержании баланса сил в регионе для предотвращения монополизации ресурсов региона MENA любыми региональными и/или внешними силами; поддержании мира и стабильности в регионе и предотвращении политических потрясений, которые могут помешать китайским инвестициям и реализации инициативы «Один пояс, один путь». Однако Китай в то же время сосредотачивается на слабых сторонах американского влияния в регионе, возникших в результате войн в Ираке и Афганистане, неспособности найти урегулирование арабо-израильского конфликта и антиамериканских настроений во многих странах арабского мира с целью ограничения американского влияния и расширения в нем китайского присутствия [4].

В рамках своей стратегии «гармоничного мира» на Ближнем Востоке Китай активно использует механизмы «мягкой силы»: контракты о свободной торговле, предоставление беспроцентных кредитов на экономические проекты, погашение долгов стран региона перед КНР; активное освещение в СМИ гуманитарной миссии Поднебесной и дипломатической поддержки государствам Ближнего Востока; продвижение китайского языка и китайской культуры в арабском мире; использование китайской диаспоры для решения экономических и политических проблем в регионе⁴. Реализацией этих задач КНР не только наращивает экономическое сотрудничество со странами Ближнего Востока, но и способствует вытеснению США с рынков региона [5].

Пекин постоянно наращивает взаимовыгодное сотрудничество со странами региона, в котором повторяющиеся политические и социальные кризисы, как правило, порождают неустойчивость и нестабильность. Так называемая «арабская весна» создала новые очаги нестабильности на Ближнем Востоке и в Северной Африке, и Китай оказался вынужден менять стратегию

⁴ Китайское правительство опубликовало первый документ о политике в отношении арабских стран // Синьхуа Новости: Russian.news.cn. 13.01.2016. URL: http://russian.news.cn/2016-01/13/c_135006591.htm (дата обращения: 05.07.2022).

и тактику, искать новые возможности [6]. Именно с целью защиты своих интересов Китай традиционно стремился не втягиваться в крупные вооруженные конфликты, что позволяет ему избегать не только материальных, но и репутационных издержек [7. С. 162].

Однако игнорировать региональные конфликты, которые могут поставить под угрозу успех инициативы «Один пояс, один путь» и других важных экономических обязательств, становится все более затруднительным. Китай проводит взвешенную политику, стараясь балансировать возможности и риски. Ряд экспертов назвали его политику «стратегией хеджирования», которая обеспечит устойчивое присутствие, не нарушая конкурентный и хрупкий региональный порядок [8]. Стратегия хеджирования — вариант для региональной державы второго эшелона, которая хочет преследовать свои интересы, не нарушая выгодного статус-кво [9].

Посредническая дипломатия КНР

Участие Китая в урегулировании региональных конфликтов свидетельствуют о новой роли Пекина в региональных международных отношениях⁵. Он выступил посредником в йеменском конфликте, организовав переговоры между Саудовской Аравией и Ираном в 2015–2016 гг.; в декабре 2017 г. Китай провел «палестино-израильский мирный симпозиум»⁶, а в мае 2018 г. — международный симпозиум по сирийскому кризису⁷. В рамках посредничества спецпосланник Китая на Ближнем Востоке совершил визиты в обе страны для содействия мирным переговорам и политическим дискуссиям. Пекин выдвинул ряд дипломатических инициатив по урегулированию споров в регионе: инициативу по урегулированию палестино-израильского конфликта⁸,

⁵ Legarda H. China as a conflict mediator: Maintaining stability along the Belt and Road // Mercator Institute for China Studies. 22.08.2018. URL: <https://www.merics.org/en/china-mapping/china-conflict-mediator> (дата обращения: 26.07.2022).

⁶ Assistant Foreign Minister Chen Xiaodong Attends Opening Ceremony of Palestinian-Israeli Peace Symposium // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 22.12.2017. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gjlb_663594/2868_663726/2870_663730/201712/t20171226_534348.html (дата обращения: 04.08.2022).

⁷ Special Envoy of the Chinese Government on the Syrian Issue. Xie Xiaoyan Attends International Symposium on the Syrian Issue // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 14.05.2018. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gjlb_663594/2888_663776/2890_663780/201805/t20180516_535648.html (дата обращения: 04.08.2022).

⁸ China pushes four-point Israeli-Palestinian Peace Plan // Times of Israel. 01.08.2017. URL: <https://www.timesofisrael.com/china-pushes-four-point-israeli-palestinian-peace-plan/> (дата обращения: 06.08.2022); China puts forward four-point proposal regarding Palestine-Israel conflict // Xinhua. 17.05.2021. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-05/17/c_139950043.htm (дата обращения: 06.08.2022).

инициативу по обеспечению безопасности и стабильности на Ближнем Востоке⁹, инициативу по урегулированию кризиса в Сирии¹⁰.

Несмотря на весьма заметную дипломатическую активность Пекина в регионе, он, тем не менее, избирательно и осторожно реагирует на различные события в зависимости от того, насколько они считаются жизненно важными или второстепенными для Китая. Несмотря на растущий интерес к Ближнему Востоку и Северной Африке и некоторое участие в политической жизни в регионе, Китай пока не занимается реальной посреднической дипломатией, а скорее стремится защищать свои интересы с помощью прагматичной дипломатии, или, как называли такую политику эксперты — «полупосредничеством в китайском стиле», когда актер не стремится к установлению контроля, участвует в рассмотрении повестки дня, а не в ее определении, поощряет деэскалацию конфликта вместо принятия решительного участия в его разрешении [10].

Политика уравнивания между конфликтующими сторонами достаточно четко проявляется в отношении Пекина к «иранскому досью» и напряженности между арабскими государствами Персидского залива и Ираном, поскольку он тесно взаимодействует с обеими сторонами без конкретных обязательств. Субрегион Залива переживает «маленькую холодную войну», в которой Иран и Саудовская Аравия являются главными действующими лицами [11]. В 2016 г. Си Цзиньпин подписал всестороннее стратегическое партнерство с Ираном всего через несколько дней после подписания аналогичного партнерства с Саудовской Аравией, что ясно указывает на его готовность не принимать чью-либо сторону [12]. Джонатан Фултон считает, что углубление отношений между Китаем и Ираном, отраженное в подписанном в 2021 г. Всеобъемлющем стратегическом партнерстве, не свидетельствует о ревизии подходов Китая к странам Персидского залива. Энергетические проекты, которые уже были активированы и реализованы как с Саудовской Аравией, так и с Объединенными Арабскими Эмиратами, достигли более зрелого уровня, соответствующего тесному уровню экономического и политического взаимодействия [8].

Позиция Китая в отношении палестино-израильского конфликта является еще одним примером уравнивания. Хотя Китай последовательно поддерживает палестинскую сторону, он развивает дружеские отношения

⁹ Wang Yi Proposes a Five-point Initiative on Achieving Security and Stability in the Middle East // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 26.03.2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/activities_663312/202103/t20210327_9168120.html (дата обращения: 07.08.2022).

¹⁰ Wang Yi: Counter-terrorism, Dialogue and Reconstruction Are Three Key Points for Solving Syrian Issue at New Stage // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 24.11.2017. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gjlb_663594/2888_663776/2890_663780/201711/t20171128_535637.html (дата обращения: 07.08.2022).

и прочные экономические связи с Израилем. В 2017 г. Пекин объявил об инновационном партнерстве с Израилем¹¹, с которым заинтересован в сотрудничестве в области высоких технологий.

Китай следует аналогичной логике в своих отношениях с Ираком. В то время, как Пекин поддерживает центральное правительство в Ираке и официально выступает против курдской независимости¹², он также установил хорошие контакты с Иракским Курдистаном, обладающим большими запасами нефти и в энергетический сектор которого идут крупные инвестиции. Можно предположить, что в случае получения Иракским Курдистаном суверенитета Пекин вряд ли будет очень активно выступать против его отделения от Ирака¹³. Растущее взаимодействие Китая с курдами также рассматривается как рычаг воздействия на Анкару, которая продолжает принимать уйгурских сепаратистских активистов и организации [13. С. 217].

В некоторых конфликтных ситуациях в регионе Китай столкнулся с деликатной задачей балансирования, казалось бы, непримиримых интересов. В йеменском конфликте, который можно рассматривать как опосредованное противостояние между силами, поддерживаемыми Ираном и Саудовской Аравией, Пекин был вынужден хоть как-то определиться. Во время исторического турне президента Китая по региону в 2016 г. Си Цзиньпин заявил о поддержке правительства Хади в его усилиях по воссоединению страны¹⁴. Хотя такое заявление могло вызвать некоторое недовольство со стороны Ирана, сильная зависимость Тегерана от поддержки Китая в решении множества других актуальных вопросов свело на нет негативную реакцию Ирана [14]. Однако, по некоторым данным, посол Китая в Йемене Кан Юн регулярно встречается с хуситами и представителями Южного переходного совета и даже пытался убедить их принять соглашение о разделе власти с правительством Хади¹⁵.

Позиция Китая по сирийскому кризису может показаться поворотным моментом в его политике в регионе, поскольку она перешла границы

¹¹ China, Israel announce innovative comprehensive partnership // Xinhua. 21.03.2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-03/21/c_136146441.htm (дата обращения: 07.08.2022).

¹² China says supports Iraq's unity as Kurds vote in referendum // Reuters. 25.09.2017. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-kurd-china/china-says-supports-iraqs-unity-as-kurds-vote-in-referendum-idUSKCN1C00V8> (дата обращения: 07.08.2022).

¹³ Ramani S. China in the Middle East: The Iraqi Kurdish Question // The Diplomat. 05.10.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/10/china-in-the-middle-east-the-iraqi-kurdish-question/> (дата обращения: 26.07.2022).

¹⁴ China Offers Support for Yemen Government as XI Visits Saudi Arabia // Reuters. 20.01.2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-saudi-china-yemen-idUSKCN0UY0C1> (дата обращения: 26.07.2022).

¹⁵ Ramani S. China looks to boost its influence in Yemen // Al-Monitor. 09.12.2019. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2019/12/china-boost-influence-yemen-stc-war-economy.html> (дата обращения: 07.08.2022).

недовольства политикой США на Ближнем Востоке к откровенному ее неприятию. До июля 2020 г. Китай использовал свое право вето в сирийском кейсе 10 раз¹⁶, что является значительным числом, учитывая, что ранее Китай применял право вето всего пять раз за последние четыре десятилетия. Как представляется, такая позиция отнюдь не связана со сближением с сирийским президентом Башаром Асадом, который не является ближайшим союзником Китая в регионе. Решение, скорее, было продиктовано не только ливийским опытом, но и желанием продемонстрировать солидарность с Москвой и отстаивать принцип невмешательства, особенно с учетом одновременного роста напряженности в Южном и Восточно-Китайском морях [15. С. 173]. Тем не менее, воздержание Китая в Совете Безопасности ООН в апреле 2017 г.¹⁷ при рассмотрении вопроса о «предполагаемой сирийской химической атаке» еще раз свидетельствует о политике балансирования и прагматизме Пекина, политику которого на Ближнем Востоке следует оценивать с учетом его отношений с США. Остается вопрос, оправдана ли эта сбалансированная политика в долгосрочной перспективе, однако до сих пор она была выгодна интересам Китая и, вероятно, останется в его присутствии в регионе [16. С. 97].

Китай стремится сблизиться со странами Ближнего Востока посредством своей «дипломатии партнерства», а также членства в ряде многосторонних/региональных институтов. Форум китайско-арабского сотрудничества (CASCF), основанный в 2004 г., является важным региональным форумом, на котором регулярно и на высоком политическом уровне проходят встречи между Китаем и арабскими странами. Отсутствие у Китая восприятия региона MENA в целом подкрепляется тем фактом, что отсутствует формат регионального сотрудничества, который включал бы все арабские страны, Израиль, Иран и Турцию [17. С. 17]. Членство Китая в многосторонних/региональных организациях дополняется акцентом на партнерскую дипломатию [18]. Китай выстроил свои партнерские отношения с государствами региона с учетом типа партнерства и важности страны-партнера. Он имеет всестороннее стратегическое партнерство с Саудовской Аравией, ОАЭ, Египтом и Ираном как ведущими государствами.

Продвижение развития и оказание помощи

Китайские инвестиции в рамках инициативы «Один пояс, один путь» могут сыграть решающую роль в постконфликтном восстановлении в таких странах, как Сирия, Ливия, Ирак и Йемен, или в развитии столь

¹⁶ Вето в Совете Безопасности — Китай // Совет Безопасности ООН. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/veto-china> (дата обращения: 03.06.2022).

¹⁷ United Nations Security Council draft resolution S/2017/315 of 12 April 2017 // Security Council Report: UN Documents of Syria: Other. URL: https://www.securitycouncilreport.org/un_documents_type/other-documents/page/2?ctype=Syria&cbtype=syria (дата обращения: 03.06.2022).

необходимой инфраструктуры в регионе с долгосрочным воздействием на развитие этих стран. Многие кризисы и конфликты на Ближнем Востоке коренятся в социально-экономических причинах. «Ключ к преодолению трудностей — ускорение развития. Беспорядки на Ближнем Востоке проистекают из отсутствия развития, и окончательное решение будет зависеть от развития, которое затрагивает благополучие и достоинство каждого»¹⁸ (из выступления Председателя КНР Си Цзиньпина на Лиге арабских государств в 2016 г.). Споры и конфликты, по мнению Китая, менее вероятны в регионах, которые выигрывают от экономического развития, и инициатива «Пояс и путь» является воплощением этой внешнеполитической позиции [19].

За последнее десятилетие Китай превратился в крупную движущую силу развития на Ближнем Востоке и в Северной Африке, осуществив инвестиции и контракты на сумму около 140 млрд долларов США¹⁹. Участие Китая в развитии стран региона принимает форму прямых инвестиций, помощи и кредитов на развитие. Китай выделил 15 млрд долларов в виде кредитов для продвижения процесса индустриализации на Ближнем Востоке до 2018 г., а непрерывные льготные кредиты составили 10 млрд долларов²⁰. Было заключено соглашение «Нефть в обмен на восстановление» на 20 лет, согласно которому Китай будет получать 100 000 баррелей в день в обмен на свои инвестиции в восстановление Ирака²¹. В преддверии VIII министерской встречи Форума китайско-арабского сотрудничества председатель КНР объявил, что Китай предоставит Иордании, Сирии, Йемену и Палестине гуманитарную помощь на сумму 100 млн долларов²². В период пандемии коронавируса Пекин проводил так называемую «вакцинную дипломатию», которую можно рассматривать как часть более широких усилий Китая по повышению своего имиджевого гуманитарного статуса на глобальном уровне [20].

¹⁸ Work Together for a Bright Future of China-Arab Relations: Speech by H.E. Xi Jinping President of the People's Republic of China At the Arab League Headquarters. Cairo, 21 January 2016 // ChinaDaily. 22.01.2016. URL: https://www.chinadaily.com.cn/world/2016xivisitmiddleeast/2016-01/22/content_23191229.htm (дата обращения: 01.10.2022).

¹⁹ China global investment tracker // The American Enterprise Institute. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (дата обращения: 03.06.2022).

²⁰ Declaration of Action on China-Arab States Cooperation under the Belt and Road Initiative of 10 July 2018 // China-Arab States Cooperation Forum. URL: <http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dbj/201807/P020210828308252626492.pdf> (дата обращения: 03.06.2022).

²¹ Zidane S. Iraq, China launch 'oil for reconstruction' agreement // Al-Monitor. 08.10.2019. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2019/10/iraq-china-india-oil-construction.html> (дата обращения: 08.06.2022).

²² Beijing Pledges USD100m to Jordan, Syria, Yemen, Palestine // Jordan News. 10.07.2018. URL: <https://alghad.com/beijing-pledges-usd100m-to-jordan-syria-yemen-palestine/> (дата обращения: 09.07.2022).

Заключение

Приоритетное внимание, с точки зрения обеспечения безопасности, устойчивости экономики и политической системы, а также защиты территории и вод Китая в пределах его морских границ Китай по-прежнему уделяет странам-соседям. Значительных изменений в позициях Китая на Ближнем Востоке в краткосрочной или среднесрочной перспективе не предвидится, поскольку ключевые составляющие глобальной стратегии Китая относительно стабильны, а позиция Ближнего Востока в рамках этой стратегии важна, но никоим образом не критична. В военно-политическом плане Китай не пойдет на союзы с другими мировыми лидерами, опасаясь попасть в положение ведомого, и будет воздерживаться от союзов со слабыми, понимая, что таковые потребуют больших финансовых вливаний и, кроме того, с подозрительностью будут восприниматься международным сообществом с неблагоприятными имиджевыми последствиями для Китая [21. С. 9]. На Ближнем Востоке Китай, по-видимому, «ищет способы конкурировать, не становясь конкурентом» США [22]. Несмотря на это, совершенно очевидно, что Китай будет играть более важную роль в ближневосточных делах в ближайшие десятилетия.

При этом Пекин не готов возложить на себя открытое лидерство в регионе, но его экономический вес постепенно бросает вызов стратегическим интересам других традиционных внешних игроков, прежде всего США и Европе. Вместе с Россией он стремится сформировать в регионе некую многополярность, которая предоставит локальным игрокам новый набор инструментов для их взаимодействия со странами Запада. Невхождение в альянсы и стратегия хеджирования в Персидском заливе привели к восприятию Китая как позитивной внерегиональной державы.

Хотя Китай по-прежнему не желает глубоко вмешиваться в дела региона и стремится сохранять позицию нейтральной экономической державы, он должен реагировать на текущую ситуацию по мере того, как растет его авторитет и расширяются интересы. Стремительная динамика ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке вынуждает Китай предпринимать определенные, но пока что малозаметные шаги для обеспечения собственной безопасности.

Будущее присутствия Китая на Ближнем Востоке и степень его влияния здесь будут зависеть от ряда факторов, связанных, прежде всего, с глобальной стратегией Китая и видением им своей роли и будущем мироустройстве в целом и на Ближнем Востоке, в частности. На это, безусловно, влияет позиция Соединенных Штатов и то, как будут реализовываться обязательства Вашингтона в сфере безопасности в регионе, а также политика и взаимодействие мировых и региональных держав, таких как Россия, Индия и Япония, некоторые из которых стремятся составить конкуренцию Китаю на Ближнем

Востоке. Безусловно, не следует сбрасывать со счетов и позицию самих ближневосточных государств и их политику.

Как нам представляется, остается открытым вопрос о гарантиях сохранения экономических интересов Китая в долгосрочной перспективе при отсутствии четких и эффективных силовых и политических инициатив. Следует принять во внимание и внутрикитайский, и внешние факторы, оказывающие существенное влияние на позиции и роль Пекина на региональном и международном уровнях в столь быстро и неожиданно меняющемся мире.

Библиографический список / References

1. Dorsey JM. *China and the Middle East: Venturing into the maelstrom*. DR-NTU [Preprint] 2016. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2735622> [Accessed 5th July 2022].
2. Scobell A., Nader A. *China in the Middle East: The Wary Dragon*. Santa Monica : RAND Corporation, 2016. 101 p. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1200/RR1229/RAND_RR1229.pdf [Accessed 09.08.2022].
3. Niblock T. China and the Middle East: A Global Strategy Where the Middle East has a Significant but Limited Place. *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies* 2020;14(4):481–504. <https://doi.org/10.1080/25765949.2020.1847855> (2)
4. Dunsmore M. *Chinese Involvement in the Middle East. Implications for the United States*. <https://auislandora-stage.wrlc.org/islandora/object/1213capstones%3A69/datastream/PDF/view> (дата обращения: 08.10.2022). [Accessed 8th October 2022].
5. Morozov YUV. Podkhody KNR, SSHA i RF v bor'be v sfere geopolitiki v regionakh mira. [China, U.S. and Russian campaigns in its struggle in the field of geopolitics in the regions of the world]. *Rossiya i Amerika v XX veke. [Russia and America in the XX century]* 2020;(1). (In Russ.). <https://doi.org/10.18254/S207054760009025-4>
Морозов Ю.В. Подходы КНР, США и РФ в борьбе в сфере геополитики в регионах мира // *Россия и Америка в XXI веке*. М., 2020. № 1. <https://doi.org/10.18254/S207054760009025-4>. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760009025-4-1/> (дата обращения: 10.09.2022).
6. Chaziza M. The Arab Spring: Implications For Chinese Policy. *Middle East Review of International Affairs*. 2013;17(2):73–83. https://ciaotest.cc.columbia.edu/journals/meria/v17i2/f_0029657_23972.pdf
7. Evseenko AS. Politika SSHA, Rossii i Kitaya na Blizhnem Vostoke i v Tsentral'noi Azii. (3) [U.S., Russian and Chinese Policy in the Middle East and Central Asia]. In: Morozov YUV. (ed.) *Vzaimootnosheniya Rossii- Kitaya — SSHA v ramkakh strategicheskogo treugol'nika. [Russia-China-US relations within the framework of the Strategic triangle]* Moscow: FGBUN IDV RAN; 2020. p. 159–178. (In Russ.).
Евсеев А.С. Политика США, России и Китая на Ближнем Востоке и в Центральной Азии // *Взаимоотношения России- Китая — США в рамках стратегического треугольника*. М.: ИДВ РАН. 2020. С.159–178.
8. Fulton J. China between Iran and the Gulf Monarchies. *Middle East Policy*. 2021;28(3–4): 203–216. <https://doi.org/10.1111/mepo.12589>
9. Tessman BF. System Structure and State Strategy: Adding Hedging to the Menu. *Security Studies*. 2012;21(2):192–231. <https://doi.org/10.1080/09636412.2012.679203>
10. Sun D, Zoubir Y. China's Participation in Conflict Resolution in the Middle East and North Africa: A Case of Quasi-Mediation Diplomacy? *Journal of Contemporary China* 2017;27(110):224–243. <https://doi.org/10.1080/10670564.2018.1389019>

11. Gause FG. *Beyond Sectarianism: The New Middle East Cold War*. Bookings Doha Center. Report number: 11, 2014, p. 1–27. URL: <https://www.brookings.edu/research/beyond-sectarianism-the-new-middle-east-cold-war/>. [Accessed 8th October 2022].
12. Fulton J. *China's changing role in the Middle East*. Atlantic Council Rafik Hariri Center for the Middle East. Report number, 2019. Wash: Atlantic Council, 2019, p. 1-27.
13. Horesh N, Xu R. Conclusion: China's Growing Presence in the Middle East. In: Horesh N. (ed.) *Toward Well-Oiled Relations? China's presence in the middle east following the Arab spring*. The Nottingham China Policy Institute series. Hampshire: Palgrave Macmillan; 2015. p. 261–231. <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057%2F9781137539793.pdf>
14. Rózsa EN, Peragovics T. China's Political, Military and Cultural Engagement in the Mena region. *The role of China in the Middle East and North Africa (MENA)*. Beyond economic interests? Barcelona : IEMed: European Institute of the Mideterranean, 2020, p. 58–87. URL: <https://www.euro es ou.net/we-content/uploads/2020/05/JPS Thé-Role-of-China-in-the-MENA.pdf>
15. Singh M. Chinese Policy in the Middle East in the Wake of the Arab Uprisings. In: Horesh N. (ed.) *Toward Well-Oiled Relations? china's presence in the middle east following the Arab spring*. The Nottingham China Policy Institute series. Hampshire: Palgrave Macmillan; 2015. p. 261–231. <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057%2F9781137539793.pdf>
16. Andersen LE., Lons C. The geopolitics also implication of China's presence in the Middle East and North Africa MENA. In: Sidlo KW. (ed.) *The Role of China in the Middle East and North Africa (MENA). Beyond economic interests?* Barcelona: IEMed: European Institute of the Mideterranean, 2020. p. 88–108. <https://www.euro es ou.net/we-content/uploads/2020/05/JPS Thé-Role-of-China-in-the-MENA.pdf>
17. Andersen LE, Lons C, Peragovics T, Rózsa EN, Sidlo KW. China-MENA relations in the context of Chinese global strategy. In: Sidlo KW. (ed.) (4) *The role of China in the Middle East and North Africa (MENA). Beyond economic interests?* Barcelona: IEMed: European Institute of the Mideterranean, 2020. p. 10–31. <https://www.euro es ou.net/we-content/uploads/2020/05/JPS Thé-Role-of-China-in-the-MENA.pdf>.
18. Strüver G. China's partnership diplomacy: International alignment based on interests or ideology. *The Chinese Journal of International Politics* 2017;10(1):31–65. <https://doi.org/10.1093/cjip/pow015>.
19. Andersen LE, Jiang Y. *China's engagement in Pakistan, Afghanistan and Xinjiang. Will China's root cause model provide regional stability and security?* : Danish Institute for International Studies. Report number: 06, 2018.
20. Hirono M. *Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action Multiple interests, processes and actors*. Humanitarian Policy Group. L. : Overseas Development Institute, 2018, p. 1–36. <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/resource-documents/12015.pdf> [Accessed 7th August 2022].
21. Mikheev VV, Shvydko VG. (eds.) *Prognoz strategii stran transtikhookeanskogo prostranstva. [Forecast of strategies of the countries of the Trans-Pacific space]* Moscow: ИМЭМО РАН; 2017. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0510-9>.
Прогноз стратегий стран транстихоокеанского пространства / под ред. Михеева В.В., Швыдко В.Г. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 83 с. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0510-9>
22. Alterman JB. Chinese and Russian Influence in the Middle East. *Middle East Policy* 2019;26(2):129–136. <https://doi.org/10.1111/mepo.12427>.
23. Yang C. China's Potential Role in the Remaking of Regional Order in the Middle East: Motivations, Opportunities and Challenges. *BRIQ: Belt and Road Initiative Quarterly*. 2019–2020;1 (1):55–66. <https://briqjournal.com/sites/default/files/yazi-ici-dosyalar/2021-04/China%E2%80%99s%20Potential%20Role%20in%20the%20Remaking%20of%20Regional%20Order%20in%20the%20Middle%20East%20Motivations%2C%20Opportunities%20and%20Challenges.pdf>

Информация об авторах:

Бребдани Аммар Мухсен — кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, e-mail: ammarbre1@gmail.com ORCID: 0000-0002-0808-7521

Нахро Мухаммад Исмаел — аспирант кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов, e-mail: nahro.muhammad@su.edu.krd

Information about authors:

Brebdane Ammar Mohsen — PhD in History, Assistant, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, e-mail: ammarbre1@gmail.com ORCID: 0000-0002-0808-7521

Muhammad Nahro Ismael — PhD student of Oriental and African Studies, RUDN University, e-mail: nahro.muhammad@su.edu.krd

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-1-41-63

EDN: FWPZME

Научная статья / Research article

Консервативный поворот в исторической политике Республики Корея

Н.Н. Ким

Институт востоковедения Российской академии наук,
107031, Российская Федерация, Москва, ул. Рождественка, д. 12
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
125009, Российская Федерация, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1

✉ nkim@iaas.msu.ru

Аннотация. Предметом исследования являются общественные разногласия по отдельным вопросам исторического прошлого Кореи. Цель исследования — определить теоретические положения, лежащие в основе исторической политики консервативного правительства Юн Согёля. На примере споров вокруг переноса бюста борца за независимость Кореи Хон Бомдо и восстановления наследия Ли Сынмана автор показывает, какие аргументы приводят консерваторы и прогрессисты в защиту своей позиции, какие инструменты и приемы используют для утверждения определенного толкования истории в качестве доминирующего. Поводом для спора о наследии борцов за независимость Кореи, принадлежавших к левому крылу национально-освободительного движения, стало решение Министерства обороны Республики Корея о переносе бюста Хон Бомдо, установленного у здания Военной Академии, в другое место. Данное решение вызвало протест со стороны прогрессистских политических партий и общественных организаций, обвинивших правительство Юн Согёля в антикоммунистическом подходе и пренебрежительном отношении к борцам за независимость. Спор вокруг бюста Хон Бомдо показал, что среди консерваторов нет единства в данном вопросе. Правительство Юн Согёля в большей степени в своей исторической политике исходит из положений «новых правых», ультраправого течения южнокорейского консерватизма, которое приуменьшает значение антияпонского сопротивления, в особенности левого крыла, в восстановлении государственного суверенитета Кореи. Одновременно с этим «новые правые» высоко оценивают роль первого президента Ли Сынмана в создании Республики Корея, обеспечении ее безопасности и процветания. Консервативное правительство поддерживает общественные

© Ким Н.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

инициативы по восстановлению позитивного имиджа Ли Сынмана, ушедшего в отставку в результате Апрельской революции 1960 г. Прогрессисты крайне негативно относятся к попыткам консерваторов реанимировать наследие Ли Сынмана, виновного в фальсификации президентских выборов и политических репрессиях.

Ключевые слова: консерваторы, прогрессисты, новые правые, Хон Бомдо, Ли Сынман, историческая память, движение за независимость

История статьи: Поступила в редакцию: 30.08.2023. Принята к публикации: 10.11.2023.

Для цитирования: *Ким Н.Н.* Консервативный поворот в исторической политике Республики Корея // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 1. С. 41–63. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-41-63>

The Conservative Turn in Memory Policies of the the Republic of Korea

Natalia Kim

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
12 Rozhdestvenka St, Moscow, 107031, Russian Federation

Lomonosov Moscow State University,
11/1 Mokhovaya St, Moscow, 125009, Russian Federation

✉ nkim@iaas.msu.ru

Abstract. The subject of the study is public disagreements on certain issues of Korean history. The study aims to determine the theoretical principles underlying the memory policies of the conservative government of Yun Seokyeol. On the example of the controversy over the transfer of the bust of the Korean independence movement fighter Hong Beomdo and the restoration of the legacy of Syngman Rhee, the author shows what arguments conservatives and progressives make to defend their position, what tools and techniques they use to establish a certain interpretation of history as the dominant one. The reason for the dispute about the legacy of the fighters for Korean independence, who belonged to the left wing of the national liberation movement, was the decision of the Ministry of Defense of the Republic of Korea to move the bust of Hong Beomdo, installed in front of the Military Academy, to another place. This decision caused protests from progressive political parties and public organizations, which accused the Yun Seokyeol's government of an anti-communist approach and disdain for independence fighters. The dispute over Hong Beomdo's bust also showed that there is no unity among conservatives on this issue. The government of Yun Seokyeol, largely, proceeds in its memory policies from the theoretical approach of the "new right," the far-right group of the South Korean conservatives, which diminish the importance of anti-Japanese resistance, especially the left wing, in restoring Korean state sovereignty. At the same time, the "new right" proponents highly appreciate the role of the first President Syngman Rhee in the establishment of the Republic of Korea, ensuring its security and prosperity. The conservative government supports public initiatives to restore the positive image of Syngman Rhee, who resigned as a result of the 1960 April Revolution. Progressives have an extremely negative attitude towards conservative's attempts to revive the legacy of Syngman Rhee, who was guilty of the presidential election fraud and political repressions.

Keywords: conservatives, progressives, new right, historical memory, independence movement, Hong Beomdo, Syngman Rhee, I Seungman

Article history: Received: 30.08.2023. Accepted: 10.11.2023.

For citation: Kim NN. The Conservative Turn in Memory Policies of the Republic of Korea. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(1):41–63. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-41-63>

Введение

Либерализация политического режима в Республике Корея на рубеже 1980–1990-х гг. вызвала рост общественных разногласий по поводу толкования исторического прошлого. Наибольшую актуальность приобрели вопросы недавнего прошлого, относящиеся к наследию авторитарных режимов президентов Ли Сынмана, Пак Чонхи, Чон Духвана (1950–1980-е гг.), а также эпохи японского колониализма (1910–1945). Порой требования общественности выяснить истину и провести объективное расследование в отношении какого-либо инцидента прошлого, как в случае с восстанием в Кванджу (1980), обретали форму массовой гражданской кампании, сопровождавшейся митингами и демонстрациями. В противостояние вокруг интерпретации прошлого включились политические силы, разделившиеся на два основных течения — консерваторов и прогрессистов. Консерваторы исторически и идеологически связаны с политическими партиями, господствующими в период авторитаризма, тогда как прогрессисты — с движением за демократизацию Республики Корея. Политика консерваторов в целом отличается устойчивым проамериканизмом, антикоммунизмом и неолиберализмом, а политика прогрессистов — сбалансированным подходом к альянсу с США, поддержанием диалога с Северной Кореей и усилением роли государства в управлении экономикой.

Разные политические корни и повестка консерваторов и прогрессистов в значительной степени определили различия в проводимой ими исторической политике, под которой понимаются приемы и механизмы, используемые политическими силами для утверждения «определенных интерпретаций исторических событий как доминирующих» [1]. В мае 2022 г. в Республике Корея в результате победы на президентских выборах кандидата от консервативной партии «Сила народа» (*Кунминый хим*) Юн Согёля было сформировано новое правительство, пришедшее на смену прогрессистскому правительству Мун Чжэина (2017–2022). Политические позиции консерваторов значительно усилились после выборов в муниципальные органы власти в июне 2022 г., когда их кандидаты победили во многих избирательных округах. В контексте данных изменений стало возможным принимать решения в области исторической политики, которые до этого не поддерживались прогрессистским

правительством. Учитывая многопартийность и высокий уровень гражданского активизма в Республике Корея, историческая политика консерваторов спровоцировала серьезные разногласия между конкурирующими политическими силами. В данной статье будут проанализированы отдельные кейсы с тем, чтобы продемонстрировать, какие именно теоретические положения и идеологические факторы определяют существующие между консерваторами и прогрессистами споры по отдельным вопросам исторического прошлого Кореи. Главное внимание уделено действиям консерваторов в области исторической политики во главе с правительством Юн Согёля.

Память о борцах за независимость и политический спор о наследии Хон Бомдо

В 2023 г. между консерваторами и прогрессистами разгорелась дискуссия вокруг перемещения бюста борца за независимость Кореи Хон Бомдо (1868–1943), установленного у главного входа в здание Военной Академии Республики Корея. В конце августа 2023 г. Министерство обороны приняло решение убрать бюст Хон Бомдо в другое «подходящее место» за пределами Военной Академии. Одновременно с этим должны убрать бюсты борцов за независимость генералов Чжи Чхончхона (1888–1957), Ли Бомсока (1900–1972), Ли Хвёна (1867–1932) и Ким Чвачжина (1889–1930), установленные в одном ряду с бюстом Хон Бомдо. Но в отличие от последнего их бюсты решили перенести внутрь здания Военной Академии. В связи с данным решением Демократическая партия Тобуро, Ассоциация памяти Хон Бомдо, Институт исследования национальных проблем (*Минчжок мунчже ёнгусо*), а также прогрессивная гражданская общественность, в том числе зарубежные соотечественники (российские корейцы), обрушились с резкой критикой на консервативное правительство Юн Согёля. Неоднозначность политической ситуации обусловлена еще и тем, что внутри лагеря консерваторов не наблюдается единства позиции по данному вопросу.

В восстановлении наследия Хон Бомдо изначально большая роль принадлежала правительству Мун Чжэина. В марте 2018 г. оно поддержало установку бюста Хон Бомдо у здания Военной Академии и вместе с тем настойчиво добивалось перемещения его праха из Казахстана в Республику Корея. Во время визита президента Мун Чжэина в Казахстан в июне 2019 г. главами государств обсуждался вопрос о перезахоронении праха Хон Бомдо в связи со 100-летием битвы под Понодон (июнь 1920 г.), когда в результате двухдневного боя партизанские отряды Хон Бомдо и Ан Му разгромили японские карательные части. Повышенное внимание к личности Хон Бомдо при правительстве Мун Чжэина объясняется особенностью его исторической политики. В отличие от консерваторов прогрессисты уделяют огромное внимание сохранению памяти о всех

борцах национально-освободительного движения независимо от их идеологической направленности в годы борьбы с японским колониализмом (1910–1945).

Хон Бомдо представлял левое (коммунистическое) крыло антияпонского сопротивления. В условиях доминирующей в Республике Корея парадигмы антикоммунизма он не почитался как герой на государственном уровне до последнего времени. Вместе с тем нельзя сказать, чтобы о нем совсем ничего не знали. Заслуги Хон Бомдо как борца за независимость были признаны еще президентом Республики Корея Пак Чонхи (1963–1979), который посмертно наградил его медалью за вклад в восстановление корейского государства в 1962 г. В период президентства Пак Кынхе (2012–2016) именем Хон Бомдо была названа подводная лодка ВМФ РК водоизмещением 1800 тонн. Президент Мун Чжэин присвоил ему еще одну государственную медаль за заслуги в сохранение национального единства, возвышение национального духа, формирование национальной идентичности российских корейцев (*корёин*) и развитие дружбы между Республикой Корея и Казахстаном. 15 августа 2021 г., в День освобождения Кореи (*кванбокчжоль*), останки Хон Бомдо были торжественно перезахоронены на национальном кладбище в Тэчжоне, где находятся могилы борцов за независимость, государственных деятелей Республики Корея. Однако в целом о Хон Бомдо долгое время умалчивали в публичном пространстве. Детали его биографии были мало известны в Южной Корее. И это неудивительно, учитывая то, что он был тесно связан с коммунистическим движением. В этом отношении предпринятые со стороны правительства Мун Чжэина усилия по восстановлению наследия Хон Бомдо были не только попыткой сохранить память об этом герое антияпонского сопротивления, но и переформатировать «олимп» борцов за независимость, почитаемых в Южной Корее, включив туда деятелей левого движения.

Помимо битвы под Понодон на боевом счету Хон Бомдо были и другие победы, начиная с 1907 г., когда он во главе отряда *ыйбён* устроил засаду на перевале Хучхирён и разгромил целую роту японцев. Отряд Хон Бомдо с 1909 г. переместился сперва на российский Дальний Восток, а потом в Маньчжурию, откуда осуществлял спорадические вылазки в северные районы Кореи. С 1921 г. Хон Бомдо постоянно находился на территории советского Приморья, а его отряд в скором времени был интегрирован в состав Красной армии [2]. После принудительного переселения корейцев с Дальнего Востока Хон Бомдо оказался в Казахской ССР, в г. Кзыл-Орда, где и был похоронен в 1943 г. [3]. Таким образом, последние годы своей жизни он провел в Советском Союзе, так и не увидев освобождения Кореи. С точки зрения памяти о нем сегодня в Южной Корее особое значение имеют отдельные факты его биографии: во-первых, роль Хон Бомдо в инциденте у г. Свободный

в июне 1921 г. («Амурский инцидент»)¹, обернувшийся гибелью сотен корейских партизан, а, во-вторых, членство в ВКП (б).

С приходом к власти консервативного правительства Юн Согёля министерство обороны поставило под сомнение целесообразность размещения бюста Хон Бомдо перед зданием Военной Академии, в стенах которой воспитывают военные кадры Республики Корея. Еще в 2022 г. во время государственной проверки Военной Академии депутат Национального собрания от консервативной партии «Сила народа» (*Кунминный хим*) Син Вонсик сказал, что хотя Хон Бомдо и причастен к победе в битве при Понодон, он также сыграл главную роль в трагедии в г. Свободный. Более того, он выразил недоумение по поводу того, что бюст советского солдата установлен перед зданием Военной Академии, чьи выпускники боролись с коммунистами в годы Корейской войны [4].

28 августа 2023 г. министерство обороны выступило с заявлением, в котором подробно объяснило причины своего решения убрать бюст Хон Бомдо перед зданием Военной Академии. Во-первых, было указано на то, что Военная Академия — это учебное учреждение, которое воспитает патриотизм в своих учениках для защиты свободы и демократии Республики Корея в условиях потенциальной угрозы нападения со стороны коммунистической Северной Кореи. Учитывая то, что Хон Бомдо был членом Коммунистической партии Советского Союза, участвовал в ее деятельности, то нахождение его бюста у стен Военной Академии противоречит ее духу и ценностям, которые, как следует из заявления, имеют антикоммунистическую основу [5]. Во-вторых, принимая во внимание заслуги Хон Бомдо как борца за независимость, более уместным будет размещение его бюста не у здания Военной Академии, а в музее истории движения за независимость (*тоннип кинёмгван*). В связи с этим министерство обороны отправило запрос о сотрудничестве в министерство по делам патриотов и ветеранов и в данный музей. В-третьих, факт заключается в том, что Хон Бомдо поддержал решение Корейского военно-революционного совета о переподчинении ему всех партизанских отрядов на территории Советской России и их дальнейшей интеграции в состав Красной Армии. Поэтому он участвовал в качестве члена судебной комиссии по делу об инциденте в г. Свободный. Этот факт, по мнению министерства обороны, является основанием подозревать Хон Бомдо к причастности в массовой гибели корейских партизан во время столкновения с красноармейцами,

¹ В ночь на 28 июня 1921 г. Сахалинский корейский партизанский отряд, расположенный непосредственно в районе гор. Свободный (Алексеевск), отказался выполнить приказ о его переподчинении Корейскому военно-революционному совету, назначенному Дальневосточным секретариатом Коминтерна. В результате принудительного разоружения силами 29-го стрелкового полка НРА ДРВ погибли сотни корейских партизан (убитых, утонувших, пропавших без вести — 400 человек). См. подробнее Пак Б.Д. Корейцы в Советской России 1917 — конец 30-х годов. URL: <https://koryo-saram.site/amurskij-intsident/> (дата обращения: 26.10.2023)

поскольку он выступил на стороне последних. Во время инцидента, по оценкам министерства обороны, погибло от 400 до 600 бойцов армии независимости, а около 500 — предстало перед судом, в котором участвовал Хон Бомдо [5]. В-четвертых, Хон Бомдо вступил в ВКП (б) в 1927 г., а ранее официально был назначен командиром батальона в составе отдельной корейской стрелковой бригады. Также он встречался с Лениным, будучи делегатом Съезда народов Дальнего Востока, состоявшегося в Москве в январе 1922 г. Все эти факты означают, что необходимо оценивать деятельность Хон Бомдо иначе, чем других борцов за независимость, которые не участвовали в деятельности ВКП (б) и не служили в Красной армии. Министерство обороны указало на то, что Корейская война была развязана Ким Ир Сенем при содействии Советского Союза, поэтому неуместно устанавливать бюст и чтить память о Хон Бомдо, который являлся членом Компартии Советского Союза. В заключении своего заявления министерство обороны выразило сожаление о том, что вопрос о переносе бюста Хон Бомдо «некоторые превратили в политическую проблему, поощряя идеологическую борьбу» и обвиняя правительство в прояпонском поведении [5].

В какой степени мнение министерства обороны РК о прошлом Хон Бомдо подтверждается историческими источниками, не имеет особого значения в контексте рассматриваемого случая, потому что конфликт между консерваторами и прогрессистами по данному вопросу — это не проблема исторической объективности, а в первую очередь политической позиции и ее репрезентации в «политическом поле» различными акторами. Консерваторы, как видим, отталкиваются от коммунистического прошлого Хон Бомдо и его причастности к насильственному разоружению корейских партизан. Прогрессисты исходят из совершенно противоположной позиции, в соответствии с которой членство Хон Бомдо в ВКП (б) никоим образом не должно влиять на признание его заслуг как выдающегося борца за независимость Кореи. Выбор расположения бюста Хон Бомдо, по всей видимости, был не случайным. Военная Академия действительно с основания республики является главным центром подготовки военных кадров с глубоко антикоммунистическими взглядами. Ее выпускниками были известные государственные деятели, военные Республики Корея — президенты Чон Духван (1980–1987), Ро Дэу (1988–1993). Установку бюста Хон Бомдо именно в этом месте можно трактовать как попытку прогрессистов подорвать и переформатировать «символическое поле» Военной Академии, основанное на идеях антикоммунизма.

Демократическая партия Тобуро обрушилась с резкой критикой на министерство обороны РК после публикации им заявления о переносе бюста Хон Бомдо. Лидер партии Ли Чжэмён сказал, что министерство обороны вместе с министерством по делам патриотов и ветеранов занимается «стиранием истории национально-освободительного движения» [6]. Он указал на идеологическое основание мотивов правительства в данном вопросе: если

отталкиваться от того, что Хон Бомдо был членом коммунистической партии и, следовательно, к его прошлому есть вопросы, которые сегодня мешают его одинаково почитать как других борцов за независимость, то как быть с Пак Чонхи, который являлся членом Трудовой партии Южной Кореи? По его мнению, правительство Республики Корея апеллирует к антикоммунистической идеологии, которая явно устарела в эпоху искусственного интеллекта. Ли Чжэмён заявил, что президент Юн Согёль или не знает, или игнорирует то, что истоки южнокорейской армии восходят к отрядам независимости.

Руководитель Общества памяти Хон Бомдо, депутат Национального собрания от Демократической партии Тобуро, У Вонсик призвал правительство не совершать «исторический переворот и извиниться перед народом» в связи с решением о переносе бюстов Хон Бомдо и других борцов за независимость. Он добавил, выступая на пресс-конференции, организованной специально по этому случаю перед зданием военного музея в Сеуле, что очернение героев национально-освободительного движения путем навешивания на них ярлыка коммуниста вызывает гнев граждан, испытывающих обычно уважение к борцам за независимость [6]. Лидер Прогрессивной партии (*Чонидан*) Ли Чжонми считает, что правительство начало «историческую войну», расценивая все политические силы, которые не на «их стороне», как антигосударственные. По мнению Ли Чжонми, такое отношение является «антиисторическим, антигосударственным интриганством (*чхэктон*) и основывается на идеях радикального крыла консерваторов — движения «новые правые» [7]. Другой член Прогрессивной партии Пэ Чингё, лидер парламентской фракции, отметил, что необходимо принять «соответствующие меры» в отношении всех лиц, причастных к инициативе о переносе бюста Хон Бомдо, спровоцировавшей конфликт в корейском обществе. Он, в частности, указал имена министра обороны Ли Чжонсопа, министра по делам ветеранов и патриотов Пак Минсика [7].

Критика министерства обороны исходила не только со стороны левоцентристского блока в лице Демократической партии Тобуро и Прогрессивной партии. С определенной долей непонимания мотивов министерства обороны, а вместе с тем и позиции правительства Юн Согёля по данному вопросу отнеслись некоторые политики консервативного лагеря. Так, Чхон Харам, один из лидеров партии «Сила народа», выступая утром на радио МВС 1 сентября 2023 г., сказал, что считает решение о переносе бюста Хон Бомдо исторически и политически ошибочным. Он напомнил, что буквально еще несколько лет назад президент Пак Кынхе присвоила имя «Хон Бомдо» подводной лодке, а если смотреть шире, то надо иметь в виду, что в обществе его считают героем, и желающих совсем убрать бюст Хон Бомдо из издания Военной Академии насчитывает в лучшем случае 1 % граждан [8]. Бывший председатель партии «Сила народа» Ли Чжонсок выразил мнение, что предложение о переносе бюста Хон Бомдо скорее отражает идеи «новых правых» (*ньюрайтхы*), отдельного течения южнокорейского консерватизма, а не общее направление

консервативной идеологии. Он напомнил, что президент Пак Чонхи не видел никаких проблем в том, чтобы посмертно наградить Хон Бомдо медалью за вклад в восстановление корейской государственности. В эпоху японского колониализма в национально-освободительном движении участвовали люди разных политических позиций и развивалось оно до того, как Ким Ир Сен «развязал братоубийственную войну, а коммунисты укрепили раскол» [9].

Другой член партии «Сила народа» Ким Гынсик, профессор политологии и дипломатии Университета Кённам, сказал, что Хон Бомдо умер в 1943 г., поэтому он не мог участвовать ни в создании северокорейского режима, ни в Корейской войне» [7]. Ким Гынсик сравнил вопрос о Хон Бомдо с инициативой жителей и мэрии Кванджу построить парк в честь Чон Юльсона (1914–1976), уроженца этого города, корейского (китайского) композитора, участника антияпонского сопротивления, который после освобождения Кореи жил и работал в Северной Корее, воевал на стороне КНДР в Корейской войне, а после ее окончания по политическим причинам вынужден был бежать в КНР. В отличие от Чон Юльсона Хон Бомдо нельзя упрекнуть в участии на вражеской стороне в годы Корейской войны. Поэтому спор вокруг бюста Хон Бомдо, по мнению Ким Гынсика, совершенно отличается от дискуссии вокруг парка имени Чон Юльсона, против строительства которого активно выступают корейские консерваторы [7]. Правительство Юн Согёля очень обеспокоено тем, что в Кванджу организуют различные коммеморации (фестивали, выставки, пр.) в память о Чон Юльсоне, чьи заслуги как борца за независимость Кореи, так и не были официально признаны министерством по делам патриотов и ветеранов. Противостояние муниципальных властей Кванджу и правительства усилилось с приходом к власти президента Юн Согёля. Пак Минсик, министр по делам патриотов и ветеранов, в августе 2023 г. заявил, что правительство не намерено финансировать памятные мероприятия в честь Чон Юльсона, т.к. это противоречит ценностям конституции РК, которую тот нарушил, приняв участие в агрессивной войне на стороне Северной Кореи [10].

В контексте вопроса о переносе бюста Хон Бомдо и его критики со стороны консерваторов следует обратить на высказанное Ли Чжонсоком мнение о разграничении позиций, условно говоря, «старых» и «новых» правых среди южнокорейских консерваторов. На причастность «новых правых» к конфликту вокруг переноса бюста Хон Бомдо указал также представитель левоцентристского блока, лидер Прогрессивной партии Ли Чжонми. «Старые» правые видят в текущем противостоянии прогрессистов и правительства разрыв с предшествующей традицией, в соответствии с которой Хон Бомдо — признанный борец за независимость. И ориентируются они в данном случае на действия президентов Пак Чонхи (1963–1979) и Пак Кынхе (2013–2017), которые в разной степени проявляли знаки уважения к памяти о Хон Бомдо. «Новые правые» считаются ультраправым течением корейского

консерватизма. При президентах Ли Мёнбаке (2008–2013) и Пак Кынхе представителей данного течения стали назначать на различные административные посты, усилив их политическое влияние в обществе.

С точки зрения концептуальных оснований исторической политики «новых правых» необходимо обратить внимание на антикоммунизм и теорию колониальной модернизации (Ан Бёнчжик, Ким Мунсу, Ли Чжэо, Пак Хёчжон, Чха Мёнчжин, Им Хэю) [11]. «Старые» правые также являются антикоммунистами, но они относительно сдержанно относятся к коммунистическому прошлому участников антияпонского сопротивления, поскольку это касается периода до раскола Кореи на два государства и провозглашения КНДР. Помимо этого, они до сих пор признавали значение национально-освободительного движения, Первоапрельского восстания в воссоздании корейской государственности. Для «новых правых» причастность к коммунизму, как в случае с Хон Бомдо, является мерилем его восприятия в текущем настоящем, в рамках которого все коммунистическое расценивается как просеверокорейское, а значит, противоречащее духу государственности РК и национальной идентичности корейского (южнокорейского) народа. По этой причине Хон Бомдо ассоциируется у них с советским влиянием на Корейском полуострове и северокорейским режимом, развязавшим «агрессивную войну» против Республики Корея. И это при том, что Хон Бомдо умер в 1943 г., не дожив ни до освобождения Кореи, ни до Корейской войны.

Оспаривая позицию «новых правых», Чон Ёнтхэк, экс-президент Национальной ассоциации учителей истории, сказал: «Хон Бомдо стал социалистом, потому что это был единственный способ продолжить борьбу за независимость (что было невозможно сделать на территории Кореи). А если учесть позицию научных кругов, что когда он присоединился к социализму, то это был период, не имеющий отношения к Коммунистической партии Ким Ир Сена, то связывать генерала Хон Бомдо с северокорейским коммунизмом является логическим противоречием» [12]. По мнению Чон Ёнтхэка, если исключить социалистическое движение из истории национально-освободительного движения Кореи, тогда надо будет забыть о студенческих волнениях в Кванджу, обществе «Синганхве», находившимся под влиянием социализма. Иными словами, придется забыть многие события, значимые в контексте истории антияпонского сопротивления Кореи. Чон Ёнтхэк призвал правительство прекратить бессмысленную войну с историей. При этом он указал на то, что такое отношение правительства к истории эпохи японского колониализма обусловлена подходом «новых правых» к данному периоду, оправдывающих японский колониализм [12].

Здесь мы подходим к двум главным вопросам, тесно взаимосвязанным друг с другом: как «новые правые» интерпретируют колониальный режим и восстановление корейской государственности. От толкования этих двух исторических явлений зависит их отношение к корейскому антияпонскому

сопротивлению и его вкладу в восстановление государственного суверенитета. Исходя даже из того, что было написано выше, очевидно, что «новые правые» по меньшей мере недооценивают значение национально-освободительного движения, идеологически неоднородного, в воссоздании корейского государства в 1948 г. Ли Ёнхун, президент Института экономики Наксондэ (Сеульский государственный университет, или СНУ), один из ярких представителей теории колониальной модернизации, автор книг по истории экономики и политики Кореи. В своих работах он последовательно развивает тезис, что Чосон (1392–1897) не мог самостоятельно добиться модернизации и развития капитализма, а современное общество начинается формироваться в Корее с открытия портов (с 1876 г.) и в колониальный период [13]. В целом, представители теории колониальной модернизации исходят из того, во-первых, что модернизация действительно была в колониальный период, во-вторых, теория колониальной эксплуатации, которая по сей день является основой официальной южнокорейской историографии, излишне преувеличивает масштабы эксплуатации [14. С. 177–185], в-третьих, японский империализм был полон противоречий и недостатков, в-четвертых, огромные заслуги в воссоздании и развитии корейской государственности принадлежат президентам Ли Сынману (1948–1960) и Пак Чонхи [15].

Ли Ёнхун говорит о том, что современное корейское общество во многом наследует достижения Кореи колониального периода, развивается на их основе, тогда как Северная Корея, которая, наоборот, уничтожила колониальное наследие, вернулась «к системе государственного рабства или крепостного права династии Чосон». По его мнению, в контексте знания и понимания новейшей истории Республики Корея важное значение имеет не только история борьбы за независимость, к чему сегодня сведено ее преподавание, но и то, как посредством современной системы образования, суда, бюрократии, рынка происходило становление современного корейского государства — Республики Корея [13]. «Новые правые» считают, что огромный вклад в развитие корейской экономики и демократии внесли Ли Сынман и Пак Чонхи. По замечанию профессора Пак Хёчжона (Сеульский национальный университет), «демократизация 1987 г. была результатом установления либерально-демократической системы Ли Сынмана и индустриализации Пак Чонхи» [16].

Придавая большое значение Ли Сынману как «отцу-основателю» Республики Корея и одновременно с этим умаляя значение антияпонского сопротивления в воссоздании корейской государственности, «новые правые» противостоят подходу прогрессистов, которые, наоборот, исходят из теории колониальной эксплуатации и отрицают взаимосвязь между колониальной экономикой Кореи и экономикой Республики Корея. Более того, прогрессисты воспринимают Ли Сынмана как человека, виновного в нарушении демократических прав и свобод, поэтому недостойного чествования сегодня. Здесь возникает и другое противоречие между этими двумя политическими

силами — «новые правые» считают точкой отсчета современной корейской государственности 1948 г., когда Ли Сынман провозгласил создание правительства Республики Корея, тогда как прогрессисты — 1919 г., когда на волне национально-освободительного движения было создано Временное правительство Республики Корея [11]. Если начало корейской государственности 1948 г., и она возникает на базе достижений японской колониальной модернизации, то естественным образом нивелируется значение борьбы корейских партизанских отрядов за независимость. Она рассматривается лишь как одна из страниц истории колониального периода Кореи наряду с другими событиями.

«Старые» консерваторы до появления «новых правых» на политической сцене долгое время придерживались позиции, что корейская государственность возникла исторически в 1919 г. Это подтверждает преамбула Конституции РК вне зависимости от года редакции, в составлении которой они участвовали. Но сегодня «старая гвардия» консерваторов все больше испытывает влияние «новых правых» в данном вопросе, тем более что последние не голословны, а опираются на работы профессиональных историков, экономистов, юристов Института экономики Наксондэ, Института Ли Сынмана. Масштабы влияния «новых правых» на всех консерваторов в Республике Корея станут более очевидны, если обратиться к другому спорному вопросу исторической политики консерваторов — инициативе создания музея Ли Сынмана.

Ревизия наследия первого президента Республики Корея Ли Сынмана

28 июня 2023 г. в Сеульском музее истории состоялось заседание Комитета по содействию строительства музея Ли Сынмана, председателем которого избрали Ким Хвансика, бывшего премьер-министра РК (2010–2013) в правительстве Ли Мёнбака (2008–2013). Для финансирования данного проекта было решено открыть Фонд Ли Сынмана и начать сбор гражданских пожертвований [17]. Получив соответствующее разрешение от министерства государственного управления и безопасности РК, с начала сентября 2023 г. Фонд запустил кампанию по сбору пожертвований граждан. Инициаторы данного проекта намереваются таким образом реанимировать «доброе имя» первого президента Ли Сынмана, дискредитированного событиями Апрельской революцией 1960 г.² Они считают, что Ли Сынман, избранный первым прези-

² Апрельская революция 1960 г. — гражданские волнения, охватившие Южную Корею в апреле 1960 г. Причиной волнений была фальсификация результатов президентских выборов, прошедших в марте того года, а непосредственным поводом — расстрел мирной демонстрации в Сеуле 19 апреля. 26 апреля под влиянием массовых протестов Ли Сынман решил добровольно уйти с поста президента и покинул Республику Корею, улетев в США.

дентом Временного правительства (1919), а потом первым президентом Республики Корея (1948), защищал ее свободу и независимость, посредством американо-корейского альянса обеспечил процветание страны. До строительства музея Ли Сынмана активная роль в продвижении его наследия будет принадлежать Фонду, в планах которого сбор различных материалов о жизни и деятельности первого президента, исследование его работ, проведение научных мероприятий, конкурсов, реализация образовательных программ с целью развития и передачи последующим поколениям ценностей либеральной демократии.

Идея создания музея Ли Сынмана была публично озвучена президентом Юн Согёлем во время предвыборной кампании в 2022 г. [18] После победы на выборах и формирования нового правительства министр по делам патриотов и ветеранов Пак Минсик заявил, что строительство музея Ли Сынмана является его первейшей задачей. И хотя строительство музея еще только в проекте, Пак Минсик, видимо, с тем чтобы подтвердить свои намерения, вместе со своей матерью и сыном пожертвовали в Фонд Ли Сынмана 10 млн вон в начале октября 2023 г. [19] Примеру Пак Минсика последовали другие представители правящей партии «Сила народа». Например, Чон Утхэк, заместитель председателя Национального собрания РК, пожертвовал 3 млн вон. Его отец Чон Унгап (1913–1985) занимал должности заместителя министра внутренних дел и министра сельского хозяйства в правительстве Ли Сынмана, а также 5 сроков подряд избирался депутатом парламента РК. Чон Утхэк, комментируя свое решение о пожертвовании, сказал, что хотел бы исправить «неправильно понятую историю», подразумевая под этим, что современная интерпретация деятельности Ли Сынмана как диктатора, виновного в фальсификации выборов и политических репрессиях, неверная. Он выразил надежду, что о достижениях президента Ли Сынмана, заложившего фундамент Республики Корея, многие будут помнить [19].

Помимо политических деятелей — консерваторов, в гражданской кампании по сбору средств на строительство музея Ли Сынмана приняли активное участие предприниматели, артисты, ученые и пр. Некоторые суммы пожертвований в Фонд Ли Сынмана в действительности поражают воображение: предприниматель Ю Мёнхан (79 лет) внес 100 млн вон [20], Общество выпускников Военной Академии — 100 млн вон [21], предприниматели Со Унсок (81) и Ким Юнчжун (81) — по 130 млн вон [22] и т.д. Кампанию поддержали многие известные в Южной Корее селебрити и общественные деятели. Сыновья бывших президентов РК Пак Чонхи, Ким Ёнсама (1993–1998) и Ким Дэчжуна (1998–2003) — Пак Чиман, Ким Хёнчхоль, Ким Хоноп соответственно 26 сентября 2023 г. сообщили прессе, что жертвуют по 1 млн вон в Фонд Ли Сынмана. Помимо прочего, все они участвуют в работе Комитета по содействию строительства музея Ли Сынмана в качестве советников (включая сына президента Ли Сынмана) [23]. Актер и предприниматель Син Ёнгюн (95),

выступая на первом заседании Комитета, сказал, что готов под строительство музея в качестве пожертвования выделить 24 тыс. пхён³ собственной земли в районе Кандонгу, г. Сеул [24]. Популярная в РК актриса Ли Ёнэ пожертвовала 50 млн вон. Она отметила, что Ли Сынман — это человек, который «заложил фундамент либеральной Республики Корея» и защитил ее от агрессии Северной Кореи. Поэтому ее пожертвование — это выражение благодарности президенту Ли Сынману за то, что корейцы не живут сейчас как в Северной Корее в условиях диктатуры и несвободы [25].

Инициатива строительства музея Ли Сынмана вызвала очень бурную негативную реакцию со стороны прогрессистских политических сил и общественных организаций. Основная проблема заключается в том, что после событий Апрельской революции, в результате которой Ли Сынман ушел в отставку и покинул Корею, его имя стало прочно ассоциироваться с авторитаризмом и злоупотреблением властью. Выражением данного отношения во многом является Конституция Республики Корея. В преамбуле Конституции написано, что народ Кореи поддерживает «демократические идеалы восстания против несправедливости», произошедшего 19 апреля 1960 г. [26] После 1960 г. в Республике Корея не проводилось никаких официальных мероприятий в память о Ли Сынмане. Почитаемый консерваторами, как «старой гвардией», так и «новыми правыми», президент Пак Чонхи, совершивший военный переворот 16 мая 1961 г., тоже, надо отметить, негативно относился к наследию Ли Сынмана. И когда была составлена Конституция Третьей Республики в 1962 г. при Пак Чонхи, там было сказано о «правом деле» 19 апреля 1960 г., подчеркивая его значение с точки зрения укрепления демократии в Республике Корея [27]. Учитывая то, что сказано в действующей Конституции РК, инициатива создания музея Ли Сынмана, если и не юридически, но все же противоречит духу ценностей, которые она выражает — идеалам демократического восстания 19 апреля 1960 г.

Восстановление консервативной общественностью позитивного имиджа Ли Сынмана началось не только с инициативы строительства музея Ли Сынмана, но и с установления его монумента в районе Чхильгок, провинции Северная Кёнсан. 27 июля 2023 г. у здания музея битвы при Тобудон (*Тобудон чончжок кинёмкван*) в данном районе в присутствии губернатора провинции Северная Кёнсан и около 500 гостей состоялось торжественное открытие монументов президента Ли Сынмана и президента США Г. Трумэна. Монументы располагаются рядом друг с другом в знак корейско-американского союза в годы Корейской войны. Они были изготовлены еще в 2017 г. на гражданские пожертвования [28]. Изначально планировалось установить их возле здания Военного музея в Сеуле, но его администрация отказалась, по всей видимости, не без оглядки на общественный резонанс такого решения,

³ Пхён — корейская мера площади, равная 3.305785 m².

если бы оно было принято. Так, например, в 2017 г. в Пусане Национальная организация за истину (*Чинсиль кунмин танчхе*) предложила установить бюсты Ли Сынмана и Пак Чонхи рядом со статуей Девушки мира, символизирующей «женщин для утешения», расположенной напротив здания японского консульства. Жители Пусана и мэрия выступили против данного предложения, и бюсты не были установлены [29]. Еще одна попытка установить памятник Ли Сынману была в июне 2011 г., когда возле музея Временной столицы Республики Корея, резиденции, в которой в течение более двух лет во время Корейской войны проживал президент Ли Сынман, установили его статую. Но простояла она три месяца: неизвестные облили ее красной краской, после чего статую убрали для восстановления, но так больше и не установили из-за общественных разногласий между консерваторами и прогрессистами вокруг наследия Ли Сынмана [30].

В день торжественного открытия монументов Ли Сынмана и Трумэна 27 июля у центрального входа в музей битвы при Тобудон состоялся митинг, в котором приняли участие представители Института исследования национальных проблем (*Минчжок мунчжэ ёнгусо*), Ассоциации памяти Временного правительства Республики Корея и еще других гражданских организаций. Они осудили установку монумента Ли Сынману на том основании, что ему фактически дважды объявляли импичмент — первый раз от должности президента его отстранило Временное правительство Кореи за раскол национальных сил (1925), а во второй раз — народные массы в ходе Апрельской революции 1960 г. Памятник Ли Сынману, «который подорвал народное доверие, продвигнув корейских коллаборационистов и распустив Специальный комитет по расследованию антинародной деятельности, не может быть установлен в месте, где покоятся души мучеников» (имеются в виду души погибших корейских солдат) [31]. Участники протестной акции также указали на Конституцию Республики Корея, в которой сказано о преемственности демократических идеалов 19 апреля. У Дэхён, представитель Общества преемственности духа движения за независимость (*Тоннип ундон чонсин кесын саопхве*), отметил, что группа Ли Сынмана причастна к террористическим актам, совершенным против членов Временного правительства Республики Корея, в частности Ким Гу, и лидеров Общества возрождения (*Кванбокхве*), руководившего антияпонским сопротивлением внутри Кореи. Поэтому он будет противодействовать политике правительства Юн Согёля и министерства по делам патриотов и ветеранов по восстановлению наследия Ли Сынмана [28].

Если митингующие именовали Ли Сынмана «диктатором» и держали плакаты, на которых было написано, что он содействовал и прикрывал массовую резню гражданского населения до и после Корейской войны, раскол и подавлял силы национально-освободительного движения, то, наоборот, сторонники установки монумента называли Ли Сынмана «героем». Открытие монумента состоялось при поддержке правительства Юн Согёля,

от имени которого было зачитано поздравительное письмо. Губернатор провинции Северная Кёнсан Ли Чхольбу предложил на церемонии открытия выгравировать имя Ли Сынмана как основателя Республики на южнокорейской денежной купюре, а также других «героев индустриализации, демократизации». Он считает, что установка монумента Ли Сынмана — это восхваление победоносной истории Республики Корея и содействие историческому примирению с деятелями, основавшими современную Республику Корея [28].

Установка монумента Ли Сынмана, учреждение Фонда и комитета по содействию строительства музея Ли Сынмана свидетельствуют о том, что в настоящее время в Южной Корее происходит переоценка его деятельности. Каковы будут дальнейшие действия в данном направлении консерваторов, сложно предугадать (будет ли пересмотрена конституция?), но борьба вокруг памятников скорее всего продолжится. В продолжение восстановления наследия первого президента РК осенью 2023 г. консерваторами был создан подготовительный комитет для возведения памятника президенту-основателю, доктору Ли Сынману на центральной площади Сеула Кванхвамун. Данная площадь является важным символическим пространством Республики Корея. Председатель подготовительного комитета Пён Чжониль, бывший депутат парламента от Партии Новая Корея (*Синхангуктан*), сказал, что «Ли Сынман основал либерально-демократическую Республику Корею, защищал ее в годы Корейской войны, обеспечил безопасность, заключив альянс с США» [32]. В контексте данного предложения удивительным фактом из личной биографии Пён Чжонили является то, что он, будучи студентом 1 курса университета, участвовал в демонстрациях в апреле 1960 г. с требованиями отставки президента Ли Сынмана. Десятилетия спустя, по всей видимости, он переосмыслил значение наследия Ли Сынмана, против которого выступал в молодости.

На фоне повышенного внимания политически активной консервативной общественности к наследию Ли Сынмана среди студентов университета Инха растет движение за восстановление его статуи, установленной на территории кампуса в 1979 г. Университет был основан в г. Инчхон на пожертвования гавайской общины зарубежных корейцев и при поддержке Ли Сынмана, пожелавшего открыть в Республике Корея университет, похожий на Массачусетский технологический университет в США. Статуя простояла до 1984 г., пока не была снесена студентами-активистами, участниками движения за демократизацию [32]. Сегодня, как видим, в Южной Корее иная политическая ситуация: консервативное правительство Юн Согёля содействует всем проектам по возрождению памяти о Ли Сынмане как отце-основателе современной Республики Корея, который внес огромный вклад в ее сохранение и процветание. И тот факт, что он был фактически свергнут в ходе массовых народных волнений в апреле 1960 г. из-за фальсификации выборов и репрессий в отношении гражданского населения, имеет для консерваторов

вторичное значение по сравнению с тем, что им было сделано на заре южно-корейской государственности.

Идеологическим обоснованием превознесения заслуг Ли Сынмана в настоящее время является различный подход правых сил и леволиберального блока к определению основания Республики Корея как государства. Как уже было сказано выше, «новые правые» настаивают на том, чтобы считать точкой отсчета корейской государственности 1948 г., тогда как прогрессисты — 1919 г. По словам Ли Инхо, почетного профессора Сеульского государственного университета, государственного и общественного деятеля, признание основанием Республики Корея апрель 1919 г., когда было создано Шанхайское Временное правительство, а не 15 августа 1948 г. является искажением истории [33]. В качестве аргументов она приводит то, что Временное правительство действительно было временным, не являлось официально государством, которое бы было признано внутри страны или за ее пределами как обладающее властью защищать интересы корейского народа. Расстановка акцентов в данном вопросе влияет на то, как будет трактоваться роль Ли Сынмана. Если исходить из того, что восстановление корейской государственности произошло в 1948 г., то, естественно, повышается роль первого президента в создании Республики Корея и приуменьшается значение Временного правительства и национально-освободительного движения, действующего преимущественно за рубежом все это время до освобождения Кореи от японского колониализма.

Заключение

Консервативный поворот в исторической политике Республики Корея обусловлен победой кандидата от правой партии «Сила народа» Юн Согёля на президентских выборах в 2022 г. Новое правительство Юн Согёля оказывает активную поддержку общественным организациям и институтам, выступающим за ревизию наследия президента Ли Сынмана и достижений борцов за независимость Кореи. В данной статье были рассмотрены несколько случаев, спровоцировавших политические разногласия о правомерности действий правительства и объективности понимания им исторического прошлого. За рамками исследования остались и другие спорные кейсы, такие как установка монумента генералу Пэк Сонёпу, которого консерваторы считают героем Корейской войны, а прогрессисты — прежде всего корейским коллаборационистом, и восстановление наследия президента Пак Чонхи. Концептуальным основанием исторической политики консерваторов являются положения «новых правых» об основании Республики Корея в 1948 г., теория колониальной модернизации и антикоммунизм. Если антикоммунистическая риторика всегда присутствовала в историческом дискурсе консерваторов, то представления о начале современной корейской государственности

и природе японского колониализма серьезным образом переосмыслиется только уже на рубеже XX–XXI вв. под влиянием работ историков и экономистов из движения «новые правые».

Учитывая существенные концептуальные различия между консерваторами и прогрессистами по вопросам толкования исторического прошлого, достижение консенсуса между ними в ближайшей перспективе представляется маловероятным. При этом речь идет не только о консенсусе между отдельными политическими партиями, борющимися за власть, но и согласии внутри общества, которое до сих пор остается расколотым по отдельным вопросам исторического наследия авторитарных режимов и отношению к Северной Корее как к «значимому другому». Смею предположить, что примирение в конечном счете между этими двумя оппозиционными силами станет возможным в условиях объединения нации или кардинального пересмотра политики объединения, вплоть до признания государственного суверенитета КНДР. Антикоммунизм, теория основания Республики Корея в 1948 г. являются следствием раскола единой Кореи. Поэтому разрешение проблемы объединения или существенное изменение политики в отношении Северной Кореи, возможно, станет устойчивым фундаментом для общественного примирения в Республике Корея в будущем.

Библиографический список

1. *Семячко А.* Политика памяти: как и зачем государства формируют свою историю. Сайт Theory and Practice. URL: <https://special.theoryandpractice.ru/politics-of-memory> (дата обращения: 07.11.2023)
2. Hong Beomdo//Hangungminjongmunhwadaebaekgwasa jeon [Хон Бомдо//Энциклопедия корейской культуры]. URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0064093> (дата обращения: 28.10.2023) (Кор. яз.)
3. Пак В.К. Хон Бомдо — человек из легенды. URL: <https://koryo-saram.site/hon-bomdo-chelovek-iz-legendy/> (дата обращения: 26.10.2023)
4. Hong Beomdo hyungsang nollan, wae bulgeojyeonna? [Почему возникли споры вокруг бюста Хон Бомдо?]. KBS news, 28.08.2023. URL: <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=7759316> (дата обращения: 28.10.2023) (Кор. яз.)
5. Gwon Hyeokcheol. Gukbangbu “gongsanjuui iryeong Hong Beomdo hyungsang, yuksae bujeokjeol” [Квон Хёкчхоль. Министерство обороны «Бюст Хон Бомдо, имеющего коммунистическую историю, не подходит Военной Академии». Hangeore, 28.08.2023. URL: https://www.hani.co.kr/arti/politics/politics_general/1106126.html (дата обращения: 28.10.2023) (Кор. яз.)
6. Sin Juyeong. Minjudang, gukbangbu Hong Beomdo hyungsang cheolgeo chujine “cheol jinan saekkkallon...maegung haengwi” [Син Чжуён. Демократическая партия о предложении Министерством обороны убрать бюст Хон Бомдо «устаревшая идеология... предательство»]. Gyeonghyang sinmun, 30.08.2023. URL: <https://m.khan.co.kr/politics/politics-general/article/202308301607011> (дата обращения: 31.10.2023) (Кор. яз.)
7. *Yu Hara.* Hong Beomdo hyungsang ijeon, gukim naeseodo bipan minju-jeongui, gangdo porge bipan...Jeong Yulseong nollaneneun sogeukjeok [Ю Хара. В партии «Сила народа» резко критикуют демократичность и справедливость переноса бюста Хон Бомдо... пассивны в отношении спора вокруг Чон Юльсона]. Сайт. www.redian.org, 28.08.2023. URL: <http://archive/173435> (дата обращения: 31.10.2023) (Кор. яз.)

8. Jo Hyeonho. Hong Beomdo ijeon hyungsang ipjang jiruie ‘chanban jeonghal ge anida’ neun gukim [Чо Хёнхо. На вопрос о позиции партии «Сила народа» о переносе бюста Хон Бомдо ответили, что они не «за» и «не против»]. Сайт. www.mediatoday.co.kr, 01.09.2023. URL: <http://www.mediatoday.co.kr/news/articleView.html?idxno=312243> (дата обращения: 29.10.2023) (Кор. яз.)
9. Bae Jaeseong. I Junseong Hong Beomdo hyungsang ijeon nollane «jalhaneun geo haja, baekjihwa» [Пэ Чжэсон. Ли Чжунсок о споре вокруг бюста Хон Бомдо «хорошо поступайте, отменяйте»]. Сайт. The JoongAng, 29.08.2023. URL: <https://www.joongang.co.kr/article/25188212#home> (дата обращения: 29.10.2023) (Кор. яз.)
10. Ha Taewon. “Joon gwangwanggaek? geureom Seutallin, irwang ginyeomgongwon mandeulji” [Ха Тхэвон. «Китайские туристы? Тогда, может, построим музей Сталина или японского императора»]. Сайт. www.n.news.naver.com, 23.08.2023. URL: <https://n.news.naver.com/mnews/article/449/0000256131> (дата обращения: 03.11.2023) (Кор. яз.)
11. Nyuraiteu (Daehanminguk) [Новые правые (Республика Корея)]. URL: <https://namu.wiki> (дата обращения: 03.11.2023) (Кор. яз.)
12. Jeong Yongtaek. Singminsagwaneuro Hong Beomdo jangguneul yokdoege haji malla [Чон Ёнтэк. Не позорьте генерала Хон Бомдо, применяя колониальный подход]. Сайт. www.educhang.co.kr, 01.09.2023. URL: <https://www.educhang.co.kr/news/articleView.html?idxno=631> (дата обращения: 04.11.2023) (Кор. яз.)
13. I Yeonghun gyosu, singminjigeundaehwaron, wianbu munje, MBCgija pokaeng nollan deunge daehan ipjang balkyeo [Профессор Ли Ёнхун Ли рассказывает о своей позиции по вопросам колониальной модернизации, «женщин для утешения» и нападения на репортера MBC]. Сайт. www.m.monthly.chosun.com, 16.08.2019. URL: http://m.monthly.chosun.com/client/mdaily/daily_view.asp?idx=7682&Newsnumb=2019087682 (дата обращения: 04.11.2023) (Кор. яз.)
14. Ким Н.Н. Критика теории колониальной модернизации Кореи: подходы и оценки в современной южнокорейской историографии // Восток (Oriens). 2014. № 3. С. 177–185.
15. Daean gyogwaseo hangukgeunhyeondaesa nollan [Споры вокруг альтернативного учебника новой и новейшей истории Кореи]. Gyeonghyang sinmun, 01.04.2008. URL: <https://m.khan.co.kr/article/200804011814405> (дата обращения: 04.11.2023) (Кор. яз.)
16. Bosu-jinbohakgye hyeondaesa gyoyangseoro gyeokdol [В консервативных и прогрессистских академических кругах спорят об учебниках современной истории]. www.v.daum.net, 2013.03.12. URL: <https://v.daum.net/v/20130312110315460> (дата обращения: 04.11.2023) (Кор. яз.)
17. I Seungman daetongnyeongginyeomgwan geollibundong bongyeokwadoeda [Всерьез началось движение за создание музея Ли Сынмана]. The JoongAng, 11.09.2023. URL: <https://www.joongang.co.kr/article/25191487#home> (дата обращения: 05.11.2023) (Кор. яз.)
18. I Seungman ginyeomgwan, myeongbuntppjangso nollan [Споры о причинах создания расположения музея Ли Сынмана]. Naeil sinmun, 14.08.2023. URL: https://m.naeil.com/m_news_view.php?id_art=470218 (дата обращения: 05.11.2023) (Кор. яз.)
19. No Seokjo. I Seungman ginyeomgwan geollim wihae 3taega tteun moatda [Но Сокчо. Три поколения пожертвовали на создание музея Ли Сынмана]. Chosun Ilbo, 05.10.2023. URL: https://www.chosun.com/politics/politics_general/2023/10/05/ZC3FMQ7ZYRDJ5H732PAXANDQAE/ (дата обращения: 05.11.2023) (Кор. яз.)
20. Yang Jihye. “I Seungmaneun gajang jonyeonghaneun daetongnyeong” yeomyeong 808 Nam Jonghyeon hoejang leok gibu [Ян Чжихе. «Ли Сынман — самый уважаемый президент», глава компании «Ёмён 808» пожертвовал 100 млн вон]. Chosun Ilbo, 27.09.2023. URL: https://www.chosun.com/politics/politics_general/2023/09/27/PIRNBL3MXBF3FHSPGNALWWIMMY/ (дата обращения: 05.11.2023) (Кор. яз.)

21. No Seokjo. Yuksa chongdongchanghoe, I Seungman ginyeomgwan geollibe leok gibu [Но Сокчо. Ассоциация выпускников Военной Академии пожертвовало на создание музея Ли Сынмана 100 млн вон]. *Chosun Ilbo*, 26.09.2023. URL: <https://www.chosun.com/politics/diplomacy-defense/2023/09/26/UP4VZSNCPBBBIDFZK357MSHSBY/> (дата обращения: 05.11.2023) (Кор. яз.)
22. Yang Jihye. Honam chulsin gieobindeul, I Seungman ginyeomgwan geollibe dongcham [Ян Чжихе. Предприниматели из региона Хонам участвуют в создании музея Ли Сынмана]. *Chosun Ilbo*, 06.10.2023. URL: https://www.chosun.com/politics/politics_general/2023/10/06/BUZJOUQGJNGLHES2SMJXQC7BLM/ (дата обращения: 05.11.2023) (Кор. яз.)
23. Gim Minseo. Jeondaetongnyeong adeuldeuldo mogeum dongchamhagi-ro [Ким Минсо. Сыновья экс-президентов участвуют в кампании по сбору средств]. *Chosun Ilbo*, 27.09.2023. URL: https://www.chosun.com/politics/politics_general/2023/09/27/MNRY4KPBVYFHXXPNMIWVVC4INY/ (дата обращения: 05.11.2023) (Кор. яз.)
24. Choe Boran. Wollobaeu Sin Yeonggyun I Seungman ginyeomgwan wihae ttang 4000pyeong gibuhagetda [Чхве Боран. Актер-ветеран Син Ёнгюн «пожертвую 4 тыс. пхён земли для музея Ли Сынмана»]. *Yonhap News*, 05.07.2023. URL: https://www.ytn.co.kr/_ln/0106_202307051038076486 (дата обращения: 05.11.2023) (Кор. яз.)
25. I Seul. Du ai eommaui baramtssiyeongae, I Seungman ginyeomgwan gibu nollan haemyeong [Ли Сыль. «Желание матери двух детей»...Ли Ёнэ пояснила свое пожертвование на создание музея Ли Сынмана]. Сайт www.namu.news, 04.10.2023. URL: <https://namu.news/article/2122805#gsc.tab=0> (дата обращения: 05.11.2023) (Кор. яз.)
26. Конституция Республики Корея (1987). URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=35> (дата обращения: 05.11.2023)
27. Daehanmingung heonbeop/ yeoksa [Конституция Республики Корея/ История]. URL: <https://namu.wiki/> (дата обращения: 05.11.2023) (Кор. яз.)
28. *Jin Byeongtae, I Seunghyeong*. Chilgok Dabudong jeonjeokginyeomgwane I Seungman Teurumeon daetongnyeong dongsang jemak [Чин Бёнхэ, Ли Сынхён. Открытие монументов Ли Сынмана и Трумана в районе Чхильгок, музей Битвы при Табудон]. *Yonhap News*, 27.07.2023. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20230727053051053> (дата обращения: 05.11.2023) (Кор. яз.)
29. *Jeon Sanghu*. Busan sonyeosang yeop Bak Jeonghui- I Seungman hyungsang seuryeoda musan [Чон Санху. Попытка установить бюсты Ли Сынмана и Пак Чонхи возле статуи Девушки мира в Пусане провалилась]. *Segye Ilbo*, 21.04.2017. URL: <https://m.segye.com/view/20170421003167> (дата обращения: 05.11.2023) (Кор. яз.)
30. *Gim Hyeona*. Imsisudoginyeomgwan ap I Seungman dongsang isanghan cheolgeo [Ким Хёна. Странное исчезновение статуи Ли Сынмана напротив Музея Временной столицы]. *Busan Ilbo*, 11.04.2014. URL: <https://www.busan.com/view/busan/view.php?code=20130706000030> (дата обращения: 05.11.2023) (Кор. яз.)
31. *Gim Hyeonsu*. Chinil Baek Seonyeop ieo I Seungman Teurumeon dongsangkkaji chilgok Dabudong jeonjeokginyeomgwan seolchi [Ким Хёнсу. Вслед за корейским коллаборационистом Пэк Санёпом в районе Чхильгок у музея Битвы при Табудон установили монументы Ли Сынмана и Трумана]. *Gyeonghyang sinmun*, 27.07.2023. URL: <https://m.khan.co.kr/national/national-general/article/202307272204035> (дата обращения: 06.11.2023) (Кор. яз.)
32. *Jo Jaeyeon*. I Seungman eopjeok jaeryeongga sok Gwanghwamune dongsang geollip chujinwi baljok [Чо Чжэён. В переоценке достижений Ли Сынмана... Создан комитет по продвижению «Установки статуи на площади Кванхвамун»]. *Munhwa Ilbo*, 12.10.2023. URL: <https://munhwa.com/news/view.html?no=2023101201070430103001> (дата обращения: 06.11.2023) (Кор. яз.)
33. *Gwon Hyeokcheol*. Ijeul manhameyeon Daehanminguk wonnyeon nonjaeng...1919 vs 1948nyeon [Квон Хёкчоль. Дебаты вокруг основания Республики Корея — «1919 год» против «1948 год»]. *Hangyeore*, 05.07.2023. URL: https://www.hani.co.kr/arti/politics/politics_general/1098752.html (дата обращения: 06.11.2023) (Кор. яз.)

References

1. Semyachko A. Politika pamyati: kak i zachem gosudarstva formiruyut svoyu istoriyu [Memory Politics: How and why states shape their history]. Available from: <https://special.theoryandpractice.ru/politics-of-memory> [Accessed: 07.11.2023] [In Russ.].
2. Hong Beomdo. Encyclopedia of Korean culture. Available from: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0064093> [Accessed: 28.10.2023] [In Korean].
3. Pak V.K. Khon Bomdo — chelovek iz legendy [Hong Beomdo — a man from legend]. Available from: <https://koryo-saram.site/hon-bomdo-chelovek-iz-legendy/> [Accessed: 28.10.2023] [In Russ.].
4. Hongbeomdo hyungsang nollan, wae bulgeojyeonna? [Why did the Hong Beom-do bust controversy arise?]. *KBS news*, 2023, Aug 28. Available from: <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=7759316> [Accessed: 28.10.2023] [In Korean].
5. Gwon Hyeokcheol. Gukbangbu “gongsanjuui iryeong Hong Beomdo hyungsang, yuksae bujeokjeol” [Ministry of Defense “The bust of Hong Beomdo, who had a communist history, does not match to the Military Academy]. *Hangyeore*, 2023, Aug 28. Available from: https://www.hani.co.kr/arti/politics/politics_general/1106126.html [Accessed: 28.10.2023] [In Korean].
6. Sin Juyeong. Minjudang, gukbangbu Hong Beomdo hyungsang cheolgeo chujine “cheol jinan saekkkallon maegung haengwi” [Democratic Party, Ministry of Defense’s push to remove Hong Beom-do’s bust: “Outdated ideology... treason against the country”]. *Gyeonghyang sinmun*, 2023, Aug 30. Available from: <https://m.khan.co.kr/politics/politics-general/article/202308301607011> [Accessed: 31.10.2023] [In Korean].
7. Yu Hara. Hong Beomdo hyungsang ijeon, gukim naeseodo bipan minju-jeongui, gangdo nopge bipan...Jeong Yulseong nollaneneun sogeukjeok [Regarding the Hong Beom-do bust’s removal, it was also criticized within the People’s Power party. Democracy and justice were strongly criticized... Passive approach to the Jeong Yulseong controversy]. *www.rediang.org*, 2023, Aug 28. Available from: <http://www.redian.org/archive/173435> [Accessed: 31.10.2023] [In Korean].
8. Jo Hyeonho. Hong Beomdo ijeon hyungsang ipjang jiruie chanban jeonghal ge anida neun gukim. [In response to questions about the Hong Beom-do’s bust, the People’s Power said, “It is not a matter of pros and cons”]. *www.mediatoday*, 2023, Sep 1. Available from: <http://www.mediatoday.co.kr/news/articleView.html?idxno=312243> (Accessed: 29.10.2023) [In Korean].
9. Bae Jaeseong. I Junseok Hong Beomdo hyungsang ijeon nollane “jalhaneun geo haja, baekjihwa” [I Junseok responded to the controversy on the Hong Beomdo’s by saying, “Let’s do what we’re good at, make it a blank list”]. *The JoongAng*, 2023, Aug 29. Available from: <https://www.joongang.co.kr/article/25188212#home> (Accessed: 29.10.2023) [In Korean].
10. Ha Taewon. Joon gwangwangaek? geureom seutallin, irwang ginyeomgongwon mandeulji [Chinese tourists? Then let’s make Stalin’s or Japanese emperor’s museum]. *www.n.news.naver.com*, 2023, Aug 23. Available from: <https://n.news.naver.com/mnews/article/449/0000256131> (Accessed: 03.11.2023) [In Korean].
11. Nyuraitu (Daehanminguk) [New Right Movement (The Republic of Korea)]. Available from: <https://namu.wiki> (Accessed: 03.11.2023) [In Korean].
12. Jeong Yongtaek. Singminsagwaneuro Hong Beomdo jangguneul yokdoege haji malla [Do not disgrace General Hong Beom-do with your colonialist approach]. *www.educhang.co.kr*, 2023, Sep 1. Available from: <https://www.educhang.co.kr/news/articleView.html?idxno=631> (Accessed: 04.11.2023) [In Korean].
13. I Yeonghun gyosu, singminjigeundaehwaron, wianbu munje, MBCgija pokaeng nollan deunge daehan ipjang balkyeo [Professor I Yeonghun talks about his views on colonial modernization, “comfort women” and the attack on an MBC reporter]. *www.m.monthly.chosun.com*, 2019, Aug 16. Available from: http://m.monthly.chosun.com/client/mdaily/daily_view.asp?idx=7682&Newsnumb=2019087682 (Accessed: 04.11.2023) [In Korean].

14. Kim Natalia N. Kritika teorii kolonial'noi modernizatsii Korei: podkhody i otsenki v sovremennoi yuzhnokoreiskoi istoriografii [The critics of the colonial modernization theory: approaches and assessments in the modern South Korean historiography]. *Vostok (Oriens)*. 2014;(3):177–185 [In Russ.].
15. Daeon gyogwaseo hangukgeunhyeondaesa nollan [Controversy surrounding an alternative textbook on modern and contemporary Korean history]. *Gyeonghyang sinmun*, 2008, Apr 1. Available from: <https://m.khan.co.kr/article/200804011814405> (Accessed: 04.11.2023) [In Korean].
16. Bosu-jinbohakgye hyeondaesa gyoyangseoro gyeokdol [Conservative and liberal academics clash over modern history textbooks]. www.v.daum.net, 2013, March 12. Available from: <https://v.daum.net/v/20130312110315460> (Accessed: 04.11.2023) [In Korean].
17. I Seungman daetongnyeongginyeomgwan geollibundong bongyeokwadoeda [The movement to build the President Syngman Rhee Museum begins in earnest]. *The JoongAng*, 2023, Sep 11. Available from: <https://www.joongang.co.kr/article/25191487#home> (Accessed: 05.11.2023) [In Korean].
18. I Seungman ginyeomgwan, myeongbun-jangso nollan [Controversy over Syngman Rhee Museum's cause and location]. *Naeil Sinmun*, 2023, Aug 14. Available from: https://m.naeil.com/m_news_view.php?id_art=470218 (Accessed: 05.11.2023) [In Korean].
19. No Seokjo. I Seungman ginyeomgwan geollim wihae 3taega tteun moatda [Three generations came together to build the Syngman Rhee Museum]. *Chosun Ilbo*, 2023, Oct 5. Available from: https://www.chosun.com/politics/politics_general/2023/10/05/ZC3FMQ7ZYRDJ5H732PAXANDQAE/ (Accessed: 05.11.2023) [In Korean].
20. Yang Jihye. I Seungman gajang jongyeonghaneun daetongnyeong 'yeomyeong 808' Nam Jonghyeon hoejang leok gibu ["Rhee Syngman is the most respected president" 'yeomyeong 808' Chairman Nam Jonghyeon donates 100 million won]. *Chosun Ilbo*, 2023, Sep 27. Available from: https://www.chosun.com/politics/politics_general/2023/09/27/PIRNBL3MXBF3FHSPGNALWWIMMY/ (Accessed: 05.11.2023) [In Korean].
21. No Seokjo. Yuksa chongdongchanghoe, I Seungman ginyeomgwan geollibe leok gibu [Military Academy Alumni Association donates 100 million won to build Syngman Rhee Museum]. *Chosun Ilbo*, 2023, Sep 26. Available from: <https://www.chosun.com/politics/diplomacy-defense/2023/09/26/UP4VZSNCPBBBJDFZK357MSHSBY/> (Accessed: 05.11.2023) [In Korean].
22. Yang Jihye. Honam chulsin gieobindeul, I Seungman ginyeomgwan geollibe dongcham [Entrepreneurs from Honam participate in the construction of the Syngman Rhee Museum]. *Chosun Ilbo*, 2023, Oct 6. Available from: https://www.chosun.com/politics/politics_general/2023/10/06/BUZJOUQGJNGLHES2SMJXQC7BLM/ (Accessed: 05.11.2023) [In Korean].
23. Gim Minseo. Jeondaetongnyeong adeuldeuldo mogeum dongchamhagiro [The former president's sons also decided to participate in fundraising]. *Chosun Ilbo*, 2023, Sep 27. Available from: https://www.chosun.com/politics/politics_general/2023/09/27/MNRY4KPBYFHXXPNMIWVVC4IHY/ (Accessed: 05.11.2023) [In Korean].
24. Choe Boran. Wollobaeu Sin Yeonggyun I Seungmanginyeomgwan wihae ttang 4000pyeong gibuhagetda [Veteran actor Shin Young-gyun "I will donate 4,000 pyeong of land for the Syngman Rhee Museum"]. *Yonhap News*, 2023, Jul 5. Available from: https://www.ytn.co.kr/_ln/0106_202307051038076486 (Accessed: 05.11.2023) [In Korean].
25. I Seul. "Du ai eommaui baram" I Yeongae, I Seungman ginyeomgwan gibu nollan haemyeong ["Wish of a mother of two children"... I Yeongae explains controversy over donation to Syngman Rhee Museum]. *www.namu.news*, 2023, Oct 4. Available from: <https://namu.news/article/2122805#gsc.tab=0> (Accessed: 05.11.2023) [In Korean].
26. The Constitution of the Republic of Korea (1987). Available from: <https://worldconstitutions.ru/?p=35> (Accessed: 05.11.2023) [In Russ.].
27. Daehanmingung heonbeop/ yeoksa [The Constitution of the Republic of Korea]. Available from: <https://namu.wiki/> (Accessed: 05.11.2023) [In Korean].

28. Jin Byeongtae, I Seunghyeong. Chilgok Dabudong jeonjeokginyeomgwane I Seungman-Teurumeon daetongnyeong dongsang jemak [Statues of Presidents Syngman Rhee and Truman unveiled at Chilgok Dabu-dong War Memorial]. *Yonhap News*, 2023, Jul 27. Available from: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20230727053051053> (дата обращения: 05.11.2023) [In Korean].
29. Jeon Sanghu. Busan sonyeosang yeop Bak Jeonghui — I Seungman hyungsang seuryeoda musan [An attempt to erect busts of Park Chung-hee and Syngman Rhee next to the Peace Girl Statue in Busan failed]. *Segye Ilbo*, 2017, Apr 21. Available from: <https://m.segye.com/view/20170421003167> (Accessed: 05.11.2023) [In Korean].
30. Gim Hyeona. Imsisudoginyeomgwan ap I Seungman dongsang isanghan cheolgeo [Strange removal of Syngman Rhee statue in front of Provisional Capital Museum]. *Busan ilbo*, 2014, Apr 11. Available from: <https://www.busan.com/view/busan/view.php?code=20130706000030> (Accessed: 05.11.2023) [In Korean].
31. Gim Hyeonsu. ‘Chinil’ Baek Seonyeop ieo I Seungman-Teurumeon dongsangkaji Chilgok Dabudong jeonjeokginyeomgwan seolchi [Following ‘pro-Japanese’ Baek Seonyeop, statues of Syngman Rhee and Truman were installed at the Chilgok Dabu-dong War Museum]. *Gyeonghyang sinmun*, 2023, Jul 27. Available from: <https://m.khan.co.kr/national/national-general/article/202307272204035> (Accessed: 06.11.2023) [In Korean].
32. Jo Jaeyeon. I Seungman eopjeok jaepyeongga sok ‘gwanhwamune dongsang geollip’ chujinwi baljok [In the re-evaluation of Syngman Rhee’s achievements... ‘Erection of his statue in Gwanhwamun’ promotion committee launched]. *Munhwa ilbo*, 2023, Oct 12. Available from: <https://munhwa.com/news/view.html?no=2023101201070430103001> (Accessed: 06.11.2023) [In Korean].
33. Gwon Hyeokcheol. Daehanminguk wonnyeon nonjaeng “1919” vs “1948nyeon” [Controversy on the year of the foundation of the Republic of Korea...“1919” vs “1948”]. *Hangyeore*, 2023, Jul 5. Available from: https://www.hani.co.kr/arti/politics/politics_general/1098752.html (Accessed: 06.11.2023) [In Korean].

Информация об авторе:

Ким Наталья Николаевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, директор Международного центра корееведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, e-mail: nkim@iaas.msu.ru ORCID: 0000-0001-7728-7968 SPIN РИНЦ: 2804–0219 Researcher ID: J-8327-2015

Information about the author:

Natalia Kim — Ph.D. in History, senior research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, and director of the International Center for Korean Studies, Lomonosov Moscow State University, e-mail: nkim@iaas.msu.ru ORCID: 0000-0001-7728-7968 SPIN РИНЦ: 2804–0219 Researcher ID: J-8327-2015

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-1-64-79

EDN: ECKNDV

Научная статья / Research article

Гендерный аспект идеологии и практики иранского национализма в первой трети XX в.

А.Н. Ардашникова , Т.А. Коняшкина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
125009, Российская Федерация, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1

 anardash@mail.ru

Аннотация. Иран относится к тем редким случаям, когда вопрос об общественном статусе женщины поднимался правящими режимами дважды — в 1920–1930-е гг. и в 70-е гг. XX в., демонстрируя неразрывную связь националистического и гендерного дискурсов. Поскольку гендерная проблематика была не только заявлена от имени государства, но и широко дискутировалась в общественном поле, ее исследование предполагает обращение и к источникам художественно-публицистического характера, традиционно являющимся в Иране конца XIX — первой половины XX в. мерилom умонастроений общества. К их числу относятся материалы иранской, главным образом женской прессы, произведения, принадлежащие к литературному корпусу рубежа веков. Весьма ценным источником для исследователя служит и наглядная пропаганда в жанре плаката, визуализировавшая позицию власти. Предпринятое исследование показывает, что, начиная с конца XIX в., иранский национализм для прокламации собственных позиций усиленно эксплуатирует и гендерный вопрос, используя в политических целях семейную метафору и систему символов, основанных на образе женщины (мать родина). Как идеология модернизирующегося общества, национализм в Иране активно использовал и образ «прогрессивной иранки» в качестве связующего звена между настоящим и великим доисламским прошлым.

Ключевые слова: гендер, маршруте, Реза-шах Пехлеви, хиджаб

История статьи: Поступила в редакцию: 24.07.2023. Принята к публикации: 04.10.2023.

Для цитирования: Ардашникова А.Н., Коняшкина Т.А. Гендерный аспект идеологии и практики иранского национализма в первой трети XX в // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 1. С. 64–79. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-64-79>

© Ардашникова А.Н., Коняшкина Т.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Gender aspect in the ideology and practice of Iranian nationalism in the early 20th c.

A.N. Ardashnikova , T.A. Konyashkina

Lomonosov Moscow State University,
11/1 Mokhovaya St, Moscow, 125009, Russian Federation

 anardash@mail.ru

Abstract. Abstract. Iranian history is one of those rare cases when the topic of women’s social status was raised by the ruling regimes twice — in the 1920–1930s and 1970s. This fact shows firm connection of nationalist and gender discourses. Since gender issues were not only declared on behalf of the state, but were also widely discussed in the public sphere, the study uses sources of an artistic and journalistic origin, that traditionally in Iran play the role of ideological indicators. These include materials from the Iranian, mainly women’s press as well as the works of the literary corpus. The examples of poster genre, which propagandizes for the position of the state and visualizes the ideology, also serve as a valuable source for the research. The undertaken study shows that, starting from the end of the 19th century, Iranian nationalism has been intensively exploiting gender issue to proclaim its own positions, using family metaphors and a system of female symbols for political purposes. As an ideology of a modernizing society, nationalism in Iran actively used the image of the “progressive Iranian woman” as a link between the present day and the great pre-Islamic past.

Keywords: gender, constitutional revolution mashruteh, Reza Shah Pahlavi, hijab

Article history: Received: 24.07.2023 Accepted: 4.10.2023.

For citation: Ardashnikova N.A, Konyashkina T.A. Gender aspect in the ideology and practice of Iranian nationalism in the early 20th c. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(1):64–79. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-64-79>

Изучение гендерного вопроса как комплекса проблем, сопряженных с изменением традиционной роли женщины и ее положения в обществе и семье в Иране XX в., связано с определенными сложностями. В первую очередь к ним стоит отнести политизированный накал дискуссии, который замедляет освоение этой темы, перенося внимание исследователей в плоскость идеологического противостояния. Не последним по важности вопросом является и собственно предмет спора — идет ли речь о расширении женских прав в рамках уже существующих социальных ролей или о стремлении их кардинальной ревизии. Несмотря на разногласия, стороны сходятся в том, что говорить о сколько-нибудь самостоятельных и организованных сообществах женщин Ирана имеет смысл, только начиная отсчет с *машруте*¹ и рассматривая ее как отправную точку женского движения. Симптоматично, что

¹ *Машруте* — конституционная революция в Иране 1905–1911 гг., высшим достижением которой являлось формирование парламента с законодательными правами, которыми были наделены и представители национально-религиозных меньшинств.

рожденный революционным временем термин «пробуждение» (*бидари*) знаменует и широкие изменения общественного порядка, и начало переосмысления положения иранки. Новая политическая метафорика напрямую связала эти два явления в националистическом дискурсе, который к этому времени имел длительную историю.

Иранский национализм и его символы

Большинство исследователей относит становление националистических идей к периоду правления Сафавидов (XVI–XVII вв.), когда заявили о себе базовые черты иранского националистического конструкта, основанного на обретшей определенные контуры территориальной общности, доминирующем положении персидского этнолингвистического элемента и исламе шиитского толка [1. С. 10]. Важным этапом развития националистической общественной мысли, вдохновлявшейся идеей «*таракки*» — прогресса, стал рубеж XIX–XX вв. Известная общность «жаждущих прогресса» скреплялась еще и их обращением к литературному слову социальной направленности: люди пера, они осознавали его как свою миссию и насущную потребность времени. Почти все они бывали за пределами Ирана, а некоторые предпочли судьбу эмигрантов и прошли непростой путь адаптации к иной социокультурной реальности, прежде чем выступить в роли переводчиков языка одной политической культуры на другой, свой собственный. Перед нами первые иранские интеллектуалы «*роушанфекран*» — «обладающие просветленными мыслями», политические и культурные предпочтения которых были сформированы Европой. В социальном отношении это была весьма разнородная группа, поставившая в один ряд выходца из сановной бюрократии Малком-хана (1833–1908), сына мелкого чиновника Ага-хана Кермани (1854–1896) и представителей иранского базара²: купца Зайн ал-Абидин Марагаи (1837–1910) и сына плотника Абд ар-Рахима Аби Талеба Табризи, известного под русифицированной фамилией Талибов (1834–1911). Одной из черт их деятельности была демократизация литературного творчества в самом широком смысле: обновление языка, тем, сюжетов, то есть стремление сформировать новую общественную среду. Их усилиями националистический лексикон был существенно преобразован за счет введения новых понятий и смыслов. основополагающим маркером этого процесса стало переосмысление религиозных в своей основе представлений о *ватан* («родина») и *меллат* («народ»), а также и о государе как о зиждителе и охранителе сообщества правоверных. *Ватан* отныне интерпретируется не только как заповедная обитель истинной веры, связанная с местом рождения или проживания [2. С. 20520–20521;

² *Базари* (перс.) — традиционное наименование членов ремесленных цехов, торговых объединений и т.п. — основной группы городского населения в Иране.

3. Р. 113–116], но и как территория государства с официально закрепленными пределами. Столь же расширительно понимается и *меллат*, который теперь подразумевает не объединение единоверцев [2. С. 18947–18948], а включает каждого, кто ощущает чувство принадлежности к Ирану (*иранийат*), независимо от этно-религиозных различий [3. С. 156]. Не меньшую трансформацию претерпел образ государя как отца родины и народа, которому подданные должны повиноваться. Правитель был вынужден уступить часть своих полномочий народу-*меллат* во имя спасения родины, которой угрожают «чужие» [4. С. 113]. В обновленной националистической концепции *меллат* «привязан к животворящей матери-родине (*мадар-е ватан*) и родному языку (*забан-е мадари*)» [4. С. 137], что впоследствии «способствовало возникновению публичной сферы и народного суверенитета — участия всех детей нации (как мужчин, так и женщин) в определении будущего матери-родины (*мадар-е/мам-е ватан*)» [4. С. 113]. Иран — это прежде всего «мы», осознающие свое единство сродни семейному. Новая трактовка *меллат* создавала потенциальные возможности для переосмысления сложившихся в иранском обществе гендерных статусов и способствовала формированию в общественном нарративе женской символики. Если христианский мир богат словесно-образительными образами-символами, эксплуатирующими женское начало, то в территориальном комплексе *дар ал-ислам*³ они представлены гораздо слабее. Безусловно, женские персонажи присутствуют в обширном корпусе классической поэзии на фарси, но лишь мистическое сознание, отраженное в том числе и в суфийской лирике, придавало любовному переживанию высокое звучание, воспевая в образах традиционного любовного репертуара стремление человека к Всевышнему. Впрочем, отсутствие в персидском языке категории рода придает объекту этой любви стертый, имплицитный характер (возлюбленный или возлюбленная).

Образ матери-родины — одна из ярких новаций иранского националистического нарратива, основанного на чувстве возвышенной любви, заповеданной Всевышним. К такой же аргументации прибегали в 1868 г. и турецкие националисты, публикуя в первом номере газеты *Хюррийет* («Свобода») «передовицу, озаглавленную словами хадиса (речения пророка Мухаммада) «Любовь к родине (*ватан*) — от веры (*иман*)» — отныне не просто лозунг, но и прямая религиозная санкция «мусульманского патриотизма» нового времени» [5. С. 51]. В поисках универсального символа родины общественная мысль рубежа веков пыталась апеллировать и к привычным для традиции патриархатным образам. В вызвавшем широкий общественный резонанс романе «Дневник путешествия Ибрахим-бека» (1888) *ватан*-родина представлена и в женской, и мужской ипостасях — несчастный обнищавший Иран-хан,

³ Дар ал-ислам (араб.) — букв. Дом, обитель ислама — регионы с преобладанием исламского права.

лишенный славы и почета, над которым глумятся его неблагодарные сыновья [6. С. 88], и заботливая мать, преданная своими детьми [6. С. 162].

Как и во многих подобных идеологических конструктах, в репрезентации иранской нации «активно используются такие атрибуты мифологии семьи, как сюжеты ... обеспечения защиты и питания, рождения и воспитания потомства... Концепты территории, государства, подданных облекаются в образы матери, сыновей, братьев и т. д.». [7. С. 46] Свое наглядное воплощение идея сплочения нации как семьи получила в период конституционного движения, явственно обнаружив гендерный аспект по-новому понимаемой родины. Ее ярким проявлением стала так называемая история «девушек из Кучана⁴», проданных семьями за долги в увеселительные заведения Тифлиса. Эта драма обыденной жизни одной из северных окраин Ирана была подхвачена демократической прессой и преобразована в песню-плач с рефреном «Боже, никто не думает о нас»⁵, ставшую камертоном общественных настроений. В 1906–1907 гг. история страданий «наших дочерей» из Кучана обсуждалась повсеместно в уличных кофейнях и на базарных площадях, звучала с минбара мечетей как символ потери национальной, религиозной и семейной чести. По мнению исследовательницы А. Наджмабади, сопереживание горькой судьбе кучанских девушек рождало «чувство сопричастности и национальной общности иранцев» [9. С. 103] и представление о том, что неспособные защитить своих женщин и детей неспособны защитить и родину.

Акцентирование в националистической концепции символической роли женщины только в качестве объекта мужской опеки не может затушевать высокий уровень женской активности в период *маируте*. Еще со времен средневековья женщины в Иране являлись непременным участником народных протестных движений, что позволяет оценить их борьбу как своеобразную форму политической деятельности. Но если даже в XIX в. это было движением в общем потоке, то время конституционной революции определенно свидетельствует об обособлении иранок в отдельную группу с собственными социальными интересами. Развитие женского образования, создание женских обществ – *анджоманов* и появление периодической печати, ориентированной на «прогрессивную иранку», — очевидные приметы этого обособления.

Являясь важным этапом политической истории Ирана XX в., революция тем не менее оценивалась современниками весьма драматично: к грузу прежних проблем добавились новые, решить которые конституционная власть, испытывавшая сильное давление извне, не могла. В обществе усилились разногласия между секулярными и религиозными силами, упал и престиж центральной власти, позиции которой расшатывались растущим племенным

⁴ Город на северо-востоке Ирана.

⁵ Стихотворение принадлежит видному деятелю *маируте*, поэту и прозаику Деххода (1880–1956). Текст см.: «Сур-е Эсрафил». 1907. № 4 [8].

и региональным сепаратизмом. Ощущение политического хаоса создавало убедительные предпосылки для идеологического сдвига и нового видения вектора развития страны.

Доминирующей идеей начала 1920-х гг. становится модель будущего, основанная на соединении величественной древнеиранской державности с достижениями европейского прогресса, что порождало отношение к исламу как к навязанному извне религиозному учению, чуждому иранской ментальности. Воплощение этих идей могло быть под силу только новому политическому лидеру, который сумеет консолидировать общество. Страна «бывала сильна только тогда, — звучало повсеместно в иранской прессе, — когда у кормила правления появлялся мощный и полновластный национальный герой», который по примеру таких «великих диктаторов, как Наполеон, Ленин и Муссолини» [10. Л. 7] выведет Иран из кризиса. Общественный запрос на сильную личность и благоприятно сложившаяся конъюнктура способствовали выдвижению на политическую авансцену кадрового военного Реза-хана Савадкхи, который за четыре года прошел путь от полковника Персидской казачьей бригады, успешно осуществившего переворот 1921 г., до премьер-министра, а в 1925 г. был коронован под тронным именем Реза-шах Пехлеви (правил 1925–1941). Заслуживает внимания, что в ассортименте пропагандистских средств, используемых новым политическим лидером, начинает заявлять о себе плакат. Один из пионеров этого изобразительного жанра знакомит зрителя с принципами новой националистической концепции: Иран, символически представленный в женском обличье, окружен правителями разных эпох, с каждым из которых связан новый цикл имперской истории страны. Они препоручают Реза-хану священную миссию защиты родины [11. С. 55–56]. Симптоматично, что на плакате, где в изобилии присутствует религиозная и политическая эмблематика древнего Ирана, не представлены исламские символы. Не фигурирует на изображении и ни один из Сафавидских шахов, олицетворяющих в иранском сознании торжество шиизма, сыгравшего громадную роль в становлении национально-религиозного самосознания.

По страницам женской прессы

Пожалуй, самым заметным социокультурным явлением в Иране первой трети XX в. стало интенсивное развитие прессы, начавшееся в эпоху *машруте*. Идеологическое воздействие «четвертой власти», ее возможности в структурировании общественного мнения и роль как информатора в делах повседневной (бытовой и общественной) жизни очевидны. Если в одном лишь 1907 г. общее количество издававшихся в Иране газет достигало 90 наименований [12. С. 37], то к концу *машруте* эта цифра выросла втрое. Известный российский иранист К.И. Чайкин, бывший свидетелем этих

событий, объясняет столь быстрый рост прессы не только широкой политизацией населения, но и особенностями иранской журналистики этого периода: газета издается в основном усилиями одного человека, который является одновременно и издателем, и автором большинства публикаций.

Несмотря на слабое распространение грамотности среди иранцев, обращение к газете стало частью повседневной жизни горожан. Видный английский востоковед Э. Броун свидетельствовал, что «во многих кофейнях профессиональные сказители заняты тем, что вместо того, чтобы пересказывать легендарные предания из «Шах-наме», теперь угощают своих клиентов политическими новостями» [13. С. 143]. Печатное слово зазвучало на равных с такими традиционными каналами распространения информации, как мечеть и базар. Воздавая должное влиянию печати в эти дни, шиитские богословы также уповали на «святую прессу» в своей политической деятельности и ратовали за покупку газет как за богоугодное дело, которое будет зачтено при определении посмертной судьбы верующего [14].

В этой массе печатной продукции заявили о себе и издания, предназначенные для «нашей скромной сестры», которые стали играть роль дополнительной трибуны для проповеди новой жизни. Примечательно, что их основателями стали сами женщины, впервые взявшие газетное дело в свои руки. Начало этому процессу было положено журналом *Данеш* («Знание») (1910–1911), который издавался дважды в месяц и был ориентирован на обеспеченных горожанок. Следуя новому националистическому нарративу, журнал объявил приобретение знаний не только одним из самых достойных занятий для женщины, но и обязанностью, возложенной на нее Создателем [15]. Невзирая на попытку религиозной аргументации своих убеждений, очевидно, что редактор журнала, г-жа Каххал, выбирая между традиционной системой образования и современной школой, отдавала предпочтение последней, где формируется кругозор, достойный воспитательницы нового поколения иранцев. Правда, неуверенная в уровне грамотности своих потенциальных потребителей, издатель была вынуждена балансировать между текстом и его устной передачей и рекомендовать им при необходимости обращаться за помощью к мужу.

Дочь врача-офтальмолога, получившая профессию из рук отца, г-жа Каххал хорошо представляла домашний устав своих состоятельных читательниц — замкнутый женский круг, толпа нянек, кормилиц и слуг из простонародья и как следствие — господство особой языковой субкультуры с обшеченной лексикой. Низкий социальный статус ближнего окружения женщины предстает на страницах журнала как угроза моральному и физическому здоровью детей [16]. Цель подобных, имеющих социальный крен инвектив — искоренение пороков традиционного домашнего воспитания, принятого и в шахском домашнем обиходе, и в сановой среде. Свидетели, которые могли составить представление о гареме Насер ад-Дин-шаха Каджара (правил

1848–1896), недвусмысленно подтверждают это наблюдение: как в любом закрытом монополовом коллективе, на женской половине дворца царили иерархичность, постоянные интриги, праздность и ее прямое следствие — языковая несдержанность, граничащая с распущенностью, при обсуждении интимной стороны семейной жизни, не стесняясь присутствия детей [17. С. 80]. Таджас-Салтане (1883–1936), одна из дочерей Насера ад-Дина-шаха, впоследствии заявившая о себе как активная поборница гендерного равенства, вспоминала, что, воспитанная рабыней-негритянкой, она практически не знала в детстве своей матери и толком не владела родным языком, получив первые уроки разговорного фарси в беседах с отцом [18. С. 988]. Следуя националистическому взгляду на образование как основу морали и патриотического воспитания, журнал стремился побудить хозяек женской половины дома взять заботу о детях, особенно девочках, в свои руки.

Содержание первого журнала, издаваемого женщиной для женщин, имеет для исследователя гендерных отношений тестовый характер, в том смысле, что демонстрирует состояние проблемы на таком значимом для любого общества историческом периоде, как революция. Тематика *Данеш* не выходит за рамки обсуждения традиционного предназначения женщины, фиксируя незыблемость свойственных этому времени женских гендерных ролей. Впрочем, история знает немало подобных примеров, настолько частых, что их можно считать закономерностью. Итог европейских революций конца XVIII — первой половины XIX вв. достаточно красноречиво показал, что прокламация индивидуальных свобод, равенства и братства обернулась для женщин ужесточением культа домашнего очага [19. С. 123–137]. Аналогичных примеров достаточно и в XX в., особенно там, где сильны позиции религии.

Если журнал *Данеш* интересен в основном как первое специализированное издание, то самый популярный и существовавший более десятилетия журнал *Алам-е несван* («Мир женщин») (1920–1934) отражает совершенно иной уровень понимания проблем и задач, стоящих перед современной иранкой.

Идеологический посыл новой власти, наглядно демонстрирующий ее индифферентное отношение к исламу, был понят редакционной коллегией журнала *Алам-е несван*, которая выстраивала свою гендерную политику в русле принципов, заявленных государством [20. Р. 164–166]. Власть, в свою очередь, благосклонно относилась к журналу, поддерживала многие его начинания и даже рекомендовала влиятельным представителям бюрократии высказываться на его страницах. Среди подписчиц журнала мы обнаруживаем и членов семьи Пехлеви.

Издание обнаруживает возросший уровень профессионализма, втягивая читателей в обсуждение насущных проблем и побуждая их вступать в диалог с журналом. Весьма популярной стала рубрика от лица некоего

вымышленного персонажа Делшад-ханум, представительницы базара, которая изъяснялась в характерной разговорной манере и комментировала редакционные статьи с позиции здравого смысла⁶.

Каким же виделся редколлегии мир современной иранки? Это, конечно, семья, однако традиционный семейный идеал под пером ведущих авторов издания, как женщин, так и мужчин, претерпел значительные изменения. Освещенный разрешением родителей, брак тем не менее должен был основываться на добровольном согласии обеих сторон. Сохранявший характер договора, он должен был соответствовать как исламским нормам, так и новым представлениям о брачном союзе в модернизирующемся обществе, в основе которого лежат отношения равноправных партнеров. Впоследствии часть этих норм, за которые ратовал журнал, были включены в Гражданский кодекс 1928 г. и дополнивший его Закон о семье и браке 1932 г. Журнал готовил общественное мнение, пропагандируя повышение брачного возраста, право женщин на развод и даже опережал власть, резко критикуя детские и договорные браки.

Конечно, самые важные для любого общества задачи были связаны с охраной здоровья населения как одной из главнейших обязанностей власти. Смертоносной национальной угрозой в Иране XIX — первой половины XX в. оставались эпидемии холеры и оспы, но не последнюю роль играло и повальное распространение венерических заболеваний, которое журнал связывал со слабой осведомленностью населения, отсутствием грамотной медицинской помощи, проституцией, а также общепринятым обычаем заключения временных браков (*сигэ*). Не случайно первый в Иране социальный роман современного типа «Страшный Тегеран» (1923) Мошфека Каземи (1887–1978), посвященный жизни города периода модернизации, не обошел вниманием эту животрепещущую проблему [21]. Как вполне заурядную историю автор включает в повествование рассказ одной из обитательниц «веселого квартала» столицы, которая хотя и знала, что больна, продолжала заниматься своим «ремеслом», заразив не один десяток человек. Медицинское культуртрегерство журнала способствовало включению в Закон о браке и семье обязательного освидетельствования будущего супруга на предмет венерических заболеваний. Но радикально за решение проблемы власть взялась только в 1941 г., когда меджлис принял закон борьбе с инфекционными болезнями, который предусматривал принудительное лечение венерических больных,

⁶ Впервые переписка с читателями от лица вымышленного персонажа стала особенностью творческого почерка патриарха иранской журналистики и видного деятеля *машруте* Али Акбара Деххода (1880–1956), редактора газеты *Сур-е Исрафил* («Труба архангела Эсрафила»). Простота изложения проблемы в популярном сатирическом разделе газеты обеспечивала активную ответную реакцию читателя. Излюбленным приемом Деххода является диалог с обращением к собеседнику, с выраженной прямой или непрямой оценкой описываемых явлений, вложенной в уста героя.

бесплатную медицинскую помощь малоимущим пациентам и наказание за передачу таких заболеваний или отказ от их лечения.

«Мир женщин» определенно заявил о своей принципиальной позиции в гендерном вопросе — его идеалом является работающая женщина, вносящая свою долю в семейный бюджет и снимающая часть финансового бремени с мужа. Развивая эту тему, журнал очертил сферу потенциального применения женского труда, во многом занятую мужчинами. Осознавая трудности получения полноценного профессионального образования, авторы тем не менее видели возможности трудоустройства для женщин из средних городских слоев: им предлагалось осваивать навыки акушерок, санитарок, секретарей, портних и т.д.

Не обходил вниманием *Алам-е несван* и проблему внешнего вида иранки. Авторы публикаций рассматривали переход на новый, европейский тип одежды не только как естественное следствие меняющегося образа жизни и новой городской среды, но и как один из путей развития экономики страны: появление местной индустрии моды могло создавать резерв дополнительных рабочих мест, в том числе и для женщин. В 1920-е гг. журнал начал осторожно говорить о необходимости отказа от традиционной одежды, а в 1930-е гг., почувствовав готовность власти к решительным шагам в этой области, *Алам-е несван* устами Делшад-ханум осмеивал этот средневековый обычай и утверждал, что женщины готовы похоронить «ненавистный *хиджаб*».

«Черный саван» или одеяние чистоты?

Хиджаб в Иране — это прекрасная иллюстрация особенностей гендерной политики националистических режимов мусульманского мира на пути в современное общество⁷. Являясь одним из общепринятых предписаний ислама, *хиджаб* выступает в роли специфического облачения, скрывающего от посторонних взглядов тело и лицо женщины. Исторически в арабском языке *хиджаб* мыслился как завеса над входом в бедуинскую палатку, а позже — как преграда, отделявшая государя от подданных. Подобную семантику несет в себе и *хиджаб*-одеяние, отделяющее женщину от внешнего мира. В этом значении *хиджаб* полностью соотносится с персидским композитом *парде-нешин*, «сидящая за завесой» или «затворница», который являлся наиболее частым синонимом слова «женщина» в иранском патриархатном обществе. В течение веков понятие *парде-нешин* служило воплощением культурного идеала женской скромности, закрытости и невидимости в публичном пространстве. Между тем термин *парде* полисемантичен, и среди многих его значений равно бытуют и покров, и тайна. Считается, что затворница

⁷ «Национализм с самого своего возникновения утверждал себя как гендерный дискурс и не может быть понят вне этого», — заключает Э. Мак Клинтон [22. С. 261].

за завесой столь же высока, благоговейна и недоступна для чужих, как и божественная тайна для непосвященных.

Соблюдение *хиджаба* носило вариативный характер и зависело от многих факторов, главным образом социального положения иранки: женщины, занимающиеся сельским трудом, ограничивались ношением платка, лишь изредка прикрывая лицо в присутствии незнакомца, в племенах могли пренебрегать и этой условностью. Обязательным строгое соблюдение *хиджаба* было для горожанок, особенно из семей, дороживших своим высоким социальным статусом: «Евнух отворил дверцу кареты, из которой нетерпеливо высовывались две головы. Одна из этих голов принадлежала самой барыне, другая — одной из ее главных прислужниц. По внешнему виду отличить их друг от друга было трудно: обе были одеты в черные чадуры; лица обеих были закрыты белыми рубендами с шелковой решеткой у глаз, застегнутыми на макушке на пуговицу, — только у одной эта пуговица была не что иное, как бриллиант, величиной в ноготь мизинца, а у другой — простая стеклушка» [23. С. 528]. Помимо соображений приличия *хиджаб* выступает и как способ продемонстрировать, что семья обладает достаточными средствами и может позволить себе содержать неработающих женщин.

Активность прессы, медленный, но неуклонный рост женского образования и женских организаций, ориентированных на международные связи, подталкивали власть к реформированию традиционного женского облачения, тем более что аналогичные, встроенные в единый синхронный ряд процессы шли на всем Ближнем и Среднем Востоке и в Центральной Азии, где с начала 1920-х гг. *хиджаб* прочно приобрел значение символа отсталости. Общество также постепенно втягивалось в дискутирование проблемы, которая вызвала неоднозначные отклики и не исчерпывалась бинарной оценкой «современный — отсталый». *Хиджаб* постепенно становился индикатором, выявляющим принципиальные предпочтения спорящих: что должно являться основой новой государственной идеологии — религиозная или национальная идентичность. Оба течения не были монолитными и демонстрировали сочетания разных точек зрения, порой в весьма противоречивых комбинациях. Так, принадлежавшие к демократическому крылу общественного движения политические единомышленники, известные поэты и журналисты Мир-заде Эшки (1894–1924) и Ашраф ад-Дин Гиляни (1870–1934) тем не менее категорически разошлись во мнениях относительно сохранения обычая закрывать лицо женщины (*пу герефтан*). Если для Эшки *хиджаб* — это «черный саван»⁸, то для его оппонента он ценен как символ религиозно-культурной идентичности: «Закрытие лица — требование нашей веры, // Мы — мусульмане, целомудрие — одно из предписаний нашей религии» [25. С. 591]. Воздавая

⁸ «В чем стыд? И мужчины, и женщины — рабы божьи // Что сделала такого женщина, чтобы ей стыдиться мужчину? // К чему это? // Если это не саван, скажи, зачем оно?» [24. С. 153–154].

должное подобным представлениям, отметим лишь, что зачастую высокие истины, преломляясь сквозь рутину повседневности, на практике теряют свой сакральный смысл. Об этом язвительно писал еще один популярный в 1920-е гг. поэт Ирадж Мирза (1874–1926). В своей провокационной поэме «Книга о *хиджабе*» он откровенно высмеял *хиджаб* как фальшивую «завесу чистоты», которая легко превращается в удобное прикрытие низменных желаний мнимой скромницы⁹.

Приняв решение о необходимости реформирования женской одежды, власть не сразу приступила к его осуществлению, уделяя первоочередное внимание более масштабным задачам: ревизии правовой и финансовой сферы, созданию новых управленческих структур. Но в фокусе внимания оставался и гендерный вопрос. Любая газета, сообщавшая о достижениях режима, непременно в качестве иллюстративного материала привлекала женский образ без *хиджаба* как символ грядущих перемен [27. С. 5–6].

Впервые о реформе одежды прицельно заговорили в 1928 г. после визита в Иран короля-реформатора Афганистана Амануллы-хана в сопровождении жены, одетой на европейский манер. Однако его свержение в 1929 г. в результате восстания Бачаи Сакао ярко продемонстрировало степень влияния консервативных сил и побуждало иранский трон к осторожности. Непростым был и собственный опыт. Прямым следствием внешнего преобразования мужчин в 1927 г. стали открытые протесты: если в Тегеране они были рассеяны сравнительно легко, то в святом Мешхеде для подавления несогласных была пущена в ход артиллерия. Только в 1935 г. под влиянием успеха кемалистских реформ в этой области [28. С. 157–224] власть решилась поставить на повестку дня вопрос о судьбе *хиджаба*, год спустя реализованный в указ о его запрете (*кашф-е хиджаб* — снятие *хиджаба*).

Самыми последовательными сторонниками открытости стали иранки из высших и средних слоев городского общества. Именно женщины из таких семейств первыми начали требовать в подражание своим родственникам-мужчинам доступа к образованию, к жизни за пределами домашнего очага и к улучшению условий, налагаемых на них существующим семейным кодексом. Судя по опубликованным воспоминаниям, многие замужние иранки легко расставались с *хиджабом*, желая себе и детям будущего без завесы [29]. Голосом женщин, приветствовавших отмену *хиджаба*, стала известная поэтесса Парвин Этесами (1907–1941). Избегавшая в своем творчестве политических тем, она тем не менее не могла не откликнуться на это событие: «И жизнь, и смерть ее протекали в затворничестве // Кем была женщина в те дни, если не узницей? // В лавке знания было много плодов, однако //

⁹ «Вот что такое чадра для женщины, если она // пребывает в невежестве! // Вот какова ваша безгрешная затворница! // Да, стыд и совесть у неё только в глазах, // а коли закрыто лицо, остальное неважно» [26. С. 81].

из этого изобилия ей ничего не доставалось // <...> // Глаза и сердце должны быть за завесой, но за завесой скромности, // изношенная чадра — это не основа мусульманской веры» [30. С. 153–154].

Несмотря на широко развернутую пропагандистскую кампанию и торжественное турне Реза-шаха по стране, сопровождаемое толпами женщин, приветствовавших «свое освобождение», часть из них после отмены *хиджаба* все же предпочитали вынужденное затворничество [31]. Среди обитательниц старых городских районов это приобрело характер пассивного сопротивления навязываемым новшествам. Используя традиционное устройство домов, иранки, не желавшие появляться в публичных местах без привычного *хиджаба*, превратили в подобие уличного пространства плоские крыши, которые они использовали для передвижения в пределах своего квартала [32. С. 7].

Исследование истоков и развития национализма как государственной политики в Иране обнаруживает его генетическую связь с гендерной проблематикой. Символический ряд, используемый новой иранской идеологией для самопрокламации, эксплуатирует образы семейных уз как основы современных общественных отношений. В этой системе ценностей женщине, как правило, отводится традиционная роль объекта, нуждающегося в защите и опеке со стороны мужской части сообщества. Очередной виток националистического видения путей развития государства связан в Иране с периодом «Великой войны». Именно тогда, в середине 1910-х гг., иранский национализм обращается к образам древнеиранской державности, определяя роль страны как одного из центров, наряду с Европой, мировой цивилизации, и ратует за возвращение утерянных позиций. Эта умозрительная модель была эффективно использована для пропаганды необходимости проведения нового реформаторского курса, осуществляемого режимом Пехлеви. К этому же подталкивал и пример соседних ближневосточных стран, следовавших по пути прогресса, в том числе и в попытке комплексного решения женского вопроса. Парадоксально, что яркой метой времени явились не изменения, внесенные в гражданский кодекс, не усилия власти по развитию женского образования, а в сущности одноразовая акция по запрету *хиджаба*. Она стала устойчивым символом и наглядным воплощением иранской модернизации первой половины XX в.

Библиографический список

1. *Litvak M.* The construction of Iranian national identity. An overview // *Constructing nationalism in Iran*. London — New York: Routledge, 2017. P. 10–31.
2. *Деххода А.* Логатнаме (Словарь). Тегеран, 1994 (на перс. яз.).
3. Реза-шах Пахлави. Сафар-наме-йе бе Хузестан ва Мазандаран (Дневник путешествия в Хузестан и Мазандаран). USA: Ketab Corp. 2007 (на перс. яз.).
4. *Tavakoli-Targhi M.* Refashioning Iran. Orientalism, Occidentalism and Historiography. New York: Palgrave, 2001.

5. *Кораяев Т.К.* «Союз в рвении», или «Молодая Турция»: к истории османской общественно-политической мысли второй половины XIX века // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 2. С. 33–71.
6. *Марагеи Зейн оль-Абедин.* Дневник путешествия Ибрагим-бека, или его злключения по причине фанатичной любви к Родине. М., 1963.
7. *Рябов О.В.* Гендерное измерение национализма: методологические проблемы исследования // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Естественные, общественные науки». 2008. Вып. 2, «Философия». С. 42–51.
8. «Сур-е Эсрафил». 1907. № 4 // Архив иранской прессы периода маршруте <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/4287107> (дата обращения 22.06.2023).
9. *Najmabadi A.* “Is Our Name Remembered?”: Writing the History of Iranian Constitutionalism as if Women and Gender Mattered. *Iranian Studies*, Vol. 29. No. 1/2 (Winter — Spring, 1996). P.85-109.
10. Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 495, опись 90, дело 87. Бюллетень Полпредства СССР в Персии. 1923.
11. Роскошь заката. Иран эпохи Каджаров. Конец XVIII в. — 1925. Каталог выставки. М.: ГМБ, 2021.
12. *Чайкин К.И.* Краткий очерк новейшей персидской литературы. М., 1928.
13. *Browne E.G.* Press and Poetry of Modern Persia: Partly Based on the Manuscript Work of Mirza Muhammad Ali Khan “Tarbiyat” of Tabriz. Cambridge, 1914.
14. Constitutional revolution: The press <https://iranicaonline.org/articles/constitutional-revolution-vi> (дата обращения: 20.08.2023)
15. «Данеш». 1910. № 1 // Архив иранской прессы периода маршруте <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/4125711> (дата обращения 10.06. 2023) (на перс. яз.).
16. Данеш. 1910. № 3 // Архив иранской прессы периода маршруте <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/4125730> (дата обращения 10.06. 2023) (на перс. яз.).
17. *Смирнов К.Н.* Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 годы. Тель-Авив: Иврус, 2002.
18. *Bachtin P.* The Royal Harem of Naser al-Din Shah Qajar (r. 1848–96): The Literary Portrayal of Women’s Lives by Taj al-Saltana and Anonymous ‘Lady from Kerman’. *Middle Eastern Studies*, 2015 Vol. 51. No. 6, P. 986–1009. <https://doi.org/10.1080/00263206.2015.1044897>
19. *Репина Л.П.* Пол, власть и концепция «разделенных сфер»: от истории женщин к гендерной истории // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С.123-137.
20. The making of modern Iran. State and society under Riza Shah, 1921–1941. Ed. *Cronin S.* London — New York: Routledge, 2003.
21. *Каземи М.* Страшный Тегеран. Перевод с перс. В.И. Тардова. Баку: Гянджлик, 1984.
22. *McClintock A.* «No Longer in a Future Heaven»: Nationalism, Gender, and Race // *Becoming National: A Reader* / G. Eley, R.G. Suny (Eds). New York, 1996. P. 260–285.
23. Персидский эндерун. Письма из Тегерана // Вестник Европы. 1886. № 10. С. 501–548.
24. *Эшки Мирзаде.* Коллийат-е мосаввар (Полное иллюстрированное собрание сочинений). Тегеран, 1981 (на перс. яз.).
25. *Гилани Ашраф ад-Дин.* Коллийат-е Ашраф Гилани (Полное собрание сочинений Ашрафа Гилани). Тегеран, 1996 (на перс. яз.).
26. Ирадж Мирза Дж. Диван (Собрание стихотворений). Тегеран, 1963 (на перс. яз.).
27. «Нахид». 22 ордибахешта 1307 г. (12 мая 1928 г.). № 68 (на перс. яз).
28. *Киреев М.Г.* История Турции XX век. М.: Крафт+ИВ РАН, 2007.
29. *Honarbin-Holliday M.* Becoming Visible in Iran. London; New York: Tauris Academic Studies, 2008.
30. *Этесами П.* Диван (Собрание стихотворений). Тегеран, 1954 (на перс. яз.).

31. Beebeejaun Y. Gender, Urban Space, and the Right to Everyday Life // *Journal of Urban Affairs*. 2017. Vol. 39. no. 3. P. 323–334.
32. *Шахри Дж.* Техран-е кадим (Старый Тегеран). Тегеран: Амир-е кабир, 1979 (на перс. яз.).

References

1. Litvak M. The construction of Iranian national identity. An overview. *Constructing nationalism in Iran*. London — New York: Routledge, 2017. P. 10–31.
2. Dekhkhoda A. *Logatname* [Dictionary]. Teheran, 1994 (In Persian).
3. Reza-shah Pahlavi. *Safar-name-je be Huzestan va Mazandaran* [Travel accounts]. USA: Ketab Corp. 2007 (In Persian).
4. Tavakoli-Targhi M. *Refashioning Iran. Orientalism, Occidentalism and Historiography*. New York: Palgrave, 2001.
5. Koraev TK. «Soyuz v rvenii», ili «Molodaya Turkiya»: k istorii osmanskoj obshchestvenno-politicheskoj mysli vtoroj poloviny XIX veka [“The Union in Zeal”, or “Young Turkey”: on the history of Ottoman socio-political thought of the second half of the 19th century. *Sociologicheskoe obozrenie [Russian sociological review]*. 2014;13(2):33–71.
6. Maragei Zejn ol’-Abedin. *Dnevnik puteshestviya Ibragim-beka, ili ego zloklyucheniya po prichine fanatichnoj lyubvi k Rodine* [Travel accounts of Ibrahim-bek]. M., 1963.
7. Ryabov OV. Gendernoe izmerenie nacionalizma: metodologicheskie problemy issledovaniya [Gender dimension of nationalism: methodological problems of research.]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Estestvennye, obshchestvennye nauki» [Ivanovo state university bulletin. Series « Social Sciences”]*. 2008;(2):42–51.
8. *Sur-e Esrafil*. 1907 (4). Arhiv iranskoj pressy perioda mashrute. Available from: <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/4287107> (accessed: 22.06.2023) (In Persian).
9. Najmabadi A. “Is Our Name Remembered?”: Writing the History of Iranian Constitutionalism as if Women and Gender Mattered. *Iranian Studies*. 1996;29(1/2):85–109.
10. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social’no-politicheskoj istorii [The Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow]*. Fond 495, opis’ 90, delo 87. Byulleten’ Polpredstva SSSR v Persii [Bulletin of the USSR embassy in Persia]. 1923. L. 7.
11. *Roskosh’ zakata. Iran epohi Kadzharov. Konec XVIII v. — 1925 [The luxury of sunset. Iran in the Qajar era]* Katalog vystavki. M.: GMV, 2021.
12. Chajkin K.I. *Kratkij ocherk novejshej persidskoj literatury [A brief outline of modern Persian literature]*. M., 1928.
13. Browne EG. *Press and Poetry of Modern Persia: Partly Based on the Manuscript Work of Mirza Muhammad Ali Khan “Tarbiyat” of Tabriz*. Cambridge, 1914.
14. *Constitutional revolution: The press*. Available from: <https://iranicaonline.org/articles/constitutional-revolution-vi> (accessed: 20.06.2023)
15. *Danesh*. 1910 (1). Arhiv iranskoj pressy perioda mashruteh. Available from: <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/4125711> (accessed: 10.06.2023) (In Persian)
16. *Danesh*. 1910 (3). Arhiv iranskoj pressy perioda mashrute. Available from: <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/4125730> (accessed: 10.06.2023) (In Persian)
17. Smirnov KN. *Zapiski vospitatelya persidskogo shaha [Accounts of the teacher of the Persian Shah]*. 1907–1914 gody. Tel’-Aviv: Ivruv, 2002.
18. Bachtin P. The Royal Harem of Naser al-Din Shah Qajar (r. 1848–96): The Literary Portrayal of Women’s Lives by Taj al-Saltana and Anonymous ‘Lady from Kerman’. *Middle Eastern Studies*. 2015;51(6):986–1009. <https://doi.org/10.1080/00263206.2015.1044897>

19. Repina L.P. Pol, vlast' i koncepciya "razdelennyh sfer": ot istorii zhenshchin k gendernoj istorii [Gender, power and the concept of "separated spheres": from women's history to gender history.] *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]*. 2000;(4):123–137.
20. *The making of modern Iran. State and society under Riza Shah, 1921–1941*. Ed. Cronin S. London — New York: Routledge, 2003.
21. Kazemi M. *Strashnyj Tegeran [Terrible Tehran]*. Perevod s pers. V.I. Tardova. Baku: Gyandzhlik, 1984.
22. McClintock A. «No Longer in a Future Heaven»: Nationalism, Gender, and Race. In: *Becoming National: A Reader*. G. Eley, R.G. Suny (Eds). New York, 1996, p. 260–285.
23. Persidskij enderun. Pis'ma iz Tegerana [Persian Anderun. Letters from Tehran]. *Vestnik Evropy [Herald of Europe]* 1886. № 10. S. 501–548.
24. Eshki Mirzade. *Kollijat-e mosavvar [The complete works]*. Tegeran, 1981 (In Persian).
25. Gilani Ashraf ad-Din. *Kollijat-e Ashraf Gilani [The complete works of Ashraf Gilani]*. Tegeran, 1996 (In Persian).
26. Iradzh Mirza Dzh. *Divan [Poetic works]*. Tegeran, 1963 (In Persian).
27. *Nahid*. 22 ordibiheshta 1307 g. (12 maya 1928 g.). № 68 (In Persian).
28. Kireev MG. *Istoriya Turcii XX vek [The history of Turkey XX c.]*. M.: Kraft+IV RAN, 2007.
29. Honarbin-Holliday M. *Becoming Visible in Iran*. London; New York: Tauris Academic Studies, 2008.
30. E'tesami P. *Divan [Poetic works]*. Tegeran, 1954 (In Persian).
31. Beebeejaun Y. Gender, Urban Space, and the Right to Everyday Life. *Journal of Urban Affairs*. 2017;39(3):323–334.
32. Spahri Dzh. *Tekhran-e kadim [Old Tehran]*. Tegeran: Amir-e kabir, 1979 (In Persian).

Информация об авторах

Ардашникова Анна Наумовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иранской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, e-mail: anardash@mail.ru ORCID: 0000-0001-9170-1803 Author ID: 1000379

Коняшкина Тамара Александровна — старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, e-mail: tamara_mgu@mail.ru ORCID: 0009-0002-7569-5794 Author ID: 1003943

Information about authors:

Anna N. Ardashnikova — Ph.D. (Literature), Associate Professor, Department of Iranian Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, e-mail: anardash@mail.ru ORCID: 0000-0001-9170-1803 Author ID: 1000379

Tamara A. Konyashkina — senior lecturer, Department of Middle and Near East History, Lomonosov Moscow State University, e-mail: tamara_mgu@mail.ru ORCID: 0009-0002-7569-5794 Author ID: 1003943

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-1-80-93

EDN: EAUVWQ

Научная статья / Research article

Преступление и наказание в османском Египте в последней четверти XVIII в.: дело об убийстве Йусуф-бея

В.Е. Смирнов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
125009, Российская Федерация, Москва, ул. Моховая, д. 11, с. 1

✉ smirnov@iaas.msu.ru

Аннотация. Исследование, выполненное в форме кейс-метода, посвящено всестороннему анализу сюжета из хроники выдающегося египетского историка Абд ар-Рахмана ал-Джабарти, повествующего о заказном убийстве одного из правящих эмиров Египта Йусуф-бея. На примере конкретного исторического эпизода рассматриваются сложные взаимоотношения духовных лидеров египетского общества (улама) с военно-политической элитой страны в лице представителей неомамлюкской «знати». Изучая довольно простые, на первый взгляд, обстоятельства этого громкого дела, автор приходит к неожиданному выводу. По мнению исследователя, ликвидация одной из ключевых фигур египетской военно-политической «знати» не вписывается в рамки традиционной борьбы внутри правящей элиты, которой была наполнена вся история Египта под властью османов. Основной причиной незавидной участи Йусуф-бея, как полагает автор, стало его неутраченное противостояние с представителями алимского корпуса — хранителями и интерпретаторами многовекового мусульманского наследия. Ставя себя в жесткую оппозицию по отношению к религиозным авторитетам, заключая их в темницу, угрожая им убийством, посягая на их жизнь в угоду своим честолюбивым амбициям, он нарушил неписанное правило уважительного и почтительного отношения к носителям власти духовной и понес заслуженное с точки зрения общепринятых норм поведения правящей элиты османского Египта наказание.

Ключевые слова: властные элиты, мамлюкские эмиры, неомамлюкская «знать», эмир ал-хаджж, египетские алимы, служители ислама

История статьи: Поступила в редакцию: 30.06.2023. Принята к публикации: 30.09.2023.

© Смирнов В.Е., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Смирнов В.Е. Преступление и наказание в османском Египте в последней четверти XVIII в.: дело об убийстве Йусуф-бея // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 1. С. 80–93. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-80-93>

Финансирование: Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по темам «Религиозные системы Востока: традиции и современность» и «История и культура стран Востока; межцивилизационные контакты».

Crime and Punishment in Ottoman Egypt in the Last Quarter of the 18th Century: the Yusuf Bey Murder Case

V.E. Smirnov

Lomonosov Moscow State University,
11/1 Mokhovaya St, Moscow, 125009, Russian Federation

✉ smirnov@iaas.msu.ru

Abstract. The study, executed in the form of a case-method, focuses on a story from the chronicle of the prominent Egyptian historian Abd al-Rahman al-Jabarti, describing the murder of Yusuf Bey, one of the ruling emirs of Egypt. By using this particular historical episode, the author illustrates the complicated relationship between the Muslim religious leaders of Egypt (ulama) and the military elite of the country represented by the neo-Mamluk “nobility”. Investigating these, at the first glance, ordinary circumstances of this gloomy case, the author comes to an unexpected conclusion. However, according to the researcher, the assassination of this key figure of the Egyptian military elite does not fit into the traditional struggle between or within the ruling factions, that filled the entire history of Egypt under the Ottomans. According to the author, the main reason for Yusuf Bey’s unenviable fate was his unceasing confrontation with the representatives of the Alim corps, the guardians and interpreters of the centuries-old Muslim heritage. By putting himself in opposition to the Muslim scholars, imprisoning and threatening them, infringing on their lives for the sake of his personal ambitions, Yusuf Bey violated the principles of respect and deference to the holders of spiritual authority and suffered the deserved punishment according to the generally accepted norms of behavior among the ruling elite of Ottoman Egypt.

Keywords: power elites, Mamluk emirs, neo-Mamluk “nobility”, Emir al-Hajj; Egyptian ulama, Muslim religious leaders

Article history: Received: 30.06.2023. Accepted: 30.09.2023.

For citation: Smirnov VE. Crime and Punishment in Ottoman Egypt in the Last Quarter of the 18th Century: the Yusuf Bey Murder Case. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(1):80–93. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-80-93>

Funding: The article was prepared as part of the Lomonosov Moscow State University research projects “Religious Systems of Asia: Tradition and Modernity” and “History and Culture of the Oriental Countries; Contacts between Civilizations”.

Введение

Современные отечественные и зарубежные исследователи практически единодушны в своих оценках общественно-политической жизни египетского общества XVIII в. Ее основу составляли процессы, связанные с прогрессирующим ослаблением власти Блистательной Порты и возрастающими сепаратистскими устремлениями глав крупнейших группировок неомамлюкского толка, которые вели между собой яростное противоборство за доминирование на внутривосточной арене [1. С. 14–18, 2. С. 152–153, 3. С. 1–3, 4. С. 88–89, 5. С. 17–18]. К середине XVIII в. выстроенный османами баланс внутренних политических сил в Египте, который долгие годы обеспечивал соблюдение интересов имперского центра, оказался полностью разрушен, а присылавшиеся из Стамбула губернаторы-правители с титулом паши¹ исполняли лишь представительские функции и не располагали действенными рычагами влияния на местную политическую элиту [1. С. 15, 2. С. 90, 3. С. 5–6]. В этих условиях реальной властью в крупнейшей из арабских провинций Османской империи обладали наиболее влиятельные «дома» (бейты) неомамлюкского типа, организованные на основе патронажно-клиентельных отношений [3. С. 30–31, 6. С. 17, 7. С. 131–132].

На фоне кризиса османской системы провинциального управления и возникавших центробежных тенденций в османском государстве во второй половине XVIII в. лидеры доминирующих бейтов оказались вовлечены в борьбу за перераспределение прибавочного продукта, большая часть которого ранее поступала в распоряжение центрального правительства. Как результат, многочисленные интриги, заговоры, вооруженные столкновения как между главами «семейств», так и внутри самих бейтов стали обыденной нормой повседневности рассматриваемого периода [2. С. 158, 8. С. 55]. С одной стороны, это соперничество поощрялось и даже провоцировалось официальными османскими властями, а с другой — такого рода противоборство было практически неизбежным в силу самой природы организации мамлюкского общества [1. С. 18].

Тем не менее, даже в нескончаемой череде физических расправ над поверженными оппонентами особо выделяется убийство видного эмира Йусуф-бея, занимавшего в последней четверти XVIII в. высокое положение в мамлюкской иерархии. Подробное изучение всех обстоятельств гибели одной из ключевых фигур египетских правящих кругов, зафиксированных в хронике знаменитого арабского летописца Абд ар-Рахмана ал-Джабарти, позволяет высказать предположение, что устранение мамлюкского авторитета не вписывалось в рамки традиционной борьбы внутри властной элиты, которой была наполнена вся история Египта при османах.

¹ Паша (сокращ. от титула «падишах») — первоначально в османском государстве этот титул давался крупным военачальникам и первым везирам султана. В последующие периоды титул паши имели государственные сановники в ранге везира, а также другие высшие военные и гражданские должностные лица, включая правителя Египта.

Социально-психологический портрет личности Йусуф-бея

История сохранила для нас не так много свидетельств о личности покойного. Доподлинно известно, что его патроном был прославленный мамлюкский эмир Мухаммад-бей Абу-з-Захаб², который в 1186 г.х. (1772/3) сделал своего воспитанника санджакбеем³ и женил на своей сестре [9. С. 49]. Судя по характеристике, которой удостоился Йусуф-бей от египетского хрониста Абд ар-Рахмана ал-Джабарти, он был типичным холериком, не знавшим покоя, «неуравновешенным, хаотичным в делах, беспокойным». Как пояснял историк, «в собраниях он не сидел на месте, то вскакивал, то садился, иногда говорил резко, кричал, а то успокаивался на некоторое время и проявлял какую-то человечность, но по малейшему поводу его настроение менялось, и он становился озабоченным» [9. С. 49]. Особенно ярко взрывной и сумасбродный темперамент Йусуф-бея проявился в ходе строительства его нового дома в районе озера «Биркат ал-Фил в Дарб ал-Хаммам напротив мечети Алмас», продолжавшегося целых пять лет. Столь длительный период возведения резиденции, на которую были потрачены огромные средства, арабский летописец объяснял в первую очередь взбалмошностью ее владельца. Случалось, что уже после сооружения значительной части дома, «вплоть до побелки, облицовки мрамором и деревом, росписи потолка, подгонки карнизов и скобяных изделий», Йусуф-бей, «поддаваясь внушению шайтана, разрушал все до основания и возводил заново по другому образцу» [9. С. 49].

Внутриполитическая борьба в египетской эйялете (1775–1777)

После смерти своего суверена от чумы в июне 1775 г. Йусуф-бей занял важную должность эмира ал-хаджж⁴. Фактически он стал третьим по значимости официальным лицом в неомамлюкской иерархии после

² Мухаммад-бей Абу-з-Захаб (ок. 1735–1775) — уроженец Черкессии, похищенный в юном возрасте и привезенный в Египет, где был приобретен легендарным мамлюкским эмиром Али-беем ал-Кабиром (ок. 1728–1773). Со временем стал зятем и одним из главных военачальников своего покровителя. В 1772 г. перешел на сторону Порты и выступил против Али-бея, приложив руку к его гибели. После смерти своего патрона и вплоть до своей кончины был фактическим правителем Египта [10. С. 651–655, 11. С. 700–704].

³ В Египте титул санджакбея (бея) получали высокопоставленные лица, которые изначально входили в круг приближенных египетского наместника. По сути, они унаследовали статус высших военачальников Мамлюкского султаната — эмиров сотни, предводителей тысячи. В исследуемый период они представляли собой верхний слой властной элиты египетского общества, выстроенной по иерархическому принципу.

⁴ Эмир ал-хаджж — глава каравана паломников, ежегодно отправлявшегося к святыням Мекки и Медины. Считался одним из главных по значимости беев в неомамлюкской структуре.

двух других мамлюков Абу-з-Захаба, «из коих старший и шейх ал-балад⁵ — Ибрахим-бей⁶». В то же время все дела в стране «исполнялись лишь при надзоре его сопровителя Мурад-бея»⁷ [9. С. 25]. Возможностью оспорить право властного тандема на верховенство в стране располагал хушдаш⁸ их партона — именитый эмир Исмаил-бей старший⁹, однако до поры до времени он «довольствовался получением доходов со своих владений, <...>, воздерживаясь от вмешательства в дела» [9. С. 25]. Как заявлял он сам своим потенциальным соперникам: «Я уступил вам управление страной и сам Египет, отнесся к вам, как к своим детям. Я ничего не хочу, кроме спокойного и радостного существования» [9. С. 38].

Между тем, в первой половине 1777 г. отношения между правящими мамлюкскими эмирами серьезно обострились. С одной стороны, по свидетельству Джабарти, «Йусуф-бей был в тягость Мурад-бею», причем до такой степени, что последний даже предпринял попытку физического устранения своего конкурента, выбрав момент, когда тот возвращался из хаджа во главе каравана паломников. Узнав о намерении супостата устроить ему ловушку, Йусуф-бей поспешил в Каир, «делая два перехода вместо одного», чтобы успеть соединиться со своими основными силами. Несмотря на последовавшее после этого чисто внешнее примирение, как писал хронист, «вражда продолжала оставаться в их сердцах» [9. С. 52]. Так, спустя некоторое время Мурад-бей вызвал одного из приближенных Йусуф-бея по имени Сулейман-кашиф, «и по какой-то причине распорядился избить его палкой». Вполне логично, что «Йусуф-бей разгневался на Мурад-бея за это и затаил зло против него» [9. С. 37].

Чуть раньше, в начале того же года, «возникли спор и тяжба» между Мурад-беем и Исмаил-беем старшим, когда первый из них попытался

⁵ Шейх ал-балад (араб. яз.) — «старейшина, предводитель страны»; это название закрепилось в официальной терминологии и во всех исторических документах за лидером немамлюкской корпорации, который во второй половине XVIII в. являлся фактическим правителем всего Египта.

⁶ Ибрахим-бей старший (ок. 1735–1816) — выходец из грузинского селения Марткоби по имени Абрам Шинджикашвили; один из мамлюков Мухаммада-бея Абу-з-Захаба [12. С. 209, 13. С. 9]. В 1775–1777, 1778–1786 и 1791–1798 гг. Ибрахим-бей вместе со своим сопровителем Мурад-беем находились у власти в Египте, образовав своеобразный властный тандем [14. С. 580–582].

⁷ Мурад-бей (ок. 1750–1801) — согласно общепринятой версии, уроженец Тифлиса [12. С. 209]. Был пленен турками, увезен из родных мест и продан мамлюкскому эмиру Мухаммад-бею Абу-з-Захабу [15. С. 420].

⁸ Хушдаш («друг», «побратим», «соратник») — термин персидского происхождения, которым обозначали мамлюков одного и того же владельца.

⁹ Исмаил-бей старший — грузин по происхождению, мамлюк Али-бея ал-Кабира, хушдаш Мухаммад-бея Абу-з-Захаба. Один из самых известных и влиятельных мамлюкских эмиров «дома» Каздоглийя, который доминировал в Египте во второй половине XVIII в. Скончался 20 апреля 1791 г. от эпидемии чумы [9. С. 342].

завладеть частью ильтизамов¹⁰, принадлежавших сотоварищу своего покойного господина. Лишь посредничество Ибрахим-бея потушило едва было не вспыхнувшую смуту, и эмиры «помирились, несмотря на вражду» [9. С. 26]. Однако по прошествии нескольких месяцев Мурад-бей вновь спровоцировал конфликт, послав своих людей забрать судно с грузом зерна, предназначавшееся для Исмаил-бея. Мало того, узнав о негативной реакции оппонента на собственный произвол, он «договорился с некоторыми заинтересованными <...> лицами о том, что они на следующий день отправятся в дом Исмаил-бея и убьют его». Предупрежденный о коварных замыслах своего противника Исмаил-бей старший поспешил покинуть пределы Каира и сосредоточил свои силы в селении Ашбакийя к северо-востоку от столицы [9. С. 38]. В ходе разгоревшихся баталий Йусуф-бей со своими сторонниками и мамлюками примкнул к Исмаил-бею.

В результате вооруженных столкновений, которые продлились несколько дней, их конкуренты — Ибрахим-бей и Мурад-бей — потерпели поражение и по традиции укрылись в Верхнем Египте. Как зафиксировал летописец, в четверг 19 джумада ас-санийя (25.VII.1777) «Исмаил-бей и Йусуф-бей после захода солнца вступили в город со стороны ворот Баб ан-Наср и направились в свои дома» [9. С. 38–40]. Последующие несколько дней были посвящены репрессиям в отношении приверженцев проигравшей партии, а также перераспределению «хлебных» мест и доходных должностей в пользу победителей. Оба триумфатора — и Исмаил-бей, и Йусуф-бей — были облачены в почетные одежды с собольим мехом, а первый из них был утвержден шейхом ал-балад и «управителем страны» [9. С. 40].

Убийство Йусуф-бея

Тем временем, спустя буквально неделю после заседания дивана, на котором египетский паша чествовал мамлюкских предводителей, Йусуф-бей был убит в своей резиденции. В среду 2 раджаба (6.VIII.1777) к нему явились люди Исмаил-бея — «Хасан-бей ал-Джиддави в сопровождении Исмаил-бея младшего, а это брат Али-бея ал-Газзави, [и кроме них] Салим-бей ал-Исмаили, Абд ар-Рахман-бей ал-Алави». Как писал Джабарти, «они провели с ним приятный час у пруда ал-Мак'ад ал-Матул» [9. С. 40–41].

Дальнейшие события получили подробное освещение в сочинении египетского историка. Хасан-бей сидел перед Йусуф-беем на скамье, возвышавшейся над этим местом. Слева от него располагался Исмаил-бей младший, а Салим-бей и Абд ар-Рахман-бей находились чуть поодаль и о чем-то

¹⁰ Ильтизам представлял собой частный подряд и предполагал сдачу земельных владений и отдельных видов государственных доходов в аренду частным лицам (мультазимам). К концу XVIII в. откупная система превратилась в один из главных источников дохода для лидеров правящей неомамлюкской верхушки.

разговаривали. Улучив момент, последний отделился от стоявших рядом с ними телохранителей Йусуф-бея, незаметно приблизился к нему, вытащил свой хлыст и ударом свалил его на землю. Тот попытался было подняться, но, «зацепившись за одежду Исмаил-бея младшего, упал на спину», после чего «его пронзили сабельными ударами». Охрану Йусуф-бея нападавшие обратили в бегство, открыв по ней стрельбу, после чего беспрепятственно покинули место убийства, чтобы оповестить своего патрона о результатах покушения. Когда хушдаши Йусуф-бея узнали о его гибели, они оставили город, направившись в Верхний Египет. Таким образом, не успев начаться, волнения завершились, «и Йусуф-бея похоронили». В четверг на заседании дивана паша облачил Исмаил-бея старшего в соболью шубу и повторно провозгласил его шейхом ал-балад [9. С. 41].

Таким образом, Джабарти прямо указывает на заказчика и организатора покушения на Йусуф-бея, который был устранен руками подопечных своего же союзника. Возникает резонный вопрос о мотивах этого заказного убийства. Можно предположить, что Исмаил-бей по давней «мамлюкской традиции» решил заранее ликвидировать потенциального конкурента в предстоящей битве за власть. Однако из текста хроники следует, что ранее ни тот, ни другой никогда не демонстрировали каких-либо завышенных политических амбиций. Да и борьба с Ибрахим-беем и Мурад-беем была далека от завершения, и устранять столь могущественного союзника было бы по меньшей мере неразумно и опрометчиво.

Взаимоотношения Йусуф-бея с алимским корпусом

Между тем внимательный анализ содержания некролога, написанного арабским летописцем по случаю смерти Йусуф-бея, наводит на мысль об иных причинах, которые могли побудить Исмаил-бея старшего избавиться от своего собрата по оружию. Вот что писал египетский историк о переменах в манерах поведения подопечного Мухаммад-бея Абу-з-Захаба, после того как тот стал эмиром ал-хаджж: «еще больше усилились его заносчивость и чинимый им произвол, в особенности это сказалось по отношению к алимам — он мстил им» [9. С. 49–50]. Далее Джабарти приводит несколько примеров притеснений служителей ислама со стороны покойного мамлюкского эмира.

Первый случай произошел, когда Йусуф-бей «уединился со своей наложницей» и увидел у нее на интимном месте наколотую надпись. Под страхом смерти он выведал у нее, что татуировку сделал некий шейх Ахмад Садум, «чтобы тем самым обеспечить ей привязанность ее господина». Этот духовный авторитет, «человек в годах, почтенный, известный своей способностью к магии благодаря умению вызывать духов, беседовать с ними и причастностью к алхимии», был схвачен, умерщвлен без суда и следствия, а тело его

было брошено в воды Нила. Кроме того, упомянутый эмир фактически ограбил убитого шейха, из дома которого, как писал Джабарти, «забрали много вещей и статуй», в том числе «плюшевое изделие» в виде мужского детородного органа. Все эти доставили Йусуф-бею, который показывал этот артефакт всем приходившим к нему эмирам и другим посетителям. Те дивились и смеялись, «а он говорил при этом: „Посмотрите на дела шейхов!“» [9. С. 50].

Другой эпизод был связан с шейхом Абд ал-Баки, который «при помощи шейха Хасана ал-Джиддави, маликита¹¹» расторг брачный союз дочери своего брата с ее уехавшим на какой-то период по своим делам мужем. Пока тот был в отлучке, она не только получила право на развод, но даже успела выйти замуж за другого. Когда ее прежний супруг возвратился в Каир, то обратился за содействием к Йусуф-бею, приказавшему своим мубаширам¹² найти и доставить шейха. Те схватили Абд ал-Баки, оскорбили его, «надев на руки и на ноги железные оковы», и бросили в тюремную камеру, «где он находился вместе с феллахами, осужденными за преступления» [9. С. 50–51]. На выручку арестованному собрату поспешила большая группа каирских алимов во главе с признанным исламским богословом, уважаемым шейхом Али ас-Саиди ал-Адави, который пользовался непререкаемым авторитетом среди властей предержавших еще во времена правления Али-бея ал-Кабира и Мухаммад-бея Абу-з-Захаба [10. С. 648–649, 11. С. 697–698.].

В ходе разбирательства с представителями алимского корпуса Йусуф-бей заявил о недопустимости расторжения брачных уз в отсутствие одного из супругов. Однако шейх ас-Саиди резонно возразил, что служители ислама лучше знают установления шариата, а развод был произведен в полном соответствии с действующими установлениями маликитского толка. Тем не менее, узнав, что на встрече присутствует расторгнувший брак шейх ал-Джиддави, разъяренный Йусуф-бей вскочил и крикнул: «Клянусь Аллахом, я отрублю тебе голову!». В ответ на эту угрозу шейх ас-Саиди предал эмира анафеме, приговаривая: «Да проклянет тебя Аллах и да проклянет работорговца, который привез тебя, и того, который продал тебя, и того, который купил тебя и сделал эмиром!». Сложно сказать, чем закончились бы дальнейшие препирательства, если бы не вмешались присутствовавшие при выяснении отношений эмиры. В итоге шейх Абд ал-Баки был доставлен из тюрьмы, и служители ислама удалились, кляня на чем свет Йусуф-бея, «а тот слышал это» [9. С. 51].

Следующая история противостояния эмира ал-хаджж с египетскими духовными лидерами случилась, когда вдова покойного шейха Ахмада, «прозванного ас-Сакат», обратилась к Йусуф-бею с жалобой на шейха Абд ар-Рахмана ал-Ариши. Будучи на момент кончины Ахмада ас-Саката муфтием

¹¹ Маликитский мазхаб — одна из четырех канонических правовых школ в суннитском исламе.

¹² Мубашир — гонец, посланник; от араб. глагола «башара», означающего «заниматься делом».

ханифитского толка, он был назначен опекуном его детей и распорядителем оставленного им состояния, часть которого ушла на погашение долгов, а остальное было распределено между наследниками. Однако, по мнению вдовы, ал-Ариши вступил в сговор с кредиторами и «разграбил наследство ее мужа» [9. С. 51].

Йусуф-бей вызвал муфтия к себе и потребовал от него предъявить весь имевшийся в наличии остаток имущества скончавшегося шейха. Со своей стороны ал-Ариши утверждал, что «с наследством покончено», и предоставил все необходимые «документы, доказательства и счетные книги». Тем не менее, Йусуф-бей обвинил того в подлоге и мошенничестве и «потребовал его к ответу через несколько заседаний маджлиса», но Абд ар-Рахман ал-Ариши продолжал настаивать на своем [9. С. 51–52].

Спустя некоторое время Йусуф-бей вновь «вызвал шейха Абд ар-Рахмана и задержал его под арестом у хазандара¹³». В этот раз спасти попавшего в опалу служителя Аллаха отправился один из самых влиятельных египетских алимов Абу-л-Анвар ас-Садат. Как свидетельствовал Джабарти, когда Абд ар-Рахман ал-Ариши узнал о его прибытии, то спустился во двор, где сорвал с себя чалму, фаранджийю¹⁴ и «стал быстро выкрикивать, говоря: “О, Йусуф-бей, твой дом погибнет” и тому подобное». Сидевший на кованой скамье над двором Йусуф-бей поднялся и призвал своих слуг схватить и убить вышедшего из себя муфтия, и лишь заступничество уважаемого шейха ас-Садата предотвратило, казалось бы, неминуемую расправу [9. С. 52].

Наконец, последний из конфликтов «героя» этого рассказа с представителями алимского корпуса приключился менее чем за пару месяцев до расправы с ним. В начале месяца джумада ал-ула (7.VI–6.VII.1777) обучавшиеся в ал-Азхаре магрибинцы обратились с иском в шариатский суд, который подтвердил их право распоряжаться домом, обращенным в вакф в их пользу. При этом учредитель вакфа, который по каким-то причинам пытался оспорить законность владения слушателей-магрибинцев этим имуществом, заручился поддержкой некоторых эмиров, в число которых входил и Йусуф-бей. Как поведал нам египетский хронист, когда тот увидел, что вынесенное решение не отвечает его замыслам и расчетам, то «пришел и ярость и приписал это преступлению». Он послал арестовать главу ривака¹⁵ магрибинцев — шейха Аббаса и самих студентов, однако те «сильно обругали и выгнали посланцев Йусуф-бея» [9. С. 35–36].

¹³ Хазандар — казначей, хранитель казны.

¹⁴ Фаранджийя — верхнее платье широкого покрова.

¹⁵ Ривак — землячество в университете ал-Азхар. Каждое такое землячество имело свои помещения, закрепленные, за уроженцами той или другой страны или египетской провинции. Ривак представлял собой замкнутую корпорацию во главе с шейхом, обеспечивающую своим членам обучение и пропитание за счет доходов, получаемых с вакфов, учрежденных на эти цели.

Об этом событии был извещен глава маликитов, авторитетный и чрезвычайно популярный в народе шейх Ахмад ад-Дардир, который написал письмо мамлюкскому эмиру с увещанием, чтобы тот «не мешал людям науки и не оспаривал решений суда». Однако когда его посланники явились к Йусуф-бею, тот «накричал на них, приказал арестовать их и бросить в тюрьму». Сразу после того как весть об этом дошла до шейха ад-Дардира и азхариотов, они отменили занятия и моления. Все входы в мечеть были перекрыты, «а слушатели забрались на минарет, выкрикивая призывы к выступлению против эмиров». Реагируя на разгоравшуюся смуту, хозяева близлежащих лавок закрыли их [9. С. 36].

Узнав о вспыхнувших в городе массовых беспорядках, эмиры обратились к Йусуф-бею, и тот был вынужден освободить арестованных. Тем не менее, волнения продолжались еще несколько дней, пока протестующие не получили гарантий безопасности и обещаний удовлетворить все выдвинутые ими требования. По свидетельству египетского историка, самую деятельную роль в урегулировании конфликта играл Исмаил-бей старший, который поручился соблюдать интересы шейхов, принял их фетву и обязался выплатить им ежемесячное содержание [9. С. 36–37].

Представляется, что именно эти события стали «последней каплей», оказавшей решающее воздействие на незавидную участь Йусуф-бея. Неомамлюкская верхушка вполне могла простить физическое устранение оппонентов из конкурирующих «партий». Другое дело — конфронтация с интеллектуальной элитой египетского общества в лице алимского корпуса. Эти ревностные блюстители и интерпретаторы многовекового мусульманского наследия всегда занимали особое положение в политической и социально-экономической жизни страны, а отдельные его представители были хорошо известны и почитаемы не только в арабских провинциях Османской империи, но и далеко за пределами Богохранимого государства [16. С. 38; 17. С. 104–106]. Бросать их в тюрьму, угрожать им убийством, лишать их жизни в угоду своим честолюбивым амбициям означало бы поднять руку на верховенство священного закона, шариата, следование которому составляло неотъемлемую часть бытования доминирующей мусульманской общины-уммы.

Выяснение всех обстоятельств убийства Йусуф-бея опровергает утверждение американского исследователя Д. Креселиуса, полагавшего, что со смертью Мухаммада-бея Абу-з-Захаба «сам характер отношений между улама и эмирами ощутимо изменился», в результате чего влияние ученых мужей на общественно-политическую жизнь в стране сильно упало [3. С. 140]. Безусловно, новая генерация египетской правящей элиты, пришедшая к власти на берегах Нила в последней трети XVIII в., в целом была куда более индифферентна к вопросам веры, чем предшествующее поколение мамлюкских эмиров. Тем не менее, даже несмотря на то, что в обыденной жизни многие из них совершали деяния и поступки, противоречившие нормам

морали и права, в общем и целом, они признавали высокий социальный статус и авторитет хранителей исламской религиозной традиции, воздавая им почести и оказывая знаки внимания. Даже такой одиозный соправителей Египта последней четверти XVIII в. как Мурад-бей, вся деятельность которого «была наполнена насилиями и необузданными действиями», по признанию Джабарти, «с уважением относился к улама, держал себя с ними вежливо, прислушивался к их словам и принимал от них ходатайства» [15. С. 429].

Как точно подметила патриарх отечественной османистики Ф.М. Ацамба, именно политическая нестабильность в Египте создавала «наиболее благоприятные условия для развертывания всех способностей и возможностей улама для распространения их влияния на все области общественной жизни, для расширения их и без того широких социально-политических функций религиозных лидеров». Практически они выступали в качестве самостоятельной политической силы, которая уравнивала внутреннюю обстановку в провинции и смягчала противостояние мамлюков, оджаков и османской администрации [18. С. 41–42]. С одной стороны, поддержка со стороны руководства алимского корпуса «как бы автоматически обеспечивала официальное признание в глазах египтян того или иного мамлюкского бея или османского должностного лица» [16. С. 40]. С другой — сила влияния слугителей Аллаха на умонастроение и социальное поведение верующих масс была столь велика, что в ответ на любые проявления произвола, беззакония и несправедливости они могли вывести на улицы Каира многотысячные толпы агрессивно настроенного простонародья, вооруженного лишь палками и камнями, но от этого не менее грозного и опасного [17. С. 112–113, 18. С. 51]. Иными словами, пользуясь метафорой ведущего российского специалиста по истории функционирования исламского религиозного комплекса в арабо-мусульманском мире С.А. Кириллиной, каирские алимы выступали в роли «цементирующего ингредиента», который препятствовал торжеству деструктивных тенденций, не позволяя обществу утратить органическое единство и расплыться на бесчисленные враждующие фракции [17. С. 46].

Заключение

Исмаил-бей старший, по-видимому, прекрасно осознавал, что противодействие духовным вождям мусульманской общины-уммы может оказаться губительным как для него самого, так и для всего его окружения. Очутившись волею судеб во главе неомамлюкской иерархии, он поспешил избавиться от своего импульсивного, непредсказуемого и, по большому счету, недалекого партнера, который своим поведением постоянно провоцировал конфликты власти светской с властью духовной. Правды мы уже никогда не узнаем, однако с большой долей вероятности можно утверждать, что именно по этой причине и был отдан приказ о ликвидации эмира ал-хаджж Йусуф-бея. Расправа

над ним вовсе не считалась преступлением с точки зрения общепринятых норм поведения правящей элиты османского Египта. Скорее, его убийство можно рассматривать как справедливое наказание за то, что он поставил себя в явную оппозицию к исламским религиозным авторитетам и нарушил неписанное правило уважительного и почтительного отношения к служителям культа и главным носителям «божественных знаний».

Библиографический список

1. *Ацамба Ф.М., Кириллина С.А.* Религия и власть: ислам в Османском Египте (XVIII — первая четверть XIX в.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1996.
2. *Куделин А.А.* Эволюция социально-политических институтов Османского Египта (XVII–XVIII вв.). М.: РУДН, 2017.
3. *Crecelius D.* The Roots of Modern Egypt. A Study of the Regimes of Ali Bey al-Kabir and Muhammad Bey Abu al-Dhahab, 1760–1775. Minneapolis — Chicago: Bibliotheca Islamica, 1981.
4. *Holt P.M.* The Pattern of Egyptian Political History from 1517 to 1798 // Political and Social Changes in Modern Egypt. Historical Studies from Ottoman Conquest to the United Arab Republic / ed. by P.M. Holt. London — New York: Oxford University Press, 1968. С. 79–90.
5. *Winter M.* Egyptian Society under Ottoman Rule, 1517–1798. London — New York: Routledge, 1992.
6. *Hathaway J.* The Politics of Households in Ottoman Egypt: The Rise of the Qazdaglis. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
7. *Смирнов В.Е.* Особенности становления и развития мамлюкского «дома» Балфийа // Исторический вестник. 2019. Т. XXIX. С. 134–155. <https://doi.org/10.35549/HR.2019.2019.47856>
8. *Смирнов В.Е.* Социальные практики египетских беев во второй половине XVIII в // Арабеска и тюльпан. Арабо-османский мир в религиозной и культурной динамике / отв. ред. Н.Р. Волькенштейн, В.В. Орлов. М.: ИВ РАН, 2021.
9. *Ал-Джабарти Абд ар-Рахман.* Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798) / пер. с араб., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. М.: Наука, 1978.
10. *Ал-Джабарти Абд ар-Рахман.* 'Аджа'иб ал-'асар фй-т-тараджим ва-л-'ахбар (Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий). Т. 1. Каир: Дар ал-кутуб ал-мисрийя, 1997.
11. *Gabartī 'Abd al-Rahmān Ibn-al-Hasan al-.* 'Abd al-Rahmān al-Jabartī's History of Egypt 'Ajā'ib al-Āthār fi 'l-Tarājim wa'l-Akhhār. Vol. I / translators: Crecelius D., Abd al-Malik B., Wendell Ch., Fishbein M. Stuttgart: Steiner, 1994.
12. *Джанелидзе Д.В.* Клод Савари о мамлюках грузинского происхождения // Литературная Грузия. 1981. № 7. С. 204–217.
13. *Мачарадзе В.Г.* Грузинские документы по истории русско-грузинско-египетско-эфиопских отношений 80-х годов XVIII века. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1967.
14. *Ал-Джабарти Абд ар-Рахман.* Египет под властью Мухаммада Али (1806–1821) / пер. с араб., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. М.: Наука, 1963.
15. *Ал-Джабарти Абд ар-Рахман.* Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801) / пер. с араб., предисл. и примеч. И.М. Фильштинского. М.: Наука, 1962.
16. *Ацамба Ф.М.* Высшее мусульманское духовенство в политической жизни османского Египта (XVIII–XIX вв.) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1993. № 3. С. 33–55.
17. *Кириллина С.А.* Исламские институты Османского Египта в XVIII — первой трети XIX века. Lewiston — Queenston — Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2000.

18. Ацамба Ф.М. Высшее мусульманское духовенство Египта в конце XVIII — начале XIX века (Социальные функции. Экономические позиции) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1992. № 4. С. 40–57.

References

1. Atsamba FM., Kirillina SA. *Religija i vlast': islam v Osmanskom Egipte (XVIII — pervaja chetvert' XIX v.)* [Religion and Power: Islam in Ottoman Egypt (18th century — first quarter of the 19th century)]. Moscow: Moscovskij universitet publ.; 1996. (In Russ.).
2. Kudelin AA. *Jevoljucija social'no-politicheskih institutov Osmanskogo Egipta (XVII–XVIII vv.)* [The Evolution of the Socio-Political Institutions of Ottoman Egypt (XVII–XVIII)] Moscow: RUDN publ., 2017. (In Russ.).
3. Crecelius D. *The Roots of Modern Egypt. A Study of the Regimes of Ali Bey al-Kabir and Muhammad Bey Abu al-Dhahab, 1760–1775*. Minneapolis — Chicago: Bibliotheca Islamica; 1981.
4. Holt PM. The Pattern of Egyptian Political History from 1517 to 1798. *Political and Social Changes in Modern Egypt. Historical Studies from Ottoman Conquest to the United Arab Republic*. In: Holt PM, editor. London — New York: Oxford University Press; 1968, p. 79–90.
5. Winter M. *Egyptian Society under Ottoman Rule, 1517–1798*. London — New York: Routledge; 1992.
6. Hathaway J. *The Politics of Households in Ottoman Egypt: The Rise of the Qazdaglis*. Cambridge: Cambridge University Press; 1997.
7. Smirnov VE. Osobnosti stanovleniya i razvitiya mamlyukskogo doma Balfija [Specific Traits of the Rise and Development of the Mamluk «House» of Balfiya]. *Istoricheskij vestnik*. 2019;(29):134–155. <https://doi.org/10.35549/HR.2019.2019.47856> (In Russ.).
8. Smirnov VE. Social'nye praktiki egipetskih beev vo vtoroj polovine XVIII v. [Social practices of Egyptian beys in the second half of the 18th century]. *Arabeska i tjul'pan. Arabo-osmanskij mir v religioznoj i kul'turnoj dinamike* [Arabesque and Tulip. The Arab-Ottoman World in Religious and Cultural Dynamics]. In: Volkenshtein NR, Orlov VV, editors. Moscow: IV RAN publ.; 2021. (In Russ.).
9. Al-Jabarti Abd ar-Rahman. *Egipet v kanun jekspedicii Bonaparta (1776–1798)* [Egypt on the eve of the Bonaparte expedition (1776–1798)]. Transl. from Arabic, preface and notes by Kilberg KhI. Moscow: Nauka publ.; 1978. (In Russ.).
10. Al-Jabartī 'Abd ar-Rahmān. *'Adzhā'ib al-'āsār fī-t-tarādzhim va-l-'ahbār (Udivitel'naja istorija proshlogo v zhizneopisanijah i hronike sobytij)* ['Ajā'ib al-Āthār 'l-Tarājim wa'l-Akhbār (An Amazing History of the Past in Hagiographies and Chronicles of Events)]. Vol. I. Cairo: National Library Press; 1997. (In Arab.).
11. Gabartī 'Abd al-Rahmān Ibn-al-Hasan al-. *'Abd al-Rahmān al-Jabartī's History of Egypt, 'Ajā'ib al-Āthār fi 'l-Tarājim wa'l-Akhbār*. Vol. I. Translators: Crecelius D, Abd al-Malik B, Wendell Ch, Fishbein M. Stuttgart: Steiner; 1994.
12. Dzanelidze DV. Klod Savari o mamlyukah gruzinskogo proishozhdenija [Claude Savari on the Mamluks of Georgian origin]. *Literaturnaja Gruzija*. 1981;(7):204–217. (In Russ.).
13. Macharadze VG. *Gruzinskie dokumenty po istorii russko-gruzinsko-egipetsko-jeffiopskih otnoshenij 80-h godov XVIII veka* [Georgian Documents on the History of Russian-Georgian-Egyptian-Ethiopian Relations in the 1880s] Tbilisi: Tbilisskij universitet publ.; 1967. (In Russ.).
14. Al-Jabarti Abd ar-Rahman. *Egipet pod vlast'ju Muhammada Ali (1806–1821)* [Egypt under the rule of Muhammad Ali (1806–1821)]. Transl. from Arabic, preface and notes by Kilberg KhI. Moscow: Nauka publ.; 1963. (In Russ.).
15. Al-Jabarti Abd ar-Rahman. *Egipet v period jekspedicii Bonaparta (1798–1801)* [Egypt at the time of the Bonaparte expedition (1776–1798)]. Transl. from Arabic, preface and notes by Filshtinskiy IM. Moscow: Nauka publ.; 1962. (In Russ.).

16. Atsamba FM. Vysshee musul'manskoe duhovenstvo v politicheskoy zhizni osmanskogo Egipta (XVIII–XIX vv.) [Higher Muslim religious leaders in the political life of Ottoman Egypt (18th–19th centuries)]. *Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies*. 1993;(3):33–55. (In Russ.).
17. Kirillina SA. *Islamskie instituty Osmanskogo Egipta v XVIII — pervoj treti XIX veka* [Islamic institutions of Ottoman Egypt in the 18th — the first third of the 19th century]. Lewiston — Queenston — Lampeter: The Edwin Mellen Press; 2000. (In Russ.).
18. Atsamba FM. Vysshee musul'manskoe duhovenstvo Egipta v konce XVIII — nachale XIX veka (Social'nye funkcii. Jekonomicheskie pozicii) [Higher Muslim religious leaders of Egypt at the end of the 18th — beginning of the 19th century (Social functions. Economic positions)]. *Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies*. 1992;(4):40–57. (In Russ.).

Информация об авторе:

Смирнов Валерий Евгеньевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, e-mail: smirnov@iaas.msu.ru. ORCID: 0000-0003-4276-4861

Information about the author:

Smirnov Valery Evgenievich — PhD. in History, senior researcher, Department of Middle and Near East history, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, e-mail: smirnov@iaas.msu.ru. ORCID: 0000-0003-4276-4861

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-1-94-104

EDN: IUNMOE

Научная статья / Research article

Дипломатия европейских государств и революция 1830 г. в Бельгии

О.В. Жидкова , Е.А. Попова

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

 jidkova.ov@mail.ru

Аннотация. Характер межгосударственных и международных отношений в пост-наполеоновский период был определен на Венском конгрессе 1814–1815 гг. Поддержание мира и стабильности в Европе, сохранение легитимизма правящих династий и контроль за балансом сил считались одними из основных задач Венской системы международных отношений. Главными препятствиями для соблюдения данных принципов стали революционные события 1820–1830 гг., которые возникали в разных регионах Европы. Ответом на «вызовы» новой системе международных отношений были как дипломатические, так и военные меры поддержания статус-кво европейских государств. Цель статьи — проанализировать позиции ведущих европейских государств на начальном этапе революции в Бельгии 1830 г. В условиях нарастания революционного кризиса в Европе важно понять, какими мотивами руководствовались российская, французская, австрийская, прусская и английская стороны при выработке своих позиций, каковы были мотивы их внешней политики в Бельгии и как они влияли на многосторонние отношения в период бельгийской революции. Исследование дипломатической переписки представителей европейских стран через каналы внешнеполитических ведомств позволило выявить существовавшие между Россией, Англией, Францией, Австрией и Пруссией разногласия по бельгийскому вопросу, проследить изменения позиций стран в процессе выработки совместного решения. Анализ процесса выработки европейскими странами решения о будущем Бельгии показал стремление участников «европейского концерта» соблюдать принципы Венской системы международных отношений.

Ключевые слова: Венская система международных отношений, урегулирование, вмешательство

История статьи: Поступила в редакцию: 24.07.2023. Принято к публикации: 18.10.2023.

© Жидкова О.В., Попова Е.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Жидкова О.В., Попова Е.А. Дипломатия европейских государств и революция 1830 г. в Бельгии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 1. С. 94–104. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-94-104>

Diplomacy of European States and the Revolution of 1830 in Belgium

O.V. Zhidkova , E.A. Popova

RUDN University,
6 Miklukho-Maklay St, Moscow, 117198, Russian Federation

 jidkova.ov@mail.ru

Abstract. The nature of interstate and international relations in the post — Napoleonic period was determined at the Vienna Congress of 1814–1815. Maintaining peace and stability in Europe, preserving the legitimacy of the ruling dynasties and controlling the balance of power were considered one of the main tasks of the Vienna system of international relations. The main obstacles to compliance with these principles were the revolutionary events of 1820–1830, which arose in different regions of Europe. The response to the “challenges” of the new system of international relations was both diplomatic and military measures to maintain the status quo of European states. The purpose of the article is to analyze the positions of the leading European states at the initial stage of the revolution in Belgium, which began in August 1830. In the context of the growing revolutionary crisis in Europe, it is important to understand what motives guided the Russian, French, Austrian, Prussian and English sides in developing their positions, what were the motives of their foreign policy in Belgium and how they influenced multilateral relations during the Belgian revolution. The study of the diplomatic correspondence of representatives of European countries through the channels of foreign ministries made it possible to identify the differences that existed between Russia, England, France, Austria and Prussia on the Belgian issue, to trace the changes in the positions of the countries in the process of developing a joint solution. An analysis of the process of European countries making decisions about the future of Belgium showed the desire of the participants of the “European concert” to comply with the principles of the Vienna system of international relations.

Keywords: Vienna system of international relations, settlement, intervention

Article history: Received: 24.07.2023. Accepted: 18.10.2023.

For citation: Zhidkova OV., Popova EA. Diplomacy of European States and the Revolution of 1830 in Belgium. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(1):94–104. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-94-104>

Одним из противоречивых решений Венского конгресса 1814–1815 гг., вызванное геополитическими интересами некоторых его участников, было объединение Бельгии и Голландии в единое королевство Нидерландов. Данное решение, принятое, по мнению одного из ведущих российских исследователей данного периода Н.С. Киняпиной, «вопреки здравому смыслу» [1. С. 157], привело, с одной стороны, к активному промышленному развитию нового

государства [2. С. 207], но, с другой стороны, существенно ущемляло политические, экономические, языковые и религиозные права бельгийского населения. Проводимая королем Нидерландов Вильгельмом I с начала 1820-х гг. политика способствовала росту национально-освободительных настроений среди бельгийцев и сплочению представителей разных сословий за свободу от Голландии.

Июльская революция 1830 г. во Франции была не первым и не единственным вызовом и кризисом сложившейся в 1815 г. Венской системы международных отношений. Но именно «французские события в огромной степени ускорили взрыв революции в Бельгии» [3. С. 199] и подтолкнули бельгийцев к активным действиям. Начало революционных событий в Бельгии связано с 24 августа 1830 г., когда в столице Бельгии было запланировано празднование дня рождения короля Вильгельма I. Именно в этот день на улицах города появились обращения к населению, содержащие следующие слова: «Понедельник — 23 августа — фейерверк, вторник — 24-го — иллюминация, среда — 25-го — революция» [4. С. 61].

И уже на следующий день, 25 августа 1830 г., практически через месяц после событий во Франции, в Брюсселе началось вооруженное восстание, события которого развивались так стремительно, что «среди властей царили растерянность и страх» [4. С. 66]. В результате неудачного для Вильгельма I противостояния с бельгийцами он был вынужден обратиться за помощью к России, Австрии, Пруссии и Великобритании.

Реакция европейских государств была незамедлительной, но не единой. Россия, прежде всего в лице императора Николая I, однозначно осудила эти события и высказалась за поддержку короля Вильгельма I. На столь категоричную позицию Петербурга влияли факторы как международного, так и личного характера. Россия, будучи одним из инициаторов создания Венской системы международных отношений, выступала за соблюдение статус-кво на европейском континенте, поэтому рассматривала принцип военного вмешательства как законный и необходимый для сохранения мира в Европе. В дополнение к первой и, конечно, основной причине поддержать короля Нидерландов у Николая I была и причина личного характера. Дело в том, что сестра Николая I Анна Павловна была замужем за старшим сыном Вильгельма I Виллем Оранским, то есть за наследным принцем [5. С. 40]. К тому же Россию и Нидерланды связывали и финансовые отношения [6. С. 287]. Безусловно, всё это определяло «исключительно проголландский характер» [7. С. 82] российской дипломатии в тот период.

При этом в современной российской историографии существует мнение, что Бельгия не представляла для России «жизненно важных интересов» [8. С. 212]. В.В. Дегоев придерживается мнения, что Николай I не был «настолько глуп, ортодоксален и самоуверен, чтобы броситься очертя голову на защиту легитимных прав нидерландского короля» [8. С. 213]. Но многие

факты, наоборот, демонстрируют как озабоченность российского руководства происходившими в Бельгии событиями, так и желание принять активное участие в решении бельгийского вопроса.

С первых дней революции в Бельгии Николай I получал подробные отчеты о развитии событий от своих представителей в Нидерландах князя Николая Дмитриевича Гурьева и князя Федора Александровича Голицына. И эти сообщения, характеризующие восставших бельгийцев как «сумасбродных и преступных элементов», как «сборище негодяев и бандитов» [7. С. 80], только утверждали российского императора во мнении о необходимости оказания военной помощи нидерландскому королю. Секретарь русского посольства в Нидерландах Ф.А. Голицын в своей депеше русскому послу в Лондоне Х.А. Ливену 7 сентября (26 августа) 1830 г., на второй день волнений в Брюсселе, сообщал: «События, разыгрывающиеся в Бельгии, с каждым днем приобретают все более серьезный характер. Мятежный дух не только проник почти во все южные провинции, но даже перешел через прусские границы; серьезные беспорядки имели место в Ахене и в Кельне» [3. С. 208].

Министр иностранных дел Нидерландов Верстольк де Селен в депеше своему поверенному в делах в Санкт-Петербурге О'Сюлливану де Грассу от 7 сентября 1830 г. сообщал о намерениях нидерландской стороны провести в Гааге переговоры с участием стран «соучредителей» Нидерландского королевства и Франции с целью предоставить Бельгии автономию. И судя по содержанию депеши вице-канцлера России К.В. Нессельроде посланнику в Гааге Н.Д. Гурьеву от 21 сентября (3 октября) 1830 г. российская сторона, расценивая бельгийские события как «пагубные», поддерживала данный план Нидерландов [9. С. 97]. Нессельроде указал в тексте депеши, что Николай I «считает необходимым воздать должное благоразумию короля, побудившему его заранее ничего не предрешать в деле, столь тесно связанном с общими соглашениями, не посоветовавшись со своими союзниками» [9. С. 96]. Также Н.Д. Гурьеву давались рекомендации при решении вопроса по определению административного деления Бельгии и Голландии «действовать в согласии с британским послом в Гааге» [9. С. 98]. Намерение России на первом этапе бельгийской революции добиться «добровольного согласия голландского короля для устройства бельгийского государства» разделяла и Австрия [10. С. 430].

При этом, рассматривая события в Бельгии как угрозу сохранения Венской системы, Николай I начал вести переговоры с Австрией и Пруссией о совместных военных действиях и параллельно с этим отдал приказ о подготовке к выступлению 1-й армии и армии Царства Польского [11. С. 27]. Был даже назначен главнокомандующий царской армией — фельдмаршал Иван Иванович Дибич. О подготовке к военной интервенции Николай I в октябре 1830 г. писал и своему брату, великому князю Константину, правда, проводить мобилизацию он советовал «не вызывая подозрений

как у противников, так и у союзников» [12. С. 201]. В случае если французы войдут в Бельгию, российский император готов был отправить туда 150-тысячное войско [9. С. 103]. Но состояние армии, ухудшившееся на фоне эпидемии холеры, привело к переносу запланированного похода на 1 января 1831 г. [11. С. 28]. А начавшееся в ноябре 1830 г. восстание в Царстве Польском переключило внимание Николая I с бельгийских событий на внутривосточный конфликт, исходивший из западных владений страны. Николай I вынужден был отказаться от военного вмешательства в бельгийскую революцию и присоединиться к мнению прежде всего Англии о необходимости принятия коллективного решения по бельгийскому вопросу и исключительно мирным дипломатическим путем. На основе чего можно даже считать, что «Польша спасла бельгийскую революцию» [8. С. 213]. Но события в Царстве Польском негативно повлияли и на без того сложные отношения между Россией и Францией [13]. И характер этих отношений только усугубился на фоне дальнейших событий в Бельгии.

Противоположной от российской была позиция Франции на разворачивающиеся события в Бельгии. Стоит отметить, что еще за год до революции в Бельгии глава французского правительства Ж. Полиньяк разработал так называемый «Большой проект» по изменению решений Венского конгресса, одним из пунктов которого рассматривалось увеличение территории Франции как раз за счет присоединения к ней Бельгии [14. С. 75]. Понятно, что такой «химический» план, пусть даже одобренный французским королем Карлом X, был обречен на провал [14. С. 76]. Но именно Франция была той европейской страной, которая сочувствовала бельгийцам, и «король баррикад» Луи Филипп придерживался принципа невмешательства в данном вопросе. При этом помощь бельгийцам была не только на словах, но и на деле. Так, из Франции в Бельгию направлялась помощь и деньгами, и оружием, и людьми. 30 июля 1830 г. в Париже было даже создано «Общество друзей народа», направившее на помощь бельгийцам батальон добровольцев [3. С. 201]. Возможность присоединить Бельгию к Франции подкреплялась тем фактом, что существовали «профранцузские симпатии бельгийцев и пробельгийские настроения французов» [8. С. 212].

О «французском следе» в бельгийских событиях писал и российский фельдмаршал И.И. Дибич, предполагая «покушение Франции на Бельгию» [6. С. 287]. Вторила ему и супруга посла России в Великобритании Х.А. Ливена княгиня Дарья Христофоровна Ливен в своем письме к британскому премьер-министру лорду Грейу 25 августа 1830 г. характеризует бельгийцев как «негодяев», которые «обращают свои взоры к Франции» [15. С. 84]. И опасения эти были не напрасны, потому что во Франции в ноябре 1830 г. министром иностранных дел маршалом О.-Ф. Себастьяни был разработан план о разделе Бельгии между Нидерландами, Францией и Пруссией, а также «вознаграждении» Англии передачей ей Антверпена [14. С. 71]. Французские левые либералы

и демократы, представляя группу Движение, активно поддерживали этот план, обращаясь с трибуны палаты депутатов к правительству с требованием немедленно занять Бельгию [16. С. 74]. Но консервативно настроенная часть французских политиков была против помощи бельгийцам, считая революционные события их внутренними проблемами [17. С. 17].

Информация о роли Франции в бельгийской революции поступала весьма противоречивой и в российский МИД, что в определенной степени искажало картину происходящих событий для российской стороны. Так в депеше нидерландского министра иностранных дел барона Вертольк де Селена была сформулирована концепция внутренних причин революции. Он писал К.В. Нессельроде о том, что французское правительство «не причастно к беспорядкам; нет никаких оснований полагать, что это восстание вызвано каким-либо заговором в Париже» [3. С. 208]. По информации В. де Селена, и один из лидеров бельгийской революции Поттер «пытался что-то предпринять в этом направлении», и «бельгийские мятежники несколько раз обращались за помощью к гражданским и военным властям Северного департамента, но каждый раз наталкивались на отказ» [3. С. 208].

Схожие по тональности и обеспокоенности ноты звучали со страниц депеши Н.Д. Гурьева министру иностранных дел Нессельроде от 11 (23) сентября 1830 г., который писал о событиях в Бельгии как о народном бунте, возникшем «иностранным влиянием ... руководимого сумасбродными и преступными элементами, имеющимися в стране» [3. С. 212]. Правда, позже Н.Д. Гурьев по сути высказал идею иностранного заговора против целостности Нидерландов. В очередной депеше от 16 (28 сентября) 1830 г. к К.В. Нессельроде он писал о том, что «восстание вызвано и поддерживается революционной партией во Франции, которая стремится к тому, чтобы, овладеть Бельгией, ввергнуть государство во всеобщий беспорядок». Рассматривая Бельгию как жертву французского заговора, Гурьев утверждал, что «ни один уважаемый бельгиец не причастен к восстанию» [3. С. 215].

Многочисленные обвинения Франции в поддержке бельгийской революции заставили Луи Филиппа отмежеваться от участия Франции в делах Бельгии. Да и сам король Луи Филипп понимал, что французская помощь бельгийцам на государственном уровне приведет как к ухудшению внутренней обстановки в стране, так и дестабилизирует международную обстановку [16. С. 72]. Тем не менее, французская сторона была не прочь усилить свои позиции в Бельгии. Отстаивание интересов в Бельгии должно было укрепить позиции Орлеанской династии. В подтверждение занятой Францией позиции глава правительства Л. Моле заявил: «Франция не может допустить, чтобы иностранные войска вступили в Бельгию для подавления восстания, и что всякое вооруженное вмешательство заставит Францию объявить войну вмешавшемуся» [16. С. 72].

Российская империя, планируя путем военной интервенции помочь нидерландскому королю подавить восстание в Бельгии, искренне рассчитывала на помощь и поддержку Пруссии и Австрии как своих партнеров по Священному Союзу. Однако, несмотря на первоначальные обещания, ни Берлин, ни Вена оказались не готовыми действовать решительно. Пруссия опасалась, что помощь Бельгии приведет к войне с Францией, которую поддержит Англия. Австрия, с одной стороны, вынуждена была защищать единство своей империи, поэтому готова была оказать Нидерландам только «моральную поддержку» [3. С. 203]. А с другой стороны, Австрия стремилась во что бы то ни стало разрушить союзнические отношения России с Францией [18. С. 157–158], укрепившиеся, по мнению венского двора, после подписания Лондонского протокола 1830 г. о независимости Греции Англией, Россией и Францией. К тому же Пруссия и Австрия отказались помогать Нидерландам без участия Англии.

Британский кабинет уделял большое внимание событиям в Бельгии и опасался усиления роли Франции на континенте, несмотря даже на то, что именно Великобритания была той единственной страной, которая на момент начала бельгийских событий признала новые власти Франции. Лондон опасался не только присоединения Бельгии к Франции, но и усиления влияния Франции на Бельгию в случае ее успешного отделения от Нидерландов. В этом вопросе мнение Великобритании совпадало с опасениями русского правительства, желавшего восстановления легитимной власти из-за опасений, что дальнейшее развитие бельгийской революции усилит роль Франции. Но и позицию России о военном вмешательстве в данный конфликт британское правительство не поддерживало, несмотря на официальное обращение из Гааги с просьбой о помощи, адресованное главным европейским кабинетам, включая даже Францию. Также Англия не могла поддержать военную интервенцию из-за сочувственного отношения английского общественного мнения к освободительной борьбе бельгийского народа, что окончательно склонило правительство герцога Веллингтона занять позицию, враждебную планам интервенции против Бельгии.

В свою очередь, голландское правительство из-за того, что оказалось не в силах самостоятельно подавить волнения в бельгийской части своего государства и обратилось к европейским дворам с просьбой об иностранной интервенции, также полагало возможным начало европейской войны с Францией. Так, в конце октября 1830 г. в письме к К.В. Нессельроде представитель Нидерландов в России О'Сюлливан де Грасс, подчеркивая настоятельную необходимость иностранной интервенции, отметил «неизбежность войны с Францией». При этом автор указал, что подобная позиция будет прежде всего невыгодна самой Франции, потому что война с Англией приведет к гибели ее торговли и уничтожению алжирской армии [3. С. 229].

Желая действовать сообща, Англия поддержала инициативу Луи Филиппа созвать конференцию для решения бельгийского вопроса. Конференция начала свою работу 4 ноября 1830 г. в Лондоне при участии Великобритании, России, Австрии, Пруссии и Франции. В результате дискуссий о судьбе Бельгии на конференции в Лондоне, явившейся первой «конференцией послов» XIX в. [19. С. 114], 20 декабря 1830 г. была признана независимость Бельгии, провозглашенная Национальным конгрессом Бельгии еще в середине ноября 1830 г. [12. С. 201]. 20 января 1831 г. участники утвердили и международный статус нового государства, заключавшийся в его «вечном нейтралитете» [12. С. 201].

В дальнейшем предметом для совместных обсуждений стали такие вопросы, как кандидатура короля Бельгии, разграничение территории между Голландией и Бельгией и ряд финансовых вопросов, активно обсуждавшиеся на продолжавшейся практически весь 1831 г. Лондонской конференции.

Таким образом, можно считать, что между лагерями европейских стран, представленных Англией и Францией с одной стороны и Россией, Австрией и Пруссией — с другой, удалось добиться компромисса по бельгийскому вопросу. Дипломатического успеха добились прежде всего Англия и Франция, следствием чего и стало сближение Франции с Англией на фоне ухудшения русско-французских отношений.

Бесспорно, что итоги Лондонской конференции по бельгийскому вопросу имели положительное значение для Франции. Создание независимого бельгийского государства, придерживающегося профранцузской ориентации, укрепляло международные позиции Июльской монархии. Этому успеха французская дипломатия достигла ценой значительных уступок: отказалась от присоединения Бельгии, от пересмотра границ, установленных в 1815 г., и даже согласилась, чтобы королем Бельгии стал ставленник Англии, принц Саксен-Кобургский. Благодаря бельгийской революции Франция смогла усилить свои позиции в Европе, обезопасить новый политический режим от европейских монархий.

Активное участие в решении судьбы Бельгии стало успехом и для английской дипломатии. Действуя как миротворец, глава британского правительства лорд Пальмерстон преследовал прагматические цели для своей страны. Но эти цели отчасти отвечали и задачам Венской системы в целом, одним из принципов которой было поддержание мира в Европе.

Для российской стороны бельгийская революция означала начало еще одной европейской революции, которую необходимо было «давить в зародыше». Но осознав, что интервенция против Бельгии не состоится, и оказавшись практически в изоляции, Россия согласилась с признанием нового государства. Правда, Николай I «долго не мог простить бельгийцам их революционного своеволия», из-за чего и дипломатические контакты с Бельгией были установлены только в 1852 г.

Решение бельгийского вопроса дипломатическим, компромиссным и благоприятным путем для самих бельгийцев хотя и привело к частичному отказу от принципов, заложенных в основу Венской системы международных отношений, но не разрушило саму систему и сохранило шаткий мир в Европе.

Библиографический список

1. *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России в первой половине XIX века. М.: Высшая школа, 1963.
2. *Шатохина-Мордвинцева Г.А.* Внешнеполитическая линия Королевства Объединенных Нидерландов // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 10–2 (43). С. 263–273. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-10-263-273>
3. К истории революции 1830 г. в Бельгии // Красный Архив. 1941. Т. 1. (104). С. 199–248.
4. *Намазова А.С.* Бельгийская революция 1830 года. М.: Наука, 1979.
5. *Бавыкин Ю.В.* Интересы и роль России в образовании королевства Нидерландов: династический союз с Оранскими как инструмент внешней политики Александра I // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 4 (55). С. 25–46. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-4-55-25-46>
6. История внешней политики России. Первая половина XIX века. (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М.: Международные отношения, 1999.
7. *Намазова А.С.* Российские послы о Бельгийской революции 1830 года // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М.: Наука, 1995. С. 79–88.
8. *Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М.: РОССПЭН, 2004.
9. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Серия вторая. Т. XVII. М.: Международные отношения, 2005.
10. *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. IV. Часть I. Трактаты с Австрией. 1815–1849. СПб., 1878.
11. *Айрапетов О.Р.* Как восстание войной обернулось // Родина. 2013. № 3. С. 27–31.
12. *Киняпина Н.С.* Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 192–210.
13. *Жидкова О.В.* Восстание в Польше 1830–1831 гг. и дипломатия России и Франции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2015. № 3. С. 70–78.
14. *Федосова Е.И.* Франция и Венская система (к вопросу о постоянно действующих и временных факторах внешней политики) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1996. № 5. С. 71–82.
15. *Намазова А.С.* Российские послы о Бельгийской революции 1830 года // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М.: Наука, 1995. С. 79–88.
16. *Манухина Н.П.* Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М.: Прометей, 2005.
17. *Федосова Е.И.* Французская либеральная мысль первой половины XIX в. о нации и национальном вопросе // Европейские революции 1848 г. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М.: Индрик, 2001. С. 12–21.
18. *Татищев С.С.* Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889.

19. Жолудов М.В. Бельгийская революция 1830 г. и британская дипломатия // Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года. Материалы международной научной конференции / под ред. В.М. Доброштан, С.И. Бугашева, А.С. Минина, Т.В. Рабуш. М., 2017. С. 112–115.

References

1. Kinyapina NS. *Vneshnyaya politika Rossii v pervoi polovine XIX veka*. [The foreign policy of Russia in the first half of the nineteenth century]. М.: Vysshaya shkola, 1963. (In Russ.).
2. Shatokhina-Mordvintseva GA. Foreign Policy of the United Kingdom of the Netherlands. *Bulletin of RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 2018;43(10–2):263–273. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-10-263-273>
3. К истории революции 1830 г. в Бел'гии. [On the history of the Revolution of 1830 in Belgium]. *Krasnyi Arkhiv*. 194; 104 (1):199–248. (In Russ.).
4. Namazova AS. *Bel'giiskaya revolyutsiya 1830 goda*. [The Belgian Revolution of 1830]. М.: Nauka, 1979. (In Russ.).
5. Bavykin YuV. Russia's Interests and Role in the Establishment of the Kingdom of the Netherlands: The Dynastic Union with the House of Orange as an Instrument of Foreign Policy under Alexander I. *MGIMO Review of International Relations*. 2017;55(4):25–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-4-55-25-46>
6. *Istoriya vneshnei politiki Rossii. Pervaya polovina XIX veka. (Ot voyn Rossii protiv Napoleona do Parizhskogo mira 1856 g.)*. [History of Russia's foreign policy. The first half of the XIX century. (From the wars of Russia against Napoleon to the Peace of Paris in 1856)]. М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. (In Russ.).
7. Namazova AS. Rossiiskie posly o Bel'giiskoi revolyutsii 1830 goda. [Russian ambassadors about the Belgian Revolution of 1830]. *Rossiia i Evropa. Diplomatiya i kul'tura*. М.: Nauka. 1995, p. 79–88. (In Russ.).
8. Degoev VV. *Vneshnyaya politika Rossii i mezhdunarodnye sistemy: 1700–1918 gg.* [Foreign policy of Russia and international systems: 1700–1918]. М.: ROSSPEN, 2004. (In Russ.).
9. *Vneshnyaya politika Rossii KhIKh i nachala KhKh veka. Dokumenty rossiiskogo ministerstva inostrannykh del*. Seriya vtoraya. T. XVII. [Foreign policy of Russia of the XIX and the beginning of the XX century. Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs]. М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2005. (In Russ.).
10. Martens FF. *Sobranie traktatov i konventsii, zaklyuchennykh Rossiei s inostrannymi derzhavami*. T. IV. Chast' I. Traktaty s Avstriiei. [Collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign powers. Vol. IV. Part I. Treatises with Austria. 1815–1849]. 1815–1849. SPb., 1878. (In Russ.).
11. Airapetov OR. Kak vosstanie voinoi obrnulos' [How the uprising turned into a war]. *Rodina*. 2013;(3):27–31. (In Russ.).
12. Kinyapina NS. Vneshnyaya politika Nikolaya I. *Novaya i noveishaya istoriya*. 2001;(1):192–210.
13. Zhidkova O.V. Vosstanie v Pol'she 1830-1831 gg. i diplomatiya Rossii i Francii. *RUDN Journal of World History*. 2015(3):70–78. (In Russ.).
14. Fedosova EI. Frantsiya i Venskaya sistema (k voprosu o postoyanno deistvuyushchikh i vremennykh faktorakh vneshnei politiki). [France and the Vienna system (on the question of permanent and temporary factors of foreign policy)]. *MSU Vestnik*. Seriya 8. Istoriya. 1996;(5):71–82. (In Russ.).
15. Namazova AS. Rossiiskie posly o Bel'giiskoi revolyutsii 1830 goda. [Russian ambassadors on the Belgian Revolution of 1830]. *Rossiia i Evropa. Diplomatiya i kul'tura*. М.: Nauka. 1995, p. 79–88. (In Russ.).
16. Manukhina NP. *Politicheskaya bor'ba vo Frantsii po voprosam vneshnei politiki v gody Iyul'skoi monarkhii*. [The political struggle in France on foreign policy issues during the July monarchy]. М.: Prometei, 2005. (In Russ.).

17. Fedosova EI. *Frantsuzskaya liberal'naya mysl' pervoi poloviny XIX v. o natsii i natsional'nom voprose. Evropeiskie revolyutsii 1848 g. «Printsip natsional'nosti» v politike i ideologii.* [French liberal thought of the first half of the XIX century about the nation and the national question]. M.: Indrik. 2001, p. 12–21. (In Russ.).
18. Tatishchev SS. *Imperator Nikolai i inostrannye dvory. Istoricheskie ocherki.* [Emperor Nicholas and foreign courts. Historical essays]. SPb., 1889. (In Russ.).
19. Zholudov MV. Bel'giiskaya revolyutsiya 1830 g. i britanskaya diplomatiya [The Belgian Revolution of 1830 and British diplomacy]. *Revolyutsii v otechestvennoi i mirovoi istorii: k 100-letiyu rossiiskikh revolyutsii 1917 goda. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Revolutions in Russian and World History: to the 100th anniversary of the Russian Revolutions of 1917. Materials of the international scientific conferenc.].* Ed. VM. Dobroshtana, SI. Bugasheva, AS. Minina, TV. Rabush. 2017, p. 112-115. (In Russ.).

Информация об авторах:

Жидкова Оксана Витальевна — кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, e-mail: jidkova.ov@mail.ru ORCID: 0000-0003-2679-9861

Попова Елена Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, e-mail: e-popova@yandex.ru ORCID: 0000-0002-3754-3581

Information about authors:

Zhidkova Oksana V. — PhD (In History), Assistant of the Department of World history, RUDN University, e-mail: jidkova.ov@mail.ru ORCID: 0000-0003-2679-9861

Popova Elena A. — PhD (In History), Associate Professor of the Department of World history, RUDN University, e-mail: e-popova@yandex.ru ORCID: 0000-0002-3754-3581

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ HISTORIOGRAPHICAL STUDY

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-1-105-118

EDN: HJSNJA

Научная статья / Research article

Описание кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака в мусульманских сочинениях первой половины XIII в.: к проблеме историографической преемственности

Д.М. Тимохин¹ , В.В. Тишин²

¹Институт востоковедения РАН,
107031, Российская Федерация, Москва, ул. Рождественка, д. 12

²Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
670047, Российская Федерация, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6

 horezm83@mail.ru

Аннотация. Исторический труд первой половины XIII в. «Джавам ул-хекайат ва лаваме ур-ревайат» («Сборник анекдотов и блестящих рассказов»), принадлежащий перу Сеид ад-Дина Мухаммада 'Ауфи, включает в себя значительный раздел по истории кочевых тюркских племен Дешт-и Кыпчака. Несмотря на то, что данный памятник хорошо известен исследователям, данный раздел из «Джавам ул-хекайат» никогда полностью не переводился на русский язык. Он был опубликован в первом томе «Туркестана в эпоху монгольского нашествия» В.В. Бартольдом на основании нескольких рукописных списков. Цель данного исследования заключается с одной стороны в том, чтобы познакомить исследователей с содержанием указанного раздела из сочинения Мухаммада 'Ауфи, а с другой — выделить его историографическую связь с более ранними памятниками мусульманской историографии. Проведенное исследование еще раз продемонстрировало тот факт, что основой для раздела «Джавам ул-хекайат», посвященного кочевым тюркским племенам Дешт-и Кыпчака, стал труд первой половины XII в. «Таба'и' ал-хаййаван» («О природе животных») выдающегося мусульманского ученого — Шараф ал-Заманом Тахиром ал-Марвази. Со своей стороны, Мухаммад 'Ауфи не стал полностью приводить рассказ более раннего автора: наибольшее внимание его привлекла та часть текста «Таба'и' ал-хаййаван», где речь шла о племенном союзе кыркызов. Другие кочевые тюркские племена в «Джавам ул-хекайат» описаны гораздо менее подробно иногда

© Тимохин Д.М., Тишин В.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

с очевидными ошибками и искажениями, которые допустил или сам Мухаммад ‘Ауфи, или переписчик его сочинения, при передаче топонимов и этнонимов, заимствованных из текста «Табә’и’ ал-хаййаван». Таким образом, эволюция нарратива о кочевых тюркских племен Дешт-и Кыпчака в мусульманской историографии XII — начала XIII вв. достаточно четко прослеживается при сравнении двух этих разделов из «Табә’и’ ал-хаййаван» ал-Марвази и «Джавам ул-хекаят» Мухаммада ‘Ауфи.

Ключевые слова: Мухаммад ‘Ауфи, кочевые тюркские племена, ал-Марвази, Джавам ул-хекаят, историографическая преемственность

История статьи: Поступила в редакцию: 26.07.2023. Принята к публикации: 04.10.2023.

Для цитирования: *Тимохин Д.М., Тишин В.В.* Описание кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака в мусульманских сочинениях первой половины XIII в.: к проблеме историографической преемственности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 1. С. 105–118. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-105-118>

Description of Nomadic Turkic Tribes of Eastern Desht-i Qipchāq in Muslim Writings of the First Half of the 13th century: on the Problem of Historiographical Continuity

D.M. Timokhin¹ , V.V. Tishin²

¹Institute of Oriental Studies of the RAS,
12 Rozhdestvenka St, Moscow, 107031, Russian Federation

²Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS,
6 Sakhyanovoi St, Ulan-Ude, 670047, Russian Federation

 horezm83@mail.ru

Abstract. The historical work of the first half of the 13th century “Jawāmi‘ ul-Hikāyāt wa Lawāmi‘ ul-Riwāyāt” (“A Collection of Anekdotés and Brilliant Stories”), written by Sayyīd al-Dīn Muḥammad ‘Awfī, includes a significant section on the history of the nomadic Turkic tribes of Desht-i Qipchāq. Despite the fact that this monument is well known to researchers, this section from “Jawāmi‘ ul-Hikāyāt...” has never been fully translated into Russian. It was published in the first volume of “Turkestan in the Era of the Mongol invasion” by V.V. Barthold on the basis of several handwritten lists. The purpose of this study is, on the one hand, to acquaint researchers with the content of this section from the work of Muḥammad ‘Awfī, and on the other hand, to highlight its historiographical connection with earlier monuments of Muslim historiography. The conducted research once again demonstrated the fact that the basis for the section “Jawāmi‘ ul-Hikāyāt...”, dedicated to the nomadic Turkic tribes of Desht-i Qipchāq, was the work of the first half of the XII century. “Kitāb Ṭabā’i‘ al-Ḥayawān” (“On the Nature of Animals”) by an outstanding Muslim scientist — Sharaf al-Zamān Ṭāhir al-Marwazī. For his part, Muḥammad ‘Awfī did not fully cite the story of an earlier author: the part of the text “Ṭabā’i‘ al-Ḥayawān”, where it was about the tribal union of the Qırqız, attracted his greatest attention. Other nomadic Turkic tribes in “Jawāmi‘ ul-Hikāyāt...” are described in much less detail, sometimes with obvious mistakes and distortions, which were made either

by Muḥammad ‘Awfī himself, or by the copyist of his work, when transmitting toponyms and ethnonyms borrowed from the text of “Ṭabā’i‘ al-Ḥayawān”. Thus, the evolution of the narrative about the nomadic Turkic tribes of Desht-i Qipchāq in Muslim historiography of the 12th — early 13th centuries is quite clearly traced when comparing these two sections from “Ṭabā’i‘ al-Ḥayawān” by al-Marwazī and “Jawāmi‘ ul-Hikāyāt...” by Muḥammad ‘Awfī.

Keywords: Muḥammad ‘Awfī, nomadic Turkic tribes, al-Marwazī, Jawāmi‘ ul-Hikāyāt..., historiographical continuity

Article history: Received: 26.07.2023 Accepted: 04.10.2023.

For citation: Timokhin DM., Tishin VV. Description of nomadic turkic tribes of eastern Desht-i Kipchak in Muslim Writings of the First Half of the XIII century: on the Problem of Historiographical Continuity. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(1):105–118. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-105-118>

Введение

Мусульманские сочинения первой половины XIII в. как исторического, так и историко-географического содержания далеко не всегда были по достоинству оценены исследователями: достаточно вспомнить характеристику «Джахан-наме» Мухаммада б. Наджиба Бакрана, которую дал этому памятнику известный российский ученый А.П. Новосельцев. «В одной рукописи с „Худуд ал-Алам“ находится еще один географический источник на персидском языке. Называется он “Джаханнаме” (“Книга мира”) и написан неким Наджибом Бекраном в первой четверти XIII в. Источник издан фототипическим способом вместе с вариантом его по парижской рукописи XV в. Сведения о хазарах в нем краткие и в целом известные» [1. С. 21]. Подобное отношение к отдельным памятникам мусульманской историографии первой половины XIII в. в исследовательской среде, как видно и на приведенном примере, вызвано компилятивным характером многих из них. В свою очередь, содержащиеся в них сведения о кочевых тюркских племенах Дешт-и Кыпчака также не всегда внимательно анализировались учеными опять же в виду их очевидного заимствования из более ранних мусульманских исторических и географических сочинений. Впрочем, далеко не всегда это было обусловлено исключительно компилятивностью содержания, как это видно в случае с сочинением Фахр-е Модаббера, чьи сведения о кочевых тюркских племенах были проанализированы нами в более раннем исследовании [2. С. 38–50]. В этой же статье нам хотелось бы обратить внимание на сравнительно хорошо известный исследователям мусульманском памятнике первой половины XIII в., чьи сведения о кочевых тюркских племенах сравнительно редко рассматривались специально на фоне более ранних мусульманских исторических и географических сочинений. Речь идет о сочинении «Джавам ул-хейкаят ва лаваме ур-ревайат» («Сборник анекдотов и блестящих рассказов») мусульманского историка Сеид ад-Дина Мухаммада ‘Ауфи, чей нарратив

в данном случае очевидно связан с более ранней историографической традицией. Сам по себе факт компилятивности рассказа о тюрках этого мусульманского историка не должен становиться причиной того, чтобы не учитывать его сведения наряду с данными других мусульманских памятников, пусть и более оригинальных по своему содержанию. Кроме того, стоит отметить и тот факт, что раздел о тюрках из состава «Джавам ул-хекаят» никогда ранее не переводился полностью на русский язык, так что одна из задач данной статьи познакомить широкого читателя с содержащимися в нем сведениями. Отдельно нами будет разобрана историографическая преемственность между данным отрывком из сочинения Сеид ад-Дина Мухаммада 'Ауфи и трудами более ранних мусульманских историков: к этой проблематике частично обращались более ранние исследователи, однако некоторые моменты были проанализированы ими весьма кратко или вовсе остались обойденными их вниманием. Таким образом, главная цель данной статьи с одной стороны представить широкому читателю перевод на русский язык фрагмента из «Джавам ул-хекаят», посвященного кочевым тюркским племенам Дешт-и Кыпчака, проанализировать особенности этого описания, а с другой — еще раз продемонстрировать его очевидную историографическую связь с более ранними памятниками мусульманской историографии.

Об источнике

Относительно сочинения Мухаммада 'Ауфи «Джавам ул-хекаят ва лаваме ур-ревайат» определенные сведения сообщает уже В.В. Бартольд в рамках «Туркестана в эпоху монгольского нашествия». *«Около 625/1228 г. в Индии была написана антология Мухаммеда Ауфи “Сборник анекдотов и блестящих рассказов”. Автор в молодости много путешествовал, был в Бухаре и в Хорезме. Их приведенных в его книге анекдотов для нас имеет наибольшее значение довольно многочисленные рассказы о Караханидах, особенно о Тамгач-хане Ибрахиме б. Насре. Кроме анекдотов, книга включает в себе историческую и географическую главы; в последней особенно интересны сведения о восточноазиатских и тюркских племенах; между прочим, автор первый их мусульманских писателей говорит об уйгурах»* [3. С. 83]. Впрочем, это сообщение выдающегося российского востоковеда является далеко не первым упоминанием об этом сочинении 'Ауфи¹: достаточно вспомнить второй том классического издания «История Индии как рассказывают ее собственные историки» [6], где присутствует подробное описание самого

¹ Этот мусульманский историк известен и другим своим сочинением, «Лубаб ал-албаб» («Сердцевина сердевин»), которое представляет собой поэтическую антологию. Несмотря на то, что это сочинение само по себе не является историческим, в нем содержится немало ценных сведений, востребованных в разное время востоковедами [4. С. 230; 5. С. 404; 3. С. 441] — *Д.Т.*

этого сочинения и биографии его автора. О структуре источника составители указанного издания сообщают следующее: *«Произведение разделено на четыре Кисмы или части, каждая из которых содержит двадцать пять глав, но первая часть является самой длинной и занимает около половины произведения. Первые пять глав посвящены соответственно (1) Атрибутам Творца, (2) Чудесам пророков, (3) Чудесным историям святых, (4) Анекдотам о царях Персии и (5) Анекдотам о халифах. Следующая глава посвящена справедливости, а все остальные аналогичным образом посвящены иллюстрации некоторых моральных или интеллектуальных качеств»* [6. С. 156].

Современные исследователи высказывали схожее относительно структуры и содержания этого сочинения Мухаммада 'Ауфи: *«„Джавам ул-хекаят ва лаваме ур-ревайат“, сборник анекдотов в прозе, состоящий из 4 разделов, каждый из которых состоит из 25 глав. При составлении этого очень обширного сочинения 'Ауфи использовал материал из исторических сочинений, художественной литературы, рассказов и отчетов, доступные ему сведения о поэтах и писателях и т.д. Некоторые источники, которыми он пользовался, утеряны. Этот сборник имеет значение не только как памятники литературы, но также имеет исторические и другие аспекты, придающие ему особую ценность»* [7. С. 117–118]. В этой цитате нас больше всего интересует момент, который связан с источниками сочинения Мухаммада 'Ауфи — исследователи признают, что часть из них до сих пор остается неизвестными для востоковедов. Справедливости ради стоит отметить, что связь между этим памятником и некоторыми другими мусульманскими текстами установлена сравнительно давно, однако это касается далеко не всех частей этого обширного произведения. *«В качестве источников, из которых были взяты эти истории, упоминается множество различных книг. Среди них Тарих Йамини, Тарих-и Насири, Тарих-и Мулук-и 'Аджам, Тарих ал-'Аббас, Маджма' ал-Амсал, 'Айн ал-Ахбар, Шарфу-н-Наби, Фарадж ба'ад ал-Шиддат, Халк ал-Инсан, Фаваид-и Кутб-и Хикайати, Мифтах ал-Хадж, Сарр ал-Дари, Шаджрат ал-Акл, Ахбар-и Барамика и другие»* [6. С. 157]. Что же касается непосредственно раздела о тюрках в составе сочинения Мухаммада 'Ауфи, то о его связи с более ранними памятниками мусульманской историографии мы подробно скажем ниже.

Отчасти проблемы с идентификацией историографических связей между «Джавам ул-хекаят» более ранними памятниками мусульманской историографии может быть объяснено тем, что до сих пор нет полного издания текста Мухаммада 'Ауфи. Помимо этого существуют несколько переводов отдельных фрагментов этого сочинения, как сравнительно давних, так и весьма современных [См.: 6. С. 157–203; 8. С. 178–206, 197–230]. Впрочем, это вряд ли может объяснить тот факт, что опубликованный В.В. Бартольдом в первом томе «Туркестана в эпоху монгольского нашествия» [9] на основании нескольких рукописей большой фрагмент текста «Джавам

ул-хекайат» до сих не практически был объектом пристального внимания российских исследователей [9. С. 83–101]. В составе зарубежной историографии редким исключением здесь следует признать классические исследования Й. Маркварта [10. С. 25–238; 11. С. 289–300], в которых он привел не только частичный перевод раздела сочинения Мухаммада ‘Ауфи, посвященного кочевым тюркским племенам Дешт-и Кыпчака, но также и фрагмент персидского текста источника с весьма ценными, с нашей точки зрения, комментариями [10. С. 39–42]. Другим примером обращения к интересующему нас фрагменту из «Джавам ул-хекайат» следует признать работу Рамазана Шэшэна, в которой им был приведен более полный перевод этого фрагмента на турецкий язык [12. С. 91–96]. В этом исследовании мы приведем полный перевод этого раздела на русский язык, а также попытаемся найти параллели между ним и более ранними мусульманскими историческими и географическими сочинениями, равно как и дать собственное пояснение отдельным сюжетам, о которых сообщает автор «Джавам ул-хекайат».

Перевод фрагмента из труда Мухаммада ‘Ауфи

Прежде всего, оговорим несколько важных, с нашей точки зрения, моментов: сам перевод был осуществлен нами с персидского текста, опубликованного В.В. Бартольдом в первом томе «Туркестана в эпоху монгольского нашествия». Российский востоковед включил в состав этого издания лишь отдельные фрагменты из «Джавам ул-хекайат», среди которых был и рассказ о кочевых тюркских племенах Дешт-и Кыпчака. Приведенный текст источника был выстроен В.В. Бартольдом на основании пяти известных ему на тот момент списков этого источника, список которых предваряет само издание текста [9. С. 83]. Интересующий нас раздел входит в состав четвертой главы сочинения Мухаммада ‘Ауфи и помещен В.В. Бартольдом после не менее любопытного для исследователей фрагмента из «Джавам ул-хекайат», названного автором «Рассказ о Чине (Китае — Д.Т.) и народах его». Надеемся, что в будущих исследованиях нам удастся вернуться к нему и познакомить с ним читателей, поскольку он также не переведен до сих пор на русский язык, однако здесь обратим внимание исключительно на рассказ Мухаммада ‘Ауфи о тюрках и начинается он следующим образом.

«Рассказ о Тюрках. Тюрки — являются великим народом и их количество и разновидности их весьма многочисленны. Племен их и мест стоянок без счета и многие из них являются обитателями пустынь. Большая часть из них кочевники, но [некоторые из них] оседают в благоустроенных землях (то есть среди оседлых народов — Д.Т.). Среди их великих племен есть гуззы (غزى) и они состоят из двенадцати племен (دوازده قبیله اند) и большинство из них называют себя гуззами (غز). И многих из них (тюркских племен — Д.Т.) называют уйгурами (ایغور), и многие [из них] в землях Хорезма обрели радость

Ислама в этих святых землях. Тогда они из своих земель вышли и переселились в города Ислама, и они себя называли Туркманами (ترکمان, в другом списке Туркан, ترکان — Д.Т.). И многие из них были силачами, так что уже в эпоху Джагари-текина (جغری تکین, т.е. *Чагры тегин — В.Т.) они появились и завоевали мир и имели собственного падишаха, и династия Сельджука в давние времена в господстве и завоевании стран преуспела. И среди них (тюрков — Д.Т.) есть люди, которые называют себя Кунами (قون) и они вышли из земель Ката (قتا / قبا), где и был ими оставлен их главный город и по этой же причине [оставлены их] скудные пастбища. Кинджи (کنجی) ставший хорезмшахом был из их числа. Затем они вознамерились последовать за племенем, которое называют себя Кайи (قایی). Число их и количество было весьма великим. [Однако] они от [исконных] пастбищ своих ушли далеко — и вторглись в землю Сари (ساری, правильное читать как شاری, т.е. «шары» — В.Т.), а народ Сари ушел в землю Туркменов (ترکمانیه), а Гуззы — в землю Баджанаков (بجناکیه) рядом с побережьем Армянского моря (دریای ارمنیه)².

И рядом с ними есть еще одно другое племя, которое там называют Хархиз (خرخیز, т.е. кыркызы — В.Т.) и число их весьма велико. Их место проживания между Востоком летним (مشرق صغی / صغی) и между Лахак (لحاک / کال / لحال), и Кимак (کیماک) к северу от них и Йагма (یغما) и Харлух (خرلخ) к западу от них. Одной из традиций Хархизов является сжигание своих мертвецов. Я слышал, что среди Хархизов есть люди из простонародья, которых они называют «возлюбленными» (معشوق): в один день все известные люди собираются вместе и там также присутствуют певцы и музыканты. Они пьют вино и, когда все их собрание напьется, тому человеку (то есть «возлюбленному» — Д.Т.), который подобен страдающему эпилепсией, они задают вопросы о том, что случится в конце года. Он им отвечает, будет ли этот год урожайным или голодным. И они действительно считают, что такой обман на самом деле является правдой. Знающие люди рассказывают, что [в землях] Хархизов есть четыре ущелья, в которых течет вода, и вода их из великой долины истекает. И та вода, которая в большую долину течет, между гор и мрачных пещер протекает. В книгах сказано, что некий человек из Хархизов построил малый корабль и спустил на тот поток, желая узнать его предел (протяженность — Д.Т.). Он плыл несколько дней, а затем в течение трех суток плыл в темноте, так что в эти трое суток ни света звезд, ни месяца, ни солнца не видел. И после этого степи достиг, и свет увидел. С корабля он вышел на берег и услышал звук лошадиных копыт: тогда влез на дерево и оттуда осмотрелся вокруг. Увидел трех всадников, которые проезжали мимо. Они были очень высокими, а стройность и длина их была

² Преимущественно этот отрывок текста о миграциях, впервые известный по сочинению ‘Ауфи, исходно также принадлежащий ал-Марвази, привлекал исследователей (основная реконструкция см.: [13. С. 275–277], приведена литература) — В.Т.

подобно копы. С ними были собаки величиной с вола, которые встали рядом с деревом, где он [прятался]. Они его увидели и проявили к нему милосердие: тогда он слез с дерева и к ним подошел. Они посадили его на лошадь, и собаки его не тронули. Затем его привезли они в свое жилище и угостили его своей едой. Маленький размер его тела их крайне удивил, потому что они никогда людей подобных ему не видели. Однажды он от них бежал и нашел обратную дорогу, так что, в конце концов, нашел путь к дому своему. Никто не знает, кем были эти люди, и какого они племени и роду.

Другим племенем тюрков являются Харлухи (خرلخ): их местожительство — горы Бутас (بونس)³ и эти горы являются золотыми горами. Они были рабами Токузгуззов (تغزغز), но затем взбунтовались против них и ушли в земли Туркестана и многие из них приняли Ислам. Их девять группировок — три [носят название] Джакали / Масаки (جکلی / مسکی), и три [носят название] Хасаки («هسکی»), и одна [называется] Нада / Бадава (ندا / بدوا), другие [называются] Кавалин / Кавали (کوالین / کوالی) и Нахастан / Нахостин (نخستین / نخستین)» [9, С. 99–100].

Некоторые замечания к переводу фрагмента из труда Мухаммада ‘Ауфи

Прежде всего, нам хотелось бы обратить внимания на некоторые сложные моменты, связанные с переводом конкретного фрагмента из «Джавам ул-хекаят». Несколько раз встречающееся в рассказе Мухаммада ‘Ауфи племя *туркман* (ترکمان) в одном из списков рукописи читается иначе — *туркан* (ترکان), что лучше отражает множественное число от *тюрк* (ترک). Первый же вариант в нашем случае следует считать искаженным производным от *туркан*, что, в свою очередь, и является наиболее правильным чтением. Также, как уже было отмечено и в тексте самого перевода, в фразе «[Однако] они от [исконных] пастбищ своих ушли далеко — и вторглись в землю Сари, а народ Сари ушел в землю Туркменов (ترکمانیه), а Гуззы — в землю Баджанакоев (بجناکیه) рядом с побережьем Армянского моря (دریای ارمنیه)» [9, С. 99], упомянутое племя *сари* — не более чем ошибка написания тюркского племени *шары* (شاری), хорошо известное исследователям. Достаточно вспомнить исследование Питера Голдена «Введение в историю Тюркских народов», где автор подробно указал все упоминания в источниках данного племенного объединения, включая и сведения из сочинения Мухаммада ‘Ауфи [13, С. 274–276].

Гораздо больше вопросов вызывает та часть приведенного В.В. Бартольдом фрагмента из «Джавам ул-хекаят ва лаваме ур-ревайат», где мусульманский автор приводит локализацию проживания племени кыркызов. «Их место проживания между Востоком летним (مشرق صغی)

³ У Р. Шэшэна — برلس [12, С. 93].

и между Лахак (لحاك / كال / لحال), и Кимака (كيماتك) к северу от них и Йагма (يغما) и Харлух (خرلخ) к западу от них». В этой фразе изначально неясно выражение مشريق صنغى / صنغى, равно как и указание то, что кыркызы проживают между «Лахак и Кимака». В отношении первого выражения следует отметить, что сам В.В. Бартольд не приводит никаких пояснений по этому поводу ни в тексте, ни в комментариях. В переводе этого фрагмента из «Джавам ул-хекайат ва лаваме ур-ревайат», который был осуществлен Й. Марквартом, эта фраза переводится следующим образом: «что касается их местожительства: между Востоком этот род и между Кимаком» [10. С. 42]. С нашей точки зрения, такой вариант перевод совершенно не объясняет присутствия в тексте после упоминания «Востока» дополнения в виде «صنغى / صنغى». В связи с этим гораздо ближе к истине видится вариант, приведенный в турецком переводе, осуществленном в работе Р. Шэшэна, где это место распознано как “Meşrik-i Sayfi (Yazlık Doğu)”, то есть ‘летний Восток’ [12. С. 92]. Подобный перевод этого выражения, который и был использован нами, свидетельствует о том, что صنغى / صنغى — не более чем искаженное арабское слово صيف, то есть «летний».

В качестве еще одного и самого важного аргумента следует привести соответствующую цитату из сочинения «Таба’и’ ал-хаййаван» («О природе животных»), написанного Шараф ал-Заманом Тахиром ал-Марвази: об историографической связи между этим текстом и «Джавам ул-хекайат» мы подробно расскажем в следующем разделе. Здесь же отметим, что более ранний автор XII в., то есть ал-Марвази, так локализовал место проживания кыркызов. «К ним также принадлежат Кыркызы, многочисленный народ, проживающий между летним Востоком и Севером, Кимаки проживают к северу [от них]...» [14. С. 30]. В арабском тексте, который приведен в том же издании этого источника, данная фраза выглядит таким образом: و منهم خرخيز و خم أمة كثيرة و مساكنهم بين المشرق الصيفى و بين الشمال و كيماتك فى شمالهم [14. С. *18 (араб. текст)]. Таким образом, можно констатировать тот факт, что выражение مشريق صنغى / صنغى в тексте «Джавам ул-хекайат» является искаженным вариантом сообщения ал-Марвази о «летнем Востоке» или المشرق الصيفى. Что же касается упомянутого Мухаммадом ‘Ауфи топонима или этнонима Лахак (لحاك / كال / لحال), то с нашей точки зрения сама фраза است و ميان لحاك представляет собой искаженное написание исходного و بين الشمال и из той части текста «Таба’и’ ал-хаййаван».

Историографическая преемственность

Йозеф Маркварт в комментариях к своему переводу приведенного выше фрагмента из сочинения Мухаммада ‘Ауфи указывает на связь между этим нарративом и более ранними памятниками мусульманской историографии, упоминая, в частности, связь между «Джавам ул-хекайат

ва лаваме ур-ревайат» и сочинением Абу Саида ал-Гардизи «Зайн ал-Ахбар» («Украшение известий») [10. С. 42. Комм. 2]. Однако, с нашей точки зрения, главным источником сведений в данном случае был не этот труд, а сочинение первой половины XII в. «Таба'и' ал-хаййаван», написанное Шараф ал-Заманом Тахиром ал-Марвази, которое 'Ауфи неоднократно цитирует и, собственно, сообщает его имя автора этого сочинения [14. С. 10–11; 12. С. 17, *dīrnot* 60 (приведена литература)]. Сам ал-Марвази действительно базировал свой труд на сведениях из «Зайн ал-Ахбар» [15. С. 105; 16. С. 87–88; 3. С. 17], однако отдельные эпизоды, в том числе связанные с кочевыми тюркскими племенами Дешт-и Кыпчака, у него существенно отличаются от сообщений ал-Гардизи [См.: 17. С. 60–65; 18. С. 95–103]. Следует отметить, что В.В. Бартольд и Й. Маркварт лишь предполагали историографическую связь между «Джавами ал-Хикайат» и «Таба'и' ал-хаййаван», однако на момент написания их работ сочинение ал-Марвази считалось утерянным: его текст и перевод на английский язык был опубликован В.В. Минорским лишь в 1942 г. [14]. В частности, В.В. Бартольд сообщал об этом источнике следующее: «*Ибн Муханна по поводу двенадцатилетнего животного цикла ссылается на не дошедшее до нас сочинение врача Шараф аль-Замана Марвези „О нравах животных“*» [19. С. 81]. Ниже мы постараемся еще раз продемонстрировать, что именно на труде ал-Марвази базировал свой рассказ о кочевых тюркских племенах Дешт-и Кыпчака Мухаммад 'Ауфи.

Начнем с того, что начало рассказа о тюрках в сочинении последнего практически полностью совпадает с началом главы «О тюрках» в «Таба'и' ал-хаййаван». «*Тюрки являются великим народом и состоят из множества видов и разновидностей, многих племен и родов. Некоторые из них обитают в городах и поселках, и некоторые из них живут в пустошах и пустынях*» [14. С. 29]. Мухаммад 'Ауфи полностью следует и логике перечисления тюркских племен, которая присутствует в упомянутой главе из «Таба'и' ал-хаййаван»: первыми упоминаются гуззы, как это делает и ал-Марвази. Более поздний автор очевидно сократил первую строчку из более раннего сочинения, что позволило ему связать гуззов и уйгуров не столь очевидно, как об этом пишет ал-Марвази. «*Среди их великих племен есть Гуззы, которые включают в себя двенадцать племен, и некоторые из них называются Тогузогузами, некоторые Ю-гурами, и некоторые Уч-гурами*» [14. С. 29]. Другим маркером, говорящим в пользу связи текста «Джавами ал-Хикайат» и именно с «Таба'и' ал-хаййаван», является упоминание в обоих памятниках при описании племени кунов хорезмшаха Икинчи ибн Кочкара (Кинджи у 'Ауфи — *Д.Т.*), о чем не сообщает в своем рассказе о тюрках ал-Гардизи [20. С. 109–219].

Впрочем, именно у последнего ал-Марвази заимствует большую часть своего рассказа о кыргызах: особенно упоминание о кремации умерших и предсказателях будущего, которых он, как и Гардизи, называет *фағйиңун* (فغينون) (?) [21. С. 30 (перс. текст), 48 (рус. перев.); 20, С. 128 (англ. перев.), 189

(перс. текст); 14, С. 30 (англ. перев.), 43, *19 (араб. текст)]⁴. Этим же предсказателям будущего Мухаммад ‘Ауфи называет иначе: «я слышал, что среди Хархизов есть люди из простонародья, которых они называют “возлюбленными” (معشوق)...» [9. С. 100]. Здесь, с нашей точки зрения, мы вновь сталкиваемся с банальным искажением исходного написания в тексте «Джавами ал-Хикайат», как это было продемонстрировано нами на примерах выше.

Однако в остальном сообщении о них в «Джавами ал-Хикайат» ничем не отличается от данных из «Зайн ал-Ахбар» и «Таба’и’ ал-хаййаван» [9. С. 100]. При этом ал-Гардизи не приводит в своих сообщениях о кыркызах рассказа о путешествии одного из них к границам собственного региона проживания и его встречи с «великанами» [20, С. 126–128]. Такое сообщение есть только у ал-Марвази, что еще раз подчеркивает тот факт, что Мухаммад ‘Ауфи был знаком лишь с его сочинением, а не с более ранним текстом «Зайн ал-Ахбар». «В землях Киргизов есть это четыре водных потока, которые текут и вливаются в единый большой водный поток, протекающий гор и мрачных пещер. Рассказывают, что некий человек из Хирхизов построил корабль и плыл по той реке три дня в темноте, так что в эти трое суток он не видел ни света солнца, ни звезды, ни какого-либо другого света. Затем он выехал на свет и открытое пространство и покинул свой корабль. Услышал звук копыт животного, тогда немедленно влез на дерево; оттуда увидел трех проезжающих всадников, которые были по высоте подобны копыю и с ними были собаки величиной с быка. Когда они подошли к нему и увидели его, они сжалились над ним, и один из них спустил его вниз [с дерева] и посадил его на свою лошадь, спрятав его от собак, опасаясь, что они разорвут его на куски. Затем его привезли они в свое жилище и угостили его своей едой, удивляясь ему, потому что они никогда людей подобных ему не видели. Затем один из них вывел его оттуда и довел его до его собственного дома, направляя его по дороге, пока он не добрался туда. Никто не знает, кем были эти люди и какого они племени и роду» [14. С. 30]. Сравнение этого рассказа с тем, что было приведено нами выше, равно как

⁴ В. Минорский, читавший здесь вслед за В.В. Бартольдом *faghīnūn*, утверждал, что это однозначно слово восточно-иранского происхождения, которое может быть сопоставлено с др.-ир. *βagh* ‘God’ (ср.: *faghfūr*) [14. С. 104–105]. А. Инан предложил исправление приводимого у Гардизи написания *فغينون* на *فمينون*, при этом расшифровывая его как *kat-oyun* [22. С. 74]. Согласно А. Инану, в первой части сочетания следует видеть известный термин *qam* ‘шаман’, во второй части – название шамана, известное у саха тюрков (якутов), *ойун*. Илья Гершевич предположил, что здесь оригинальное согд. **vaghvēwan* (< *vagh* ‘God’ + *vēwan* ‘prophet’), вследствие метатезы преобразовавшееся в **vaghēvwan*, что в арабском написании должно было передаваться как **faghēfwan*, но ошибочно написано *faghīnūn* (*faghēnūn*) [23. С. 180, Комм. 17]. А.П. Мартинес предпочитает транскрипцию *foḡītūn*, отмечая при этом возможность двоякого чтения в рукописи: *FĠYNWN* или *VĠYNWN*; он допускает, что это двухэлементный термин, первое слово в составе которого сопоставляет с др.-тюрк. *böḡü* ‘wise, sage’, монг. *böge/büge* ‘shaman, wizard’ [20. С. 128, note 20] — В.Т.

и отсутствие подобного сообщения у ал-Гардизи не оставляет сомнений в том, что при описании кочевых тюркских племен Дешт-и Кыпчака главным, а возможно и единственным источником для Мухаммада ‘Ауфи, был именно текст «Таба’и’ ал-хаййаван».

Стоит также обратить внимание на концовку рассказа о тюрках в тексте Мухаммада ‘Ауфи: «*другим племенем тюрков являются Харлухи (خرلخ): их местожительство — горы Бутас (بوتس) и эти горы являются золотыми горами. Они были рабами Токузгуззов (تغزغز), но затем взбунтовались против них и ушли в земли Туркестана и многие из них приняли Ислам. Их девять группировок — три [носят название] Джакали / Масаки (جکلی / مسکی), и три [носят название] Хасаки (هسکی), и одна [называется] Нада / Бадава (ندا / بدوا), другие [называются] Кавалин / Кавали (کوالی / کوالین) и Нахастан / Нахостин (نخستین / نخستین)*» [9. С. 99–100]. У ал-Марвази название горы, где располагается местожительство карлуков дано как *تونس* (**толис*). Названиям девяти подразделений карлуков, приведенным Мухаммадом ‘Ауфи, у ал-Марвази соответствуют следующие именованья: по три *чигиль* (جکلیة) и *بعسکلایة*, остальные три — *بلاق* (**булак*), *کوکرکین* (**көк-эркин?* **кюль-эркин?*), *تخسی* (**тухсы*) [14. С. 31 (англ. перевод), 106 (коммент.), *19 (араб. текст)]. Как видно, эти орфографические формы без особых затруднений могут превратиться в искаженные написания, приведенные у Мухаммада ‘Ауфи (подробнее об идентификациях см., напр.: [13, С. 197, Комм. 42])

Заключение

Сопоставление рассказ о кочевых тюркских племенах Дешт-и Кыпчака из «Джавам ул-хекаят ва лаваме ур-ревайат» Мухаммада ‘Ауфи с соответствующим разделом из «Таба’и’ ал-хаййаван» не оставляет никаких сомнений в том, что именно текст ал-Марвази стал главным источником сведений о тюрках для более позднего автора. Рассказ автора первой половины XIII в. представляет собой краткий пересказ избранных фрагментов из более раннего сочинения, где, очевидно, наибольшее внимание Мухаммада ‘Ауфи было обращено на кыркызов: так, о некоторых тюркских племенах он сообщает лишь название и примерную локализацию кочевания, но лишь о кыркызах мы находим весьма подробные сведения. В частности, в состав «Джавам ул-хекаят» вошел рассказ о кремации покойных, которое осуществляет это племя, равно как сообщение о «провидцах», к которым обращаются кыркызы для того, чтобы узнать будет ли следующий год урожайным или нет. Несомненно, именно ал-Марвази стал источником сведений о путешествии одного из представителей данного племени с целью узнать границы собственного региона проживания и о его встрече с великанами — в других ранних текстах, в частности у ал-Гардизи, этого рассказа просто нет. Стоит также отметить, что определенные, «сложные» для перевода места из «Джавам ул-хекаят» легко

переводятся при соотнесении их с соответствующими разделами из «Таба’и’ ал-хаййаван», как это было в случае с локализацией проживания кыргызов.

Несмотря на то, что приведенный нами отрывок из сочинения Мухаммада ‘Ауфи является частичной компиляцией текста «Таба’и’ ал-хаййаван» его перевод на русский язык имеет определенное научное значение. Прежде всего, перед нами наглядная демонстрация историографической преемственности в описании кочевых тюркских племен Дешт-и Кыпчака между мусульманскими памятниками XII — первой половины XIII в. Также важно понимать, что именно интересовало более поздних авторов в текстах их предшественников и на каких описаниях они сосредотачивали свое наибольшее внимание. На примере Мухаммада ‘Ауфи можно констатировать интерес поздних историков к обычаям и традициям кочевых народов, равно как и пересказ ими наиболее интересных легенд, которые были приведены их предшественниками. Несомненно, отдельное внимание заслуживают упомянутые Мухаммадом ‘Ауфи топонимы и этнонимы, часть из которых передана им с очевидными ошибками, что может свидетельствовать и его собственной невнимательности, равно как и об ошибках, допущенных переписчиками рукописного текста. Фиксация такого рода искажений ценна, с нашей точки зрения, еще и потому, что позволяет фиксировать эволюцию тех или иных топонимов и этнонимов в рамках мусульманской историографии на достаточно длительном временном промежутке.

Библиографический список

1. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990.
2. Тимохин Д.М., Тишин В.В. Список тюркских племен в сочинении Фахр-е Модаббера // Золотоордынское наследие. Материалы VII Международного Золотоордынского Форума «Цивилизационное значение принятия Ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России», Казань, 14–16 декабря 2022 г. Выпуск 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. С. 38–50.
3. Бартольд В.В. Сочинения. Т. I: Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: Наука, 1963.
4. Lubabu ‘I-Albab of Muhammad ‘Awfi / Edited in the original Persian. Pt I, with indices, Persian and English prefaces, and notes, critical and historical, in Persian, by E.G. Browne and Mirza Muhammad ibn ‘Abdu ‘I-Wah-hab-i-Qazwini. Leyden: E.J. Brill; London, Luzac & Co., 1906.
5. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть 2. Исследование. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1900.
6. Elliot H.M. The History of India, as Told by Its Own Historians. Vol. II, Muhammadan period / Ed. by J. Dowson. London: Trübner & Co., 1869.
7. Matīnī J. ‘Awfī Sadīd-al-Dīn // The Encyclopaedia Iranica. London: Brill, 1989 Vol. III, Fasc. 2. P. 117–118.
8. Бейсембиев Т.К. Известия «Джавами’ ал-хикайат» ал-‘Ауфи о Саманидах, Караханидах, Сельджукидах и Хорезмшахах // Золотоордынское обозрение. 2015. № 1–2. С. 178–206, 197–230.

9. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть первая. Тексты. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1898.
10. *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen // *Bang W., Marquart J.* Ostturkische Dialektstudien. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1914. S. 25–238.
11. *Marquart J.* Skizzen zur geschichtlichen Völkerkunde von Mittelasien und Sibirien // *Ostasiatische Zeitschrift*. 1919–1920. Bd. VIII. Festschrift für Friedrich Hirth zu seinem 75. geburtstag 16. april 1920. S. 289–299.
12. *Şeşen R.* İslam Coğrafyacılarına Göre Türkler ve Türk Ülkeleri. 2. baskı. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2001.
13. *Golden P.B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. –Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992.
14. *Sharaf al-Zamān Ṭāhir Marvazī* on China, Turks and India / Arabic Text (*circa* A.D. 1120) with the English translation and commentary by V. Minorsky. London: The Royal Asiatic Society, 1942.
15. Гардизи Абу Са'ид. Зайн ал-ахбар. Украшение известий. Раздел об истории Хорасана / Перевод с персидского языка А.К. Арендса. Введение, комментарии и указатели Л.М. Епифановой. Ташкент: Фан, 1991.
16. *Kitab Zainu'l-Akhbar*. Composed by Abu Sa'id 'Abdu'l-Hayy B. ad-Dahhak B. Maḥmud Gardizi about A.H. 440 / Edited by Muhammad Nazim. Berlin: Orientalischer Zeitschriftenverlag Irsanschähr, 1928.
17. *Тимохин Д.М.* Упоминания титулатуры тюркских правителей при описании истории Газневидов в «Таба'и' ал-Хаййаван» ал-Марвази // *Российско-азиатский правовой журнал*. 2021 № 3. С. 60–65.
18. *Тимохин Д.М.* Сведения о султани Махмуде Газневи в сочинении Ал-Марвази «Таба'и' ал-Хаййаван» // *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. 2022. № 1 (45). С. 95–103. <https://doi.org/10.31554/2222-9175-2022-45-95-102>
19. *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // *Сочинения*. Т. 5. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Главная редакция восточной литературы, 1968. С. 19–195.
20. *Martinez A.P.* Gardīzī's Two Chapters on the Turks // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1982. Т. II. P. 109–217.
21. *Бартольд В.В.* <Извлечение из сочинения Гардизи *Зайн ал-ахбār*> Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.» // *Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т.* М.: Наука, 1973. Т. VIII. Работы по источникововедению. С. 23–62.
22. *İnan A.* Tarihte ve Bugün Şamanizm: Materyaller ve Araştırmalar. 3. baskı. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1986.
23. *Boyle J.A.* Turkish and Mongol Shamanism in the Middle Ages // *Folklore*. 1972. Vol. 83. No 3. P. 177–193.

Информация об авторах

Тимохин Дмитрий Михайлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, e-mail: horezm83@mail.ru. ORCID: 0000-0002-9093-5269

Тишин Владимир Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Российская Федерация, e-mail: tihij-511@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7344-0996